

МОИ ЛЮБИМЫЕ

ДОКТОР

То Бой

СОДЕРЖИТ
НАСИЛСТВЕННУЮ
СЦЕНУ

18+

ДАРЬЯ ВОЗНЕСЕНСКАЯ

Офигенный день рождения! Одна, в роскошном отеле, с шампанским. И подругами, которые орут в три глотки по телефону: - С днем рождения-яя! Можешь открыть подарок. Скидываю крышку с коробки, которую доставили пару часов назад. И недоуменно смотрю внутрь: наручники, лента презервативов, какие-то тубики... - Это что? - спрашиваю растерянно. - Это еще не все, - сообщает Натали, - Вторая часть подарка постучится к тебе в дверь. - Так уже... - еще больше теряюсь, потому что и правда стучат. - Какой шустрый! - восхищается подруга. - Его зовут Демид, - заговорщицки шепчет вторая. - Вы мне... эскортника прислали? - не могу поверить я. - Доктора! - хохочет третья идиотка, - Пусть вылечит твою... Последнее слово я не слышу. Отключаюсь и иду к двери. Послать того, кто там, подальше!

- [Мой любимый доктор по вызову](#)
  - [Дарья Вознесенская. Мой любимый доктор по вызову](#)
  - [Здесь главное начать, главное начать, хоть что-то отмечать!](#)
  - [ввв ленинград. спб точка ру](#)
  - [В Питере пить](#)
  - [Главное в жизни – определиться, где твоё место и что ты за птица](#)
  - [Горит пожар моей души. Достань брандспойт и потуши](#)
  - [Можно жить так, но лучше ускориться](#)
  - [Растворился я в тебе, как в океане море](#)
  - [Пизже, чем в Париже, чем в Париже – пизже](#)
  - [Еду и рулю, в Питере температура близится к нулю, но я протестная натура](#)
  - [А я тут перед вами, кривляюсь и танцую](#)
  - [На лабутенах, нах...](#)
  - [И в офигительных штанах](#)
  - [Там было телок много – и нервы как канат](#)
  - [Но я не недотрога](#)
  - [Мой приемник – односторонняя связь, тире и точки – арабская вязь](#)
  - [А вокруг, не на что ни похожее – бытиё не сложилось пазлами](#)
  - [Жизнь мела и кружила порошею, без причины её отфутболили](#)
  - [Отменили слова некрасивые – всё красиво и не навязчиво](#)
  - [Но я в сапоги заправляю клеша!](#)
  - [Будет все у нас путем, если вместе мы идем!](#)
  - [Хорошо бы и наш завод стал таких выпускать](#)
  - [Мне нужна сегодня ты. К тебе бе-бе-бегу-у-у](#)
  - [Я мужчина секс-машина, на ходу стираю шины](#)
  - [Эй, проводник, открой все двери, пускай звонят колокола](#)
  - [Девушка с понятием и с формами такими, что не буду никогда я гулять с другими](#)
  - [Однажды знакомый спросил: «Ну ты как?». «Да вроде нормально, нормально, чувак»](#)
  - [Тебе повезло, ты не такой как все. Ты работаешь в офисе](#)
  - [И тебе все трудней с каждым днем, это факт. Но ты опять продлеваешь с собою](#)

контракт

- Долой мечты. Долой мечты. Затянем посильней болты
  - Всё равно пришлось идти. Если начал так кути!
  - Что вкусно, то не вредно, а вредно грустным быть
  - Вот лекарство против стресса – стопудовая принцесса
  - Меня трясет и глючит, ноу ноу фьюче
  - Под окнами местная шпана конючит – ноу ноу фьюче
  - В моей башке, давно пустой, мотивчик поселился. Ноу ноу фьюче
  - Это так меня бесит и очень злит. Это – болезнь, у меня всё болит
  - А пистолеты не давали сбоя, мы выросли на фильмах про ковбоев
  - Умные вам скажут люди, что все дело в амплитуде
  - Моя гитара звонкая, пускай звенит струна
  - Полным-полна чаша, но пустая миска
  - Хороший был мужик по кличке Губошлёп. Герой хит-парадов, в позиции топ
  - Всё равно пришлось идти. Если начал так кути! – 2
  - Жара, пожар, огонь в тебе горит, и килограммы женского тротила!
  - Небо в алмазах, в штанах миллион, моя зараза пьёт совиныйон
  - Ноги должны быть и талия. Ну и так и далее
  - В женщине есть какой-то секрет. Если кто «против», то я лично «нет»
  - Порой им будет тяжело. Но ведь добро сильнее, чем зло
  - И баба робот и мужик, нашли свой рай, свой Геленджик
  - И вот я играю, и вот я играю, иду прямо в лоб или по краю
  - Люди не любят чужих неудач, дали мяч – хуячь!
  - Айседора кричите шоферу, чтоб жал тормоза
  - Любовь накрыла с головой, если уснул – проснись и пой
  - Иногда я ходил в никуда, никогда не ходил по прямой
  - Дороги мои, дороги. Выносили ноги, помогали боги
  - Иду по улице с довольной рожей, мне удивляется каждый прохожий
  - Музыку включи мне музыку
  - Злая пуля! Дай мне волю. Прямо в сердце, чтоб без боли
  - Но не дамся им живым, лучше сдохну молодым
  - Мой адрес не дом и не улица. Мой адрес сегодня такой
  - Напишу припев попроще, чтобы пели даже тёщи
  - Финальная песня
-

Мой любимый доктор по вызову

Дарья Вознесенская. Мой любимый доктор по вызову

Здесь главное начать, главное начать, хоть что-то отмечать!

Я бы не вляпалась в эту историю, если бы не мои ненормальные подруги.

Хотя что уж на них спирать. Я тоже не до конца нормальная, раз решилась на эту авантюру. Нет, не в смысле в Питер поехать одной. В Питере можно просто пить и часами бродить по Эрмитажу.

Но я же не этим занялась... Как они сумели в тот вечер взять с меня обещание? А потом и провернули это все?

Началось с Олиного вопроса:

– Ты уже придумала, как будешь праздновать день рождения? Через неделю же.

– Его ж не празднуют, – говорю с сомнением, вынырнув из собственных мыслей.

– А тебе сорок? – поперхивается вином Олька.

– Вроде нет... Но и до тридцати едва доживаю, лучше не привлекать внимание этой, с косой. – отмахиваюсь.

Что-то меня эта неделя добила, раз такие идиотские мысли.

– Ты говоришь так, будто тридцатник – приговор, – закатывает глаза Мариша и аккуратно отпивает мерзкого вида зеленое пойло. Ее одержимость здоровым образом жизни откровенно пугает. С другой стороны она на пять лет меня старше, а выглядит даже лучше. Может и мне пора переходить с игристого на сельдереевое?

– Значит буду праздновать, – улыбаюсь подругам. Широкая у меня улыбка, сияющая. Даже не хочу вспоминать, сколько я на нее потратила. Блин. Зачем вспомнила? Скипаю, – Вот как приду с работы, как переоденусь... в пижаму и завалюсь спать в восемь вечера! Роскошный же план?

– План ужасный, – морщится Натали. Вообще она Наташка, конечно. Из хрен пойми какой области – не любит говорить. Но она тот самый селф – мэйд – потому Натали. И выглядит соответственно. Вложила не только в зубы, но и в сиськи, а все остальное вылепила в спортзале и у косметологов. Острая на язык, не обременена детьми или строгими моральными установками. Короче, берет от жизни все и не заморачивается. Так что несмотря на серьезную должность, мужики ее обожают, – Выморозишь так всю спальню.

– Чем? – не понимаю.

– Своей скованной льдом вагиной, – сообщает совершенно серьезно и теперь уже мы все прыскаем, а потом заходимся хохотом. – Ника, ну вот правда. Что за фигня у тебя последнее время происходит? Ты классная девка, я тебя сама хочу, когда приводишь себя в порядок, но где твой задор? Желание напиться в хлам и танцевать всю ночь? Очередь из мужиков с цветами и намерением тебя трахнуть?

– Меня и без того отлично трахает моя работа, мои клиенты и мой бывший муж, – бурчу.

– В прямом смысле? – оживляется Олька.

– В переносном! – гаркаю, – Вы же знаете моего бывшего, серьезно думаете, я могу иметь с ним что-то общее кроме дочки и контакта в телефоне "не бери трубку"?!

– Дочка у тебя замечательная! – успокаивающе гладит меня по руке Мариша, пока я соплю и морщу нос.

Полинка замечательная. Лучшая.

Каждый раз, когда мне хочется переломать кости бывшему, я вспоминаю, что именно благодаря его телодвижениям у меня появилась моя пре-елесть. Мелкая, конопатая, веселая, с вечно драными коленками прелесть. И сразу желание прибить проходит.

– Вот с Полиной и отпразднуем, – радуюсь отличному выходу из положения. Ну не хочу я вечеринку. И даже в ресторан не хочу. Я решила, что теперь лютый интроверт. – Блин, не отпразднуем. Весенние каникулы же... мою первоклашку Петины родители на Байкал тащат.

– Там лед такой... – расплывается Мариша, – Скоро во всех Инстаграмах страны. Тебе бы тоже пошло лежать в одном купальнике и унтах...

– Я такой фигней не страдаю, – передергиваюсь. – И нам с бывшими свекрами на одном льду делать нечего. Кто-то нечаянно примерзнет.

– Может сгонять в Турцию?

– Море без ребенка? У нее руки тоненькие, но удавит.

– Новый ресторан? Говорят открылся...

– Мне худеть надо, а не бегать по ресторанам.

– У тебя соберемся?

– Соседи еще от последнего раза не отошли.

– Это было три года назад!

– Но вас до сих пор вспоминают.

– Тихо! – вдруг уверенно говорит Натали и смотрит на меня своими почти прозрачными глазами. Капец. Меня этот ее взгляд пугает, – Я знаю, что надо делать.

А вот это пугает еще больше...

Питер встречает меня пронизывающим ветром и неожиданно минусовой температурой. В очередной раз думаю, что я полная идиотка. Дура душой! Поддалась на уговоры девчонок, поверила Наташкиному уверенному «я знаю, как будет хорошо», взяла выходной, лишив себя хотя бы одного букета цветов – от коллектива. Купила, блин, билет на самый ранний Сапсан, нагуляться ведь хочется, не выспалась при этом...

Чтобы что?

Вымерзнуть нафиг только-только сойдя с поезда? Найдут меня, глянут в паспорт и как начнут причитать, что вот невезуха, в свой же день рождения...

Настроение портится.

Впрочем, оно и было так себе. Где-то я читала, что накануне дня рождения у всех идет перестройка психики. Мы вспоминаем, что смертны или что-то в этом духе. А еще вспоминаем, что к тридцати ни хрена не достигли напланированного в двадцать. Вот где моя счастливая семейная жизнь и пятеро детей? Где роскошный дом? Путешествия за границу каждый месяц? Супер-карьера?

У вопроса «Где» есть отличный ответ из одного слова. Рифмуется.

Я дрожу и матерюсь, тыча в приложение такси, матерюсь, вспоминая, во сколько мне обошлись двое суток в роскошном отеле – я в таких никогда не останавливалась, вот не надо было и начинать! Матерюсь, успев обморозить даже колени, даже под пальто пока захожу, залетаю в услужливо открытую дверь. Замираю в роскошном холле, пытаюсь проморгаться от выступивших слез...

– О, у вас день рождения! – сияет улыбкой администратор, взяв мои документы. – И вам повезло – мы можем устроить вас в номер прямо сейчас, не дожидаясь времени заселения!

– Дивно, – говорю сквозь стиснутые зубы.

– И вы еще можете позавтракать, – кивает он в сторону ресторана, – На завтраке у нас подают не только кофе, но и игристое.

– Просто мечта, – продолжаю быть стервой.

– И даже целую бутылку, – бормочет.

То, что номер тоже роскошный, еще и легко выигрывает номинацию «лучший вид из окна» не помогает. Мне уже не нравится. Всё. Что я одна в такой день, хоть в отеле куча народу – проходит какая-то конференция. Что погода настолько мерзкая – и о моих планах гулять по улицам до гудящих ног можно забыть. Что я зачем-то притащила совсем неуместные вечерние наряды, в которых никуда не собираюсь. Хотя надо было взять пижаму и шерстяные носки. И много носовых платков. Спрятаться в домике из одеяла и рыдать.

Что я все-таки выгребаясь из отеля, голодная и злая, и мне подают отвратный кофе в кофейне за углом, и надо было пойти не в разрекламированный Главный Штаб Эрмитажа, а...

Свет, воздух и прозрачные лестницы. Невероятная архитектура, дополненная современными конструкциями из стекла. Полотна импрессионистов. И снова много-много света...

Меня отпускает так внезапно, что я еще какое-то время звон в ушах слышу. И верчу головой – точно отпустило? Точно-точно?

Великая сила искусства.

Я снова начинаю дышать. Чувствовать красоту вокруг. Как пьяная бродю среди полотен. Улыбаюсь. И на улице теплеет. И небо становится прозрачным – ненадолго, перед тем как станет сумеречным, а потом и темным – но все же... Все же хорошо!

И хорошо, что работают магазины. И прекрасно, что маленьком ресторанчике с израильской кухней есть место за стойкой, а меню делится на «в пите» и не «в пите», и туда положат хоть авокадо, хоть рыбу, и нальют вина...

В отель я возвращаюсь на гудящих ногах, с широкой улыбкой и пакетом с шелковой пижамой.

А в номере ждет сюрприз – коробка с пометкой «не открывать, пока не позвоним» – от девчонок, букет цветов от них же и шампанское с клубникой от отеля.

Я долго-долго стою в горячем душе, передеваюсь в новую пижаму и открываю бутылку.

– С днем рождения, детка, – чокаюсь со своим отражением в зеркале. Кусаю сладкую ягоду, и, недолго думаю, вымазываю ею чистое лицо вместо маски. Пусть освежает.

Наливаю себе полный бокал, счастливо жмурюсь, вытягиваюсь на кровати. Это все-таки была отличная идея. Просто офигенный день рождения! Одна, в роскошном отеле, с бокалом шампанского...

Даже неожиданный звонок и одновременный стук в дверь не настораживают.

– С днем рождения-я! – орут в три голоса мои подруги в телефон. Похоже, они там в Москве тоже празднуют. – Все, можешь открывать подарок!

Смеюсь. Убираю крышку с коробки. И с недоумением смотрю на довольно странный набор внутри. Наручники, целая лента презервативов, какие-то тубики...

– Это что? – спрашиваю растерянно.

– Это еще не все! – сообщает довольная чем-то Натали, – Вторая часть подарка постучится к тебе в дверь.

– Так уже... – еще больше теряюсь, потому что и правда стучат. Настойчиво.

– Какой шустрый! – восхищается подруга.

– Его зовут Демид, – заговорщицки шепчет вторая.

– Вы мне что... эскортника прислали? – не могу поверить я.

– Доктора, – хохочет третья идиотка, – Пусть вылечит твою...

Последнего слова не слышно, потому что я отключаюсь и решительно иду к двери.

Послать того, кто там стоит – подальше!

На конференцию я приехал не зря.

И даже не в том смысле, что не приехать я сюда не мог – хотя бы раз в год надо выбираться, чтобы помериться размерами своего... хм, скальпеля. С другими сравнить. Убедиться, что у меня все отлично, даже лучше большинства.

Но на этом сборище мне удалось переговорить с представителями нескольких крупных клиник – а такими связями не разбрасываются, даже если ты до хрена именитый и очередь у тебя на полгода вперед. А еще организаторы сделали более чем годный контент и спикеров на этот раз.

Ну и отель... «Гранд-отель Мойка 22», который они переименовали из старого доброго «Кемпински» все еще не растерял европейский лоск. Вкусно, красиво, удобно, организация отличная – я доволен.

Как и тем, что сегодня последний день.

– «В Питере – пить», – подмигивает мне Илья, необъятных размеров коллега, с которым я знаком несколько лет.

– Судя по твоему лицу, ты уже, – хмыкаю.

– А что, с утра выпил – весь день экстраверт, – хохочет.

Удивительно, но он не раздражает. Хотя обычно я обхожу стороной громких и чрезмерно веселых товарищей. Такие меня бесят. Да и многие бесят. В работе я еще включаю обаяшку – хирурга, но в жизни мое обаяние распространяется только на избранных. Илья же моя противоположность – готов покрыть своей харизмой все в радиусе пятидесяти метров. Надо сказать, что у него получается. Вокруг нас – точнее вокруг Ильи – уже собираются врачи, которым тоже не терпится отметить окончание конференции.

– Устал чего-то... – говорю куда-то в сторону.

– Ерунда! – гаркает Илья, – Давай, чтобы через час в холле. Отдохни, переоденься, подрочи... в ресурс войди, короче, и прогуляемся по местным кабакам. Я такие места вкусные знаю – Москва твоя и рядом не стояла.

– Уж спасибо за такое приглашение и рекомендацию, – цежу сквозь зубы.

– Не целка чай, чтобы обижаться, – гогочет.

Балабол. Толстяк. Местами идиот. И ведь при этом крутейший хирург! Как это сочетается? Может потому, что мне это интересно, я и соглашаюсь? Люблю неординарность и умение отличаться. Профдеформация, чтоб ее. Слишком много людей ко мне приходит, которые хотят стать одинаковыми.

Поднимаюсь в номер после чашки крепчайшего кофе в лобби, стягиваю пиджак и тщательно мою руки. Пользоваться советом Ильи не собираюсь, но вот отдохнуть с какой-нибудь незатейливой передачей...

Звонок телефона застает меня с пультом в руках.

– Да Кость.

– Ты же в Питере? Мойка, да? – сразу спрашивает мой друг.

– Угу.

– Слушай... у меня к тебе просьба. Там моя тетка остановилась. И что-то у нее пошло не так... короче она мне звонит в истерике и утверждает, что помрет сейчас. Давление, несварение, еще что-то... Можешь сходить проверить? Послушать, что у нее с дыханием.

– Кость, ты охренел? – я откидываюсь на спинку дивана, – Здесь куча платных скорых. И бесплатная медицина тоже на высоте. Я-то причем? Я зарабатываю тем что делаю новую грудь, а не прослушиваю старую.

– Ну Деми-ид, – ноет Костян, – Я уверен, что у нее вообще все нормально, просто начиталась чего-то и навоображала. Она мне сильно в жизни помогла в свое время, да и вообще зачетная, я не хочу всех этих скорых, непонятных врачей, которые не смогут с ней нормально поговорить... Сходи, а? Она о тебе слышала, да и прислушается, ты умеешь с женщинами разговаривать.

– Кость...

– Я ведь никогда тебе в просьбах не отказываю.

А это правда. Мы может и не часто видимся, но я точно знаю, к кому могу обратиться за помощью в случае чего.

– Ладно, в каком она номере?

Я позволяю себе еще немного посидеть, закрыв глаза, а потом снова накидываю пиджак и перебираюсь на нужный этаж. Стучусь. В номере какая-то возня, но никто не открывает. Еще раз стучусь. Раздражаюсь – меня здесь ждут вообще или как?

Дверь распаивается в тот момент, когда я снова заносу кулак и там...

Хм.

Это точно не старушка в бриллиантах, как я придумал. Тетка? Точно? Костику почти сорок, тетки и младше бывают, но...

Растрепанная блондинка. В шелковой пижаме. С широко открытыми глазами и запахнутым пухлым ртом. И с лицом у нее что-то точно не так, странные красные пятна... Аллергия? Температура? Запоздало вспоминаю, что не спросил у друга, как зовут его тетку и выдаю нейтральное:

– Это вам нужен доктор?

Изо рта блондинки вылетает какой-то полузадушенный хрип или стон, а сама она так шарит по мне глазами, что аж неловко становится. Хотя где врачи – и где неловкость.

– Доктор. Конечно. Ха-ха. Убью дур, – бормочет что-то странное. Горячка? Может она сумасшедшая? И хмурится, – Д -демид?

– Ну да, – оттягиваю почему-то ставший тесным ворот. Она переводит взгляд на мою руку и шею и сглатывает.

– А п-почему без халата? – спрашивает хрипло и делает жест рука-лицо. И говорит из под ладошки, – Забудь. Конечно. Я бы еще про фонендоскоп вспомнила.

Я уже ничего не понимаю.

– Так я захожу? – спрашиваю грубее, чем обычно.

Неловко переступает, и я обращаю внимание, что блондинка босиком. И пальчики на ногах такие маленькие, покрыты алым лаком...

Фак.

Кажется, у меня встает.

Надо сваливать...

– Заходи, – будто решается на что-то и отступает в глубину номера.

Главное в жизни – определиться, где твоё место и что ты за птица

Идиотки, идиотки... идиотки!

Как им пришло в голову такое?! Уверена, это Натали. Может не придумала, но организовала. Всю эту требуху секс-назначения в коробке и мужика мне в номер. Стыдно-то как... Хотя не я вызвала проститута – стыдно мне. Как про это говорят? «Испанский стыд»? Что-то испанское во мне точно есть: желание боднуть сначала того, кто стучится в дверь, а потом и своих подружек.

Открываю дверь и рот тоже открываю – гаркнуть, чтобы сваливал! И зависаю.

Если честно, вживую я эскортников не видела. В воображении, кстати, тоже. Мне кажется странно фантазировать о мужике по вызову и представлять все его... атрибуты. Но я точно не предполагала, что такой мужчина может выглядеть... Не знаю. Круто? Статусно? Взросло? Самое что смешное, но он и правда похож на доктора, хоть и в костюме!

И что еще смешней – или наоборот, грустней – он похож на мою ожившую мечту. То есть когда я мечтала о своем идеальном мужчине – не по вызову! – я примерно такого и представляла. Чуть старше меня. Привлекательный, но не до приторности. Хорошо уложенные волосы, печать интеллекта на лице, широкие плечи...

Господи, сколько же они заплатили?! Не меньше той суммы, что я за этот номер...

– Это вам нужен доктор?

Больше. Точно больше. У него такой голос, что между ног потоп сейчас начнется. Это НЛП? Феромоны? Может мои придурочные подружки еще и в отеле кого подговорили, чтобы мне в шампанское что-то добавили?

«Это банальный недотрах. Вот твоя льдина и начала таять при виде нормального мужика», – сообщает мой внутренний голос Наташкиными интонациями.

– Доктор. Конечно. Ха-ха. Убью дур, – у меня, похоже, припадок. Обычно я сдержана и за словом в карман не лезу, но сейчас лучше бы молчала. У мужика глаза все шире от моих слов, да и я понимаю, что веду себя неадекватно. И вообще... а это точно он? – Д.. демид?

– Ну да, – зачем-то трогает ворот своей рубашки. А я залипаю на его шею. И длинных пальцах. Теперь не только между ног мокро – еще и во рту слюна скапливается. Даже не знаю, что хочу больше – облизать его шею или пососать его пальцы.

Бли-ин, вот же меня кроет.

– А п-почему без халата? – спрашиваю, только бы сказать что-то. И снова не то. Дура душой. – Забуди. Конечно. Я бы еще про фонендоскоп вспомнила.

– Так я захожу? – его голос кажется резким.

«Нет», – строго заявляет мой мозг.

«Да-аа!» – орет окончательно оттаявшая вагина.

«Заткнись, я главнее», – сообщает ей мозг.

«Главнее та, точнее там, куда кровь прилила», – победно хохочет вагина.

«Я тебе сейчас еще добавлю, махарошая. Вдруг это наша будущая любовь?» – умиленно всхлипывает сердце.

«Еще старую не пережили. Пошел вон!», – ноет опыт.

«Мы дрожим, нам страшно!» – пищат коленки...

– Заходи, – почти выкрикиваю, пока у меня голова не взорвалась от этих противоречий.

Отступаю. Из виду его не теряю, на всякий случай. Реально страшно повернуться к нему спиной. Вот это «страшно» и «не поворачивайся» меня и подводит. Я иду назад слишком быстро, слишком увлечена тем, как он закрывает дверь в номер, потому забываю, что позади меня кровать, и падаю на нее с истерическим полувсхлипом.

«Коленки – разъезжаемся!» – командует вагина.

«Не смейте! Мы не такие!» – возмущенно пищит воспитание.

«А может и такие...» – томно шепчет проснувшееся либидо.

– Заткнитесь! – шиплю я.

Ой блии-ин... Со слухом у «доктора» все отлично. Он и прежде хмурился, а сейчас так и вовсе обалдел. Хватит, Ника, хватит! Ты взрослая женщина – уже даже по паспорту взрослая, у тебя мозги, многогранный опыт и дочь, прекрати вести себя как ненормальная. Раз уж пустила – пользуйся, в конце концов, что происходит в Питере – остается в Питере! А если что-то начнет не нравиться – всегда можно остановиться и выгнать. И он уйдет.

Но выгнать прям сейчас... Как можно вот так выставить за дверь ожившую мечту? Я же пожалею, я точно пожалею, что поддалась стыду и желанию соблюсти правила приличия и не попробовала, что мне предлагают!

Успокаиваюсь.

– Вы что-то сказали? – спрашивает осторожно Демид.

– Ничего особенного... так, вспомнила кое-что, – силюсь улыбнуться.

– Так плохо? – делает свои выводы. – Где у вас болит?

Ох, это они? Ролевые игры? Он же типа доктор, к пациентам на "вы" – и я должна сейчас показать какое-нибудь место, где у меня болит, а он это место поцелует...

«Скажи, что у меня!» – знаю, кто вопит это. Но я пока осторожничаю. Мне нервозно, странно, страшно, еще и возбудилась дико от всей этой ситуации – хотя Демид не сделал ровным счетом ничего!

Так может пусть сделает?

– Вот здесь, – говорю сипло и кладу руку куда-то на грудь.

– Ага, – реагирует немного странно. Обводит взглядом весь номер, чуть задерживается на бутылке шампанского и клубнике, хмурится, снова на меня смотрит, думает о чем-то. А потом делает шаг вперед, – Вы позволите... хм, простучать?

"Простучать"?! Чем?!

Ловил я много разных рыбок, я знаю клёвые места

Демид

Сколько я не трахался? Несколько дней? С Машей мы встречались как раз накануне моего отъезда... А такое чувство, что пару месяцев не было секса. Иначе как объяснить, что я не просто возбужден, но у меня стоит так, что спасает лишь довольно длинный пиджак? И из-за чего? Из-за того, что растрепанная блондинка в закрытой пижаме вдруг валится на кровать?

Херня какая-то.

Зрачки у нее расширены – радужки и не видно почти. Часто дышит, пахнет клубникой и алкоголем... Последнее я даже могу объяснить. Вижу улики на столике – пустой бокал, бутылку и сочные ягоды. И на лице не аллергия, получается, – клубникой натерлась. Знаю эту странную женскую причуду, мазать на себя еду.

Я не могу объяснить другое. Почему в совершенно неподходящей ситуации я, вместо того, чтобы выполнить свой врачебный и дружеский долг, хочу слизать с ее щек

размазанную мякоть, впитаться в сочный рот и потом отодрать ее так, чтобы визжала на весь отель?

И почему она сама ведет себя столь... неоднозначно?

Может под наркотой? Зрочки из-за этого такие?

Я, конечно, Костику все выскажу. На тему его тетки и таких вызовов. Только сейчас что делать?

Мне казалось я хорошо разбираюсь в людях. Брал углубленный курс психологии – все-таки в коммерческой пластике легко нарваться на неадекват, а потом разгребать последствия. На тренингах личностного роста изучал психотипы, поведенческие характеристики. Да и по жизни через меня столько женщин прошло... В профессиональном смысле. Я читаю их очень быстро – с чем пришла, в чем проблема, что стоит за ее желанием сделать грудь или нос.

В непрофессиональном, кстати, тоже много было.

Только вот эта... черт, так и не знаю ее имени... Я не могу никак понять, что с ней происходит. Не сумасшедшая она. Может слегка выпившая. Но ведет себя... Действительно чем-то больна? Стало плохо от алкоголя и ягод? Или все-таки запрещенка? А за грудиной почему болит, что туда показывает?

На мое предложение простучать грудь блондинка реагирует более чем странно. То есть еще более странно, чем до этого! Глаза на пол-лица распахивает, рот тоже – ой не надо открывать так широко, хочется засунуть туда совсем не лопатку. Когда я склоняюсь к ней и аккуратно прикладываю пальцы, дышать вообще перестает.

– Может надо расстегнуть пижаму? – вдруг спрашивает странно-сдавленным тоном.

– Одежда мне не мешает, – качаю головой и хмурюсь. Надо перестать отвлекаться на всякие возбуждающие детали, сосредоточиться на медицинских манипуляциях. Так, вроде нормально все, жидкости в бронхах нет...

– Не поняла... – удивляется чему-то, – Мне оставаться одетой?

Эм...

– Ну да, – получается с сомнением. Я сам начинаю сомневаться, что ей надо оставаться одетой. Может сейчас в кабинете терапевта тоже раздеваются догола? А я и не в курсе?

И будто в ответ на мои мысли она шепчет:

– Я все-таки расстегну немного...

На меня нападает меня столбняк. Между ног тоже. Ну и что, что прививался? Я пошевелиться не могу, пока она довольно неловко высвобождает пуговицы. Одну за другой. Потому что я вижу круглую двойку сливочно-карамельного цвета. Упругую и натуральную. И хрен его знает, чего меня так торкает. Я же пластический хирург, я видел и щупал столько сисек – давно считать перестал. Мне платят за то, чтобы щупать их и делать!

Но торкает.

И этот запах клубники...

Рука сама тянется потрогать. Я ничего с этим не могу поделать! В голове какие-то дурацкие мысли, что если я пересплю с теткой Кости, то это почти инцест. Что если она заорет, когда я поглажу – а я уже точно поглажу – всегда можно объяснить, что ничего личного. Профдеформация. А еще я думаю, что если у меня яйца сжались только от их вида, что будет, если я загоню между этих полушарий член...

Пальцы коротко скользят по нежной коже и почти ныряют под пижаму. Мне до одури важно отодвинуть и посмотреть, какого цвета у нее соски, которые сейчас отчетливо

выпирают через тонкую ткань.

Почему-то кажется, что похожи на клубнику... Цветом и вкусом.

– Ах, – говорит блондинка на мое прикосновение.

Тоже хочется сказать что-то такое...

А вдруг это потому, что ей больно?!

Я снова вливаюсь взглядом в ее лицо, и понимаю, что на нем проступает не боль. И лихорадочный блеск в глазах на температуру не спишешь.

Она возбуждена не меньше чем я. Мне уже плевать, что тут вообще происходит. Но я просто сейчас наклонюсь и поцелую этот пухлый рот, а потом сделаю с ней то, что мне хочется. Не имеющее отношение к лечению или врачебной этике.

Я склоняюсь к ее губам, блондинка прикрывает глаза и чуть выгибается...

И в этот момент раздается настойчивый стук в дверь.

Горит пожар моей души. Достань брандспойт и потуши

Демид, Демид...

Откуда же ты взялся такой?

Такой, что я... господи, ты еще ничего не делаешь, просто смотришь хмуро и недоуменно, а я уже готова забыть все. О том, что спать с мужиками по вызову – это просто фу и стыдобища.

О том, что спать с мужиком, про которого известно только то, что он по вызову – и имя – это вообще не мое. Не сказать, что у меня высокая планка. Но сейчас на минимальный мысленный чек-лист, в котором должны быть отмечены галочками хотя бы букет цветов, статус, возраст избранника и его желание сводить девушку на свидание, прежде чем отвести в постель, я тупо забила...

Хотя статус я его знаю. Определенно. Да и букет цветов вон в вазе стоит... Ха-ха.

У меня явно перемкнуло в голове. Еще когда я дверь открыла. Видимо на престол взошла вагина и правит теперь, как хочет. Ничем другим я не могу объяснить острейшего разочарования, когда «доктор» начинает простукивать грудную клетку пальцами.

Пальцами, а не тем, чем я на мгновение подумала!

– Может надо расстегнуть пижаму? – почти всхлипываю.

– Одежда мне не мешает.

Ч-что?!

Это он... роль так играет? Ах да, я поняла... я же пациентка, а он суровый доктор. Это я его должна типа соблазнить, чтобы у него крышу снесло.

Капец. Соблазнить. Я когда последний раз это делала?

– Я все-таки расстегну немного, – шепчу и деревянными пальцами вытягиваю пуговицы из петель. Одну, вторую, третью... У меня не хватает гонору одним махом снять верх от пижамы, ситуация и так из ряда вон.

Но может он начнет проявлять инициативу?

Проявляет... кажется. Скользит очень нежно по обнажившейся коже, вызывая табун мурашек по всему телу и мое сдавленное «ах».

Смотрю на него, убедиться, что правильно поняла, а у него в глазах...

Вопрос. Порок. Жажда.

«Я сейчас захлебнусь», – счастливо стонет вагина.

«Нам срочно нужны эти губы», – ноют соски.

«Я устал. Я ухожу», – хлопает дверью мозг.

Неуверенность тоже исчезает вместе с ним.

Я выгибаюсь в ожидании поцелуя. Демид склоняется надо мной, обдает мои губы пряным горячим дыханием, почти ложится и...

Стук в дверь заставляет обоих вздрогнуть и отвести взгляд. Но потом мы снова смотрим друг на друга, снова тянемся, снова глохнем...

Еще более громкий и настойчивый стук, который невозможно игнорировать.

Демид шипит что-то матерное, а потом мужское «я разберусь», от чего восторгом заходится не только вагина. Идет решительно к двери, пока я целомудренно запахиваю ворот – мало ли, может ошибся там кто, нечего прелести демонстрировать. И...

– Доктора вызывали?

Мне приходится вскочить с кровати, потому что иначе челюсти неудобно падать на пол.

В коридоре... врач. Такой смазливый пацан с волосами, покрытыми гелем, и в белом халате.

И если честно, то я даже не знаю, кто из нас троих больше удивлен. Пожалуй... тот кто в коридоре. Который выглядит как... Хм.

– За второго доплата, – заявляет настоящий парень по вызову самым противным голосом.

– Вы все-таки вызвали скорую? – говорит тот, который не по вызову. Который что... доктор? На самом деле? И он ко мне пришел...

Бля-я...

Но надо проверить. Ведь таких совпадений не бывает, правда?

– Демид? – спрашиваю тихонько.

– Что?

– Да, он самый.

Раздается на два голоса.

«Ну и как ты будешь с этим разбираться?» – ехидно спрашивает вернувшийся мозг.

«Не надо было открыва-ать», – всхлипывают все остальные части тела.

Вторым, до кого доходит, что здесь произошло, становится лже – Демид.

То есть тот, кто реальный. Самый-самый реальный и восхитительный мужик... На его лице изумление сменяется пониманием, затем – насмешкой, а дальше откровенным пренебрежением. Он кривит рот, еще раз осматривает номер, меня, кровать, переводит взгляд на застывшего эскортника с застывшей улыбкой и сообщает в пространство между мной и дверью, предельно вежливо и слегка презрительно:

– Что ж, похоже настоящий доктор прибыл... по вызову. И лечение теперь пойдет значительно успешней.

И уходит! Задев плечом совсем не того Демиды. Я даже ничего не успеваю сказать или спросить! Сказать – в оправдание. Спросить... что он вообще делал в моем номере, почему постучал ко мне в дверь?!

– Я ничо не понял, но мне и не надо, – скалится еще шире незнакомой и шагает внутрь номера. Прикрывает дверь с громким щелчком. Смотрит на меня с совершенно неуместной радостью, но вдруг будто вспоминает о чем-то, стирает с лица улыбку и дебильно играет бровями:

– Ну и где там моя любимая пациентка?

«Буэ» – сообщает мне вагина.

«Согласен», – фыркает мозг.

«Я исчезаю! Помогите!» – вопит либидо.

«Так, надо вспомнить, как вежливо посылать нахер», – задумывается воспитание.

– Подите вон, – говорю громко и указываю на дверь.

– О, усложненная ролевая игра, – снова скалится «доктор». И идет ко мне, – Строптивица какая... придется поставить тебе укольчик...

– Ты бред несешь! – взвизгиваю от возмущения и вскакиваю на кровать на всякий случай, – Вон пошел! Я не собираюсь с тобой спать!

– Но... – все еще не понимает.

– Я передумала! Не хочу! Мне не надо! Тебе же заплатили уже?

– За два часа, – кивает тормознуто.

– Вот и иди два часа гуляй, а мне ты здесь не нужен! Быстро, иначе позвоню администратору!

Бормочет про одуревших баб и ретируется из номера. А я... Бухаюсь снова на кровать и прячу со стоном лицо в ладони. Пальцы чувствуют что-то липкое... и теперь мне хочется не только плакать, но и ржать. Истерически. Потому что я и забыла, что все то время, пока собиралась трахнуть с роскошным мачо, а потом прогоняла нероскошного, я делала это в маске из клубники.

Можно жить так, но лучше ускориться

Демид

Нет ничего более обламывающего, чем когда тебя прерывают в такой момент.

Я хочу оказаться глубоко внутри нее... А спустя пару минут я хочу придушить ее. И вовсе не в моменте оргазма.

И дать в морду смазливому проституту, который нацепил дешевую тряпку из магазина спецодежды, играя в доктора.

– Виски.

– Две порции?

У меня что, на лице все написано? Обычно я более сдержан.

Киваю прозорливому бармену и стараюсь не залпом хотя бы пить.

Идиотская ситуация!

Идиотская блондинка!

Идиотская пуганица!

Так только в тупых американских комедиях бывает... но что-то нифига не тянет поржать.

Что же меня зацепило, а? Необычность поведения блондинки? Ну да, тут поневоле зацепишься, когда мозг никак не может проанализировать происходящее и выдать какой-то результат. Но теперь-то мне понятно, что там происходило.

То, что меня приняли за мужика по вызову? Есть немного... Живешь тридцать пять лет, из них половину жизни посвящаешь медицине, пашешь как проклятый, не спишь, учишься, работаешь, делаешь себе имя, покупаешь квартиру, дорогую тачку, все прочие атрибуты роскошной жизни – а потом тебя опускают до уровня парня, которому платят за почасовой секс.

Кстати, сколько платят?

А, пох, не важно.

Может меня зацепило то, что эта девица... в принципе такой оказалась? Даже не знаю... из обеспеченных дамочек, которые уезжают в другой город, снимают там номер в роскошном отеле и вызывают себе молоденьких мальчиков развлечься, пока пузатый муж где-то зарабатывает. Ей-то зачем платить? С ее внешними данными?

Или тот факт, что сейчас эти внешние данные, эту карамельную кожу, клубничные губы будет пользоваться кто-то другой? Трахать ее, содрав шелковую тряпку и намотав светлые волосы на кулак...

– Костик... – улыбаюсь кровожадно, читая имя входящего абонента. Сейчас он у меня за всех будет отдуваться – мне надо куда-то деть раздражение.

Не получается.

– Дем! – тараторит, чуть задыхаясь, – Нет времени долго говорить, на встречу опаздываю! Короче, по тетке отбой, она оказывается в этот раз в другом отеле поселилась, я и не понял из прошлых путаных объяснений – но уже успокоилась, дозвонилась до администратора, и те вокруг нее хлопочут. Хорошо, что ты не успел пойти ее искать!

Не успел, блять...

Я хлопаю телефоном по барной стойке так, что окружающие вздрагивают, а потом делаю вдох-выдох, чтобы успокоиться. И аккуратно убираю в карман пиджака.

Все. Проехали.

Рефлектировать точно не моя история.

– Демид, решил не ждать восьми? – раздаётся раскатистое рядом. И на барный стул взгромождается улыбчивый Илья, – И правильно! Сейчас народ подтянется тоже. Начнем здесь – а потом такой рейд устрою... Уверен, одни не вернемся.

Он подмигивает мне, заказывает бармену водки и настраиваясь на необременительным треп, а я одним глотком допиваю то, что оставалось в стакане. Отличный план. Отличный, я сказал! Пробежаться по заведениям в веселой компании, расслабиться, подцепить может кого-то, хорошо провести эту ночь, так чтобы Питер вспоминался не только конференцией...

– Я кое-что забыл сделать, – удивляюсь сам себе и встаю со стула, – Если не вернусь вовремя – начинайте без меня. Наберу тебя.

– Номер-то мой есть? – заботливо уточняет приятель, ничуть не расстраиваясь моему уходу. Этот без компании точно не останется.

– Есть, – киваю.

И иду назад к лифтам.

Я должен убедиться... Я должен точно знать, что, когда за мной закрылась дверь, мужик с моим именем начал отрабатывать свои часы, а блондинка даже не заметила подмены.

Зачем мне это знать? Не знаю.

Так надо.

Стучусь в уже знакомую дверь и морщусь от того, что стараюсь вслушаться, что там происходит... в номере. Если мне через секунду не откроют... Дверь распаивается, когда я уже отворачиваюсь.

Она умылась. Первое, что замечаю. Хотя запах клубники никуда не делся. Или это мне уже кажется? И переделась – в простую футболку и джинсы. Волосы в хвосте, лицо немного растерянное, а сочная губа прикушена... будто хотела что-то сказать, но передумала.

Она точно не выглядит, как та, которую только что трахали. Да и времени прошло не так что много. Я не могу видеть весь номер, но почему-то уверен, что там никого нет. Слегка напрягает, что меня это наполняет ликованием...

Нет, я не напрягаться пришел.

– Как тебя зовут? – спрашиваю. Впрочем, угу.

– Вероника... Ника, – сообщает тихо.

– А я Демид.

А я тупой.

Это она точно знает.

Изо рта Ники вырывается смешок, и она кивает. Смотрит неуверенно, но настороженность во взгляде меняется на какое-то другое выражение, более теплое:

– Так ты... врач?

– Угу.

– А ты почему... Впрочем, наверное не важно.

Она права.

Почему я тогда к ней ломился не важно. И, пожалуй, не имеет значения, почему она

вызвала себе лже – врача. Важнее другое. Что мы будем делать здесь и сейчас.

– Так я захожу? – повторяю вопрос, который уже задавал... будто в другой жизни. А ведь не больше получаса прошло!

Глаза Ники на мгновение расширяются, а потом она говорит хрипло:

– Заходи.

Но только ты – рыба моей мечты!

Демид целует меня без всяких разговоров. Едва заперев дверь. Как будто переживает, что нас снова прервут. Или я передумаю. Я ведь могу... А нет, не могу. Если я откажусь, то вагина с либидо точно соберут чемоданы и свалят с концами.

Целует мокро, горячо, с гортанным выдохом, жадно. Так что я сама начинаю задыхаться. И не могу возразить или предложить там чай, кофе, познакомиться нормально... Какие разговоры, когда тебя целуют именно так?

Я не ожидала от него безусловной, порочной жажды, и что он разгоняется за пять секунд до скорости двести. Не то, чтобы я фантазировала... Но мне казалось, что такие уверенные в себе свободные красавчики вовлечены в секс ради возможности поставить еще одну галочку и получить оргазм. Свой. Хотя могут от исключительной щедрости еще и о твоём удовольствии позаботиться.

Но это я бывшего, пожалуй, вспомнила.

Демид другой. Жадный. И это круто. Так что и я разгоняюсь на раз – чего от себя не ожидала.

Во рту влажно от его слюны и языка, мне нравится. Как и привкус виски и чего-то пряного. Холод, который я чувствовала последние полчаса, после того, как он ушел, а другого Демиды я прогнала сама, пропадает. Мне конкретно так жарко сейчас... Аж хочется раздеться.

«Это не поэтому», – стонет вагина.

У Демиды волосы как у меня. Только темнее и жестче. И в них охеренно запускать пальцы. И глаза тоже серые. Но мои – с оттенком асфальта. В его же радужке мелькают проблески янтаря. Глаза я вижу, потому что тяну за волосы, чтобы оторвался ненадолго, и я могла сделать полноценный вдох...

И снова, стучаясь зубами, соединиться с ним, только бы поскорей наполнить рот его вкусом и запахом.

Он прищипливает меня к стене и выправляет из-под пояса футболку, сжимает ягодицы, гладит по животу, тянется к груди, к соскам – блин, сколько у него рук, а? – и как-то очень ловко трет сначала одну вершинку, потом вторую, и между ног простреливает горячим удовольствием...

Мы еще до кровати не дошли и не разделись, а я уже готова кончить.

Может это возраст?

Где-то читала, что после тридцати у женщины сексуальная жизнь расцветает. Так это день в день начинается?

Задирает футболку выше и всасывает твердые горошины, бормоча что-то про клубнику. Прикусывает. Мне безумно хочется покусать его в ответ, но, похоже, я сегодня мало что решаю. И это тоже нравится. Что каждый сантиметр моей голой кожи облизан и согрет его дыханием.

Демид трет ребром ладони между ног, там где жесткий шов джинсов впивается в промежность и от остроты ощущений колени подгибаются.

- Хочу тебя, – хнычу.
- Предлагаю переместиться на кровать.
- Я воспользуюсь твоим предложением.
- Пользоваться здесь буду я.

Мы не сразу двигаемся.

Вот так стоять, оказывается, тоже хорошо.

Когда тебя прижимают к стене, чтобы сполна ощутила возбуждение. Я и ощущаю. Нельзя пропустить такую дубину в штанах. Нельзя не потрогать – пусть даже через тонкую ткань брюк. Крепко провожу по всей длине и получаю в награду стон. А потом Демид с легкостью подхватывает меня и роняет на постель. И ловко избавляет от футболки и джинсов, оставляя на мне только тонкое, насквозь промокшее кружево, через которое и ласкает длинными пальцами. Такими же ловкими, как и все его движения. Не забывая целовать и тискать все, до чего дотягивается, так что уже скоро вся кожа будто течет и плавится, а не только валяющаяся в полуобмороке от счастья вагина...

При этом он все еще полностью одет. Кажется только ботинки с себя скинул. Как будто это я здесь шлюха, которую пользует серьезный мужчина...

Черт, я и правда шлюха. Потому что прямо сейчас собираюсь трахнуть с незнакомцем и мне очень нравится, что он не спрашивает ни о чем, а берет все, что успеваю ему подставить, выгибаясь...

– Разденься, – шиплю, не выдерживая. Меня не смущает моральная сторона – я просто очень очень хочу посмотреть на него голого. Провести по груди. Потрогать кожу...

– Если я разденусь, то уже не смогу остановиться, – сообщает совершенно серьезно, отрываясь от меня.

– Меньше всего мне надо, чтобы ты останавливался...

Я ловлю себя на более-менее внятной мысли, что с ним как-то удивительно легко. Будто мы давно знакомы и уже не в первый раз делаем это. Нет какой-либо неловкости, или желания втянуть живот или выключить освещение, или переживаний, что не смогу возбуждаться достаточно... Подо мной наверное уже лужа натекла, глаза то и дело закатываются, потому что Демид хоть раздевается, но все равно постоянно отлынивает от этого процесса, чтобы потрогать меня в самых чувствительных местечках...

А потом мысли улетучиваются. И хочется восторженно пищать. Потому что там, под одеждой, он весь такой... туго-туго обтянутый кожей. Не перекаченный, но с четким рельефом и идеальными кубиками на животе, что я захлебываюсь слюной. Мне срочно надо облизать их...

– Не сейчас, – пресекает мой порыв

– Дай хоть пощупать, – я несу уже все, что думаю. – Они у тебя такие... Они правда настоящие? Говорят, что можно взять жир и закачать его так, чтобы выглядело кубиками.

Ржет. Сам кладет мою ладонь на живот, прижимает, чтобы убедилась – и правда настоящие, но у меня уже другая цель. Я ныряю под резинку трусов и тут же испуганно распахиваю глаза.

– Как он в меня влезет?!

– Справимся, – шипит сквозь стиснутые зубы, потому что испуг испугом, а трогать и поглаживать я не прекращаю, – Младенец же как-то тазобедренные раздвигает...

– Ты капец романтичный, – фыркаю, добираясь до влажной головки, и мы стонем одновременно. Он – потому что, надеюсь, приятно. Я – от ощущения бархатистой упругости.

Демид стягивает трусы и вдруг матерится:

– Резинки! У меня же нет с собой...

– Посмотри в коробке на тумбочке, – краснею немного.

Он приподнимает крышку, вытягивает ленты разного размера и присвистывает. Но спасибо, что не требует объяснений. Я потом расскажу, если захочет. А пока...

– Ц-цц... – выгибаюсь, чувствуя распирающее. Зажмуриваюсь. Под веками искрит. А когда он плавно входит на всю длину еще и влага скапливается. Такие острые ощущения. Это одновременно болезненно и охуенно, не знаю чего больше. Но жалобный стон сдержать не могу.

Пытается отстраниться.

Чего? Лишиться вот этого ощущения – и так быстро?

– Не смей, – шиплю зло, обхватываю его для надежности ногами и загоняю ногти в голые плечи. И добавляю тише, – Просто дай мне время привыкнуть.

Растворился я в тебе, как в океане море

Демид

– Встань с меня, – кряхтит снизу Ника спустя бесконечный, оглушающий полет в бездну. Член до сих пор пульсирует, хотя с момента нашего оргазма – и правда «нашего» – прошло довольно много времени.

– Не могу, – отвечаю совершенно честно, – Я прилип.

Ника подо мной замирает и... расслабляется.

– Ну ты и придурок, – полувсхлип – полусмешок

– Угу.

Придурок.

Который снова хочет пережить то, что только что пережил.

Клубничная блондинка – Ника – оказалась просто охеренной. Отзывчивой, горячей, узкой, настолько вкусно пахнущей, что я лизал, кусал, целовал ее больше чем трахал. С последним получилось так себе... не знаю почему, но я почти кончил, когда вошел в нее первый раз, едва сдержался, когда она принялась стонать и подмахивать, и совершенно перестал себя контролировать, когда принялась бешено сокращаться, рискуя оставить гематомы у меня на члене.

Но секс был объективно короткий.

Только размазало, как после двухчасового марафона. Потому лежу на ней. Чувствую, как потихоньку остывает влажная кожа... Все-таки надо переместиться. Ника – девочка тонкая, а я конкретно так придавил.

Осторожно выхожу, снимаю презерватив, а потом снова сграбастываю ее и прижимаю к себе спиной, чувствуя, как член твердеет и так и просится уместить его между двух округлых половинок.

Кто я такой, чтобы отказывать столь важному органу?

Сжимаю упругий зад и делаю несколько скользких движений.

Оба стонем.

Она прогибается в пояснице, чтобы плотнее прижался, и пусть ругается полупшепотом, что ей надо прийти в себя, и в душ тоже надо, и вообще, что я принял такое, что могу не дышать – я уже заметил, что Ника много болтает, и всегда довольно забавно – но продолжает елозить так, что вскоре меня уже потряхивает, так хочется оказаться снова у нее внутри.

Нашупываю презерватив, раскатываю по длине, закидываю ногу на свое бедро и вдавливаю член туда где ему, по ощущениям, прямо сейчас самое место.

– Ох, – взбрыкивает и будто пытается отодвинуться.

– Ш-шщ, – шлепаю звонко по ягодице, – Не дергайся. А то снова получу медаль принтера. Ты такая узкая и горячая...

– А ты погреться заглянул? – хихикает.

Ну что за дурочка?

И главное меня не напрягает. Наоборот, нравится. Реально прет – вгоняю в нее член и смеюсь. А потом хватаю пальцами за подбородок, поворачиваю голову к себе, чтобы еще

какую хрень не ляпнула, и впиваюсь поцелуем: трахаться с ней хочется сейчас чуть больше, чем смеяться.

Отрываюсь и даю отдышаться.

– Слишком много болтаешь, – говорю нарочито сурово и подношу пальца к ее рту, начиная двигаться внутри, – Соси.

Ника засасывает два пальца, и делает встречное движение, так что раздается пошлый шлепок, и снова, снова, у меня аж глаза закатываются, как это ощущается все вместе. Ее язык и влажный рот, тесная щель, карамельного цвета кожа, стоны, хлюпанье, запах секса, которым уже успел пропитаться номер, страстные движения... Переворачиваю, ставлю на четвереньки, наматываю волосы на кулак, как мне до этого и представлялось, и долблюсь в нее на огромной скорости. Вгрызаюсь в светлое плечо зубами – она в ответ засаживает свои когти мне в бедра, рычит, когда я вдавливаю ее лицо в подушку, чтобы не орала так – на крики же пол отеля сбежится – и чуть отстраняюсь, потому что хочу много всего и сразу, но больше всего – смотреть, как исчезает между двух круглых половинок и розовых лепестков член.

Я успеваю опробовать всего несколько поз, прежде чем снова кончаю. И снова, похоже, рановато.

Ника не успевает за мной.

Выглядит вполне довольной, щеки покраснелись, как от маски с клубникой, глаза блестят, а губы искусаны... Но я не хочу чувствовать себя должником.

– Ты ч-что делаешь? – распахивает изумленно рот, когда я избавляюсь от презерватива и скольжу вниз, закидывая ее ноги себе на плечи.

– Равняю счет, – опускаю со смешком голову.

Пизже, чем в Париже, чем в Париже – пизже

Я не такая.

Вот честно.

Была.

Теперь все в прошедшем времени, да?

Была девственницей, была замужем... была приличной женщиной.

Почему-то осознание, что теперь я женщина очень даже неприличная, способная трахнуть с горячим незнакомцем в гостиничном номере, да еще при этом стонать и орать от удовольствия, приходит ко мне в момент, когда этот самый незнакомец опускает свою светлую головушку между моих ног. И доказывает, что пальцы и член – это не единственный его рабочий инструмент.

Так сладком мне давно не было.

Сладко, голодно и наполнено одновременно.

Это все неприличные женщины так себя чувствуют? Тогда я согласна. Я прям даже агитировать буду. Из солидарности. Чтобы каждая могла словить подобный кайф. Встану впереди колонны неприличных, буду размахивать флагом «Каждой приличной по скорой секс-помощи». Чтобы в Думе приняли соответствующий закон. И такие секси-доктора в специальных машинах с тонированными стеклами разъехались во все концы страны.

– А-аааа.... – ловлю широко открытым ртом воздух, трясясь, как припадочная. Изогнутое струной тело замирает на пике... и безвольно падает на подушки.

– Ты там тоже клубничная, – сообщает чем-то довольный Демид с соседней подушки. Спустя бесконечное количество времени или спустя минуту. В моем состоянии все кажется немного нереальным.

Сообщает... и облизывается.

Вот это облизывается что-то цепляет глубоко внутри. Там, где была сотня предписаний: от «Партнеры перед сексом должны тщательно мыться» до «Оральная секс – это повинность ради прелюдии». От «Все эти звуки, хлюпанье, смазка – это фу какое» до «Орут от удовольствия только в порно и то не по-настоящему».

Оказывается можно и так.

Грязно, липко, мокро, жестко, вкусно во всех смыслах...

Я тоже хочу!

Я же теперь неприличная!

– Ложись, – командую как настоящая доминантрикс.

– Так я уже... – смеется.

– Значит лежи, – показываю язык.

Достаю незаслуженно забытую бутылку шампанского, бокалы, недоеденную клубнику и... наручники.

Брови Демида удивленно ползут вверх. Явно на последний предмет реагирует.

Я неприличная и творю, что хочу с этой ночи! Все уже решила, да... Но почему-то считаю необходимым объясниться.

– Это подарок моих подружек, – киваю на коробку.

– Наручники и презервативы? – он в явном недоумении.

– Наручники, презервативы и врач по вызову, – щеки вспыхивают. Вот вроде нечего

стыдиться, да и глупо это... Но все равно неловко. Да и плевать... Это же всего на одну ночь, да? Пусть даже решит, что я и сама ненормальная, раз у меня такие ненормальные подружки. Или что со мной все не очень, раз нет мужика – и единственная возможность заняться сексом это заплатить. – Подарок на день рождения.

– Который был...? – тянет.

Я мельком смотрю на время. И хихикаю. Не такой уж скорострел.

– Через полчаса закончится.

И чокаюсь с ним бокалом.

Демид, кажется, немного растерян. Что и подтверждает словами:

– Теперь понятно. Но... вообще-то я привык на вечеринки ходить с подарком.

– Ну ты уже вручил... – снова хихикаю. Кажется я теперь не только неприличная, но и легкомысленная. И дурная. Настоящая блондинка. И не скажешь, что юрист с магистерской степенью в области трудового права. И добавляю деловито, – Есть еще кое-что, что ты можешь мне подарить.

И машу перед его лицом наручниками.

– Меня или тебя? – смотрит потемневшими глазами и оставляет бокал. Кажется у него снова встает.

– Тебя, – отвечаю уверенно. Может и не очень уверенно. Картинка, где пристегивают к перекладине кровати меня слишком живо разворачивается перед внутренним взором. Но я же решила.

Подчиняется.

Дергает руку, что действительно обездвижен. Откидывается на спинку и смотрит с интересом. А я сглатываю слюну, внимательно изучая – пока только взглядом – мой «подарок». Тот от этого только увеличивается.

Ух, Ника – золотые глазки.

– Как ты любишь? – спрашиваю тихонько.

– Ника, тебе не обязательно...

– Как. Ты. Любишь, – прорезаются в голосе требовательные нотки.

– Жестко. Быстро. Глубоко. До спазмов и твоих слез, – перестает выпендриваться. И голос у него такой... Ради него можно и поплакать.

Я киваю и придвигаюсь к нему ближе, обхватывая основание рукой и облизываясь.

«Уи-и» – верещит очнувшаяся вагина.

«Это не тебе», – самодовольно сообщают губы.

«Это вообще ему», – строго напоминает либидо, становясь на колени.

«Нам тоже понравится», – не соглашается моя чрезмерно разговорчивая подружка.

«Нам» и правда нравится. Настолько нравится, что «мы» едва снова не кончаем в процессе – хотя прежде я не замечала за собой особого удовольствия от такого вида секса.

Зато кончаем в душе.

И потом, допив игристое и сменив все поверхности в номере. И перепробовав, кажется, все позы.

Последний оргазм особенно тягучий, темный, перечный... я сама растекаюсь после него по поверхности кровати, проваливаясь в тягучий же и сладкий сон, чувствуя, как хозяйски сверху кладет свою руку Демид...

А когда просыпаюсь, в номере уже никого нет.

Еду и рулю, в Питере температура близится к нулю, но я протестная натура

«Ушел», – констатирует мозг.

«А вот теперь можно и покурить», – сыто потягивается либидо, подкуривает и передает сигарету вагине.

«Да-а...» – ты довольно затягивается.

«А я все-таки рассчитывала, что он хотя бы возьмет номер телефона... предложит встретиться еще...», – хнычет сердце.

«Ой, да не ной ты», – отмахивается либидо. – «Вечно западаешь на первого встречного».

«Точно «первый». Отдаю ему золотую медаль в жизненной эстафете встречных. Это был лучший и самый внушительный подарок за всю нашу взрослую жизнь, меня до сих пор распирает», – хихикает вагина.

«Пошлячка», – ржет либидо.

«А если он сбежал и украл что-то?!» – на секунду появляется тревожность.

«Угу. Венец безтраханья» – не может удержаться от тупых шуток либидо.

«А можно не быть такими дурами? – фыркает мозг, – Надо проанализировать: почему не взял номер, почему не предложил встретиться. Что было хорошо, что плохо и...»

«Слушай мозг, иди выпей и отдохни, а? Вот что ты начинаешь? Тебе что, не понравилось? Серотонин был? Был. Дофамин был? Был. Вот и не выпендривайся со своими рассуждениями», – затыкает его либидо и...

И я просто откидываюсь на подушки, довольно закрывая глаза. Шикаю на разбушевавшиеся органы – или что там внутри меня разговаривает? – чтобы не мешали мне наслаждаться звенящей пустотой в голове и саднящей тяжестью между ног.

Демида и правда нет. Не шумит душ, не валяются его вещи, и спустя время никто не стучит в дверь номера с двумя стаканчиками кофе... Жалко? Скорее, да. Буду ли я убиваться по этому поводу? Скорее, нет. Ураган, захвативший нас этой ночью и перенесший в Волшебную страну с пометкой 18+ улегся и наступил новый, самый обычный день.

«Мог бы хотя бы не украдкой уйти...» – екает что-то в груди.

– Цыц! – говорю достаточно громко.

Времени я не знаю – мобильник валяется где-то – но судя по дикому голоду и тому, что я чувствую себя выспавшейся, поздно. И завтрак с шампанским от отеля мне уже не грозит. Но у меня еще день, чтобы насладиться Северной столицей... уж точно не стоит валяться в кровати голодной и несчастной. В свои прекрасные полные тридцать!

Я решительно скидываю одеяло, в которое до этого куталась, так что с прикроватного столика едва не летит какая-то мелочевка, и не менее решительно направляюсь в душ.

Ночью мы у этой стенки...

Блин.

Может номер сменить?

А то выглядит он как галерея с мысленными и вполне реальными отпечатками тел.

Смеюсь сама с себя, моюсь, убеждаюсь, что самые главные улики в виде использованных презервативов и наручников хотя бы не раскиданы на виду и только потом включаю на зарядку севший телефон.

Миллион сообщений в нашем с девчонками чате. Причем, судя по количеству и

эпитетам, напились они сильнее, чем я. И потому особых впечатлений от меня не требовали: сами поговорили хорошо, без моего участия. Поток иссяк примерно в шесть утра: сомневаюсь, что возобновится раньше, чем вечером.

Несколько рабочих вопросов – даже открывать не буду. Все в понедельник.

Поздравления от близких и дальних, кто не успел вчера поздравить лично или поздно спохватился, прочитав уведомление ВК.

Трогательные фото от дочери...

Я ей отправляю сотню поцелуйчиков, аудио, что у меня все хорошо, сейчас пойду на экскурсии – и обязательно сделаю прикольные фотографии – и убираю телефон подальше. Одеваюсь: в Питере кроме горячих мужчин и вкусного шампанского есть еще отличные заведения и пара выставок, которые мне интересно посетить...

Посыльный застаёт меня у порога.

С улыбкой протягивает красивенький букетище с пионами, к которому прикреплена карточка с одним единственным словом: «Роскошной».

Я не позволяю себе больше даже укола сожаления или печали. Красиво он поставил точку. Зарываюсь лицом в нежные лепестки, ставлю букет рядом с первым – придется так и ехать на поезде с цветами, не оставишь же здесь – а карточку вкладываю в кошелек.

Как напоминание, что я действительно роскошна.

А я тут перед вами, кривляюсь и танцую

– ...каждый зал был неподражаем. Знаете, насколько необычные чувства я поймала? Когда ты будто шагаешь фантастическим порталом из одного мира в другой. Совершенно потерялась в этом музее на несколько часов, забыла кто я, что я, откуда я... О своей самой обычной работе и жизни...

– Ника, так ты открыла ему дверь или нет?! – хнычет Оленька.

Но я – кремень.

Не прекращая меланхолично помешивать коктейль говорю самым что ни на есть мечтательным голосом:

– А Спас на Крови? Сколько бы я ни была там – всегда хочется вернуться. Но я поняла – по факту раньше я не видела там ни-че-го. Смотрела, но не видела. Да, для меня и прежде было красиво, интересно, местами приятно... Но испытывала ли я настоящий восторг от мастерства создателей? Хотелось ли мне рассмотреть каждый кусочек мозаики? Нет.

– У тебя ни стыда, ни совести! Зачем ты так нас мучаешь?! – ноет Мариша.

– А потом – восхитительный ужин. И завтрак с шампанским. Когда смакуешь каждый кусочек – и еще долго чувствуешь невероятное послевкусие. Я готова присвоить Петербургу звание не только культурной, но и гастрономической столицы!

– Знаешь, Ника, это так жестоко и изощренно, что даже я бы так не смогла! – рычит Натали, хлопая ладонью по столу.

Я перевожу взгляд на своих подруг, которые уже полчаса сидят передо мной с глазами котика из Шрека и прихожу к выводу, что мстя удалась.

Конечно они не про красоты Питера хотели услышать, когда слезно выпросили встречу.

Конечно я не могла оставить без наказания за их самоуправство и подарок, который, кажется, перевернул мою жизнь с ног на голову... ну или во многом изменил взгляд на нее. Перевернуть жизнь тридцатилетней женщины, которая уже и так много что поняла, решила и напланировала сложно.

В общем, я игнорировала и призывы в чате и звонки. «Под давлением» согласилась встретиться и поделиться подробностями в любимом нашем ресторанчике. И делилась так, как считала нужным.

Чтобы они до конца прочувствовали, насколько я возмущена их поступком.

Хотя...

– Ладно, – смеюсь, прекращая играть в обиженку, – Больше не буду. Обещаю рассказать все. Но без подробностей... А то это будет похоже на порно-рассказ.

– О-оо! – округляет глаза и рот Марина.

– Все, самое главное мы узнали – ты открыла и все получилось! – хихикает Оля.

– Нифига мы не узнали, хочу знать больше! – Наташка все не может успокоиться и продолжает рычать, – Как это было?!

– Как я вам только что описывала...

– Ника! Убью!

– Правда! – улыбаюсь, – Просто вы примените те эпитеты, которыми я описывала достопримечательности, к мужчине... Так все и было.

До них доходит спустя минуту.

А потом все трое растекаются по креслам с довольными улыбками.

– Вот хорошо тебе, а счастлива я, – Оля салютует бокалом.

– Я ведь не верила в успех этого, – удивленно качает головой Марина.

– Поставлю пять звездочек этому парню на сайте! – хлопает в ладоши Натали, – Не ожидала...

Ну уж нет.

Не хочу, чтобы тот смазливый получил чужие звездочки!

– Вообще-то не стоит ему ничего ставить, – вздыхаю и подаюсь вперед. – Все случилось совсем не так. Но обещайте не ржать...

Конечно, они обещают.

Конечно, обещание выполнить не могут.

Следующий час мы давимся смехом, который иногда таки прорывается, пугая соседние столики. Я не делюсь совсем уж интимными подробностями – слишком личное – но внезапно обнаруживаю в себе талант стендапера. Потому всю курьезность ситуации, которая произошла в питерском отеле, описываю так, что подружки периодически сползают под стол.

Пару раз я ловлю себя на мысли, что за чрезмерной веселостью и легкостью, с которыми я стараюсь преподнести ночь с "доктором по вызову", скрывается на самом деле другое.

Грусть, что все так внезапно началось и закончилось.

Голод. Потому что мне очень понравилось...

Тревога. После расставания с Полинкиным отцом я ведь впала в спячку и почти полностью исключила эту сторону жизни – мужчин, свидания, флирт, секс. Была уверена, что у меня на это ни сил, ни желания нет. А когда оказалось, что есть... стало тревожно.

Внутри теперь что-то екает – не только от воспоминаний, но и от понимания, что мне, оказывается, все это нужно.

Мужчина, флирт, секс, свидания.

И страх.

Вдруг не получится с другими как с Демидом?

– Ника, ты точно все рассказала? – спрашивает Натали, когда мы едем в такси. Нам в одну сторону, потому сидим на заднем сиденьи вдвоем и легкомысленно болтаем.

Хотя уже не легкомысленно, судя по ее тону.

– Ты о чем? – удивленно поднимаю бровь. Хотя знаю, о чем. Она всегда была самой проницательной. Потому тут же продолжаю, – Не бери в голову. Все это было внезапной яркой вспышкой. Конечно она оставила след и заставила о многом задуматься. Но повода для переживаний нет.

– А тебе не хотелось... Ну, взять его телефон?

– У меня все время рот был занят, – отшучиваюсь тихонько, чтобы таксист не услышал, – Нат, как получилось так получилось. Я главное поняла – может я и не готова к серьезным отношениям, но я однозначно зря игнорировала эту часть жизни. И теперь хочу попробовать... встретить кого-то подходящего. Так что твоя идея сработала отлично.

– У тебя все получится! – душит меня обнимашками подруга.

И в тот момент я тоже в это верю.

На лабутенах, нах...

– У меня ни хрена не получается, – сердито буркаю и не менее сердито бросаю сумку с папками на соседний стул. И уже под столом скидываю туфли, с удовольствием разминая скукоженные пальцы.

Вот вроде каблук всего шесть сантиметров и прошлась недалеко – а судорогой сводит.

Отвратительно... отвратительно неудобно ступить снова на тропу войны, то есть отношений, и носить каблуки, укладывать с утра голову, краситься... Как это совместить с работой-учебой-школой-кружками, а? Я и так встаю уже на час раньше.

– Что в этот раз пошло не так? – участливо спрашивает Ольга. Мы с ней вдвоем. У Натали форс-мажор, Маринка слегла с каким-то вирусом – всегда знала, что такой яркий ЗОЖ ослабляет организм, откуда ему спирт брать, чтобы убивать микробов? Так что сегодня малым составом. И я этому рада. Не будет нотаций и псевдо-задорных предложений, можно просто понять.

– С Яриком этим мы неделю пытались встретиться. Два занятых человека в большом городе. Я уже готова была обменяться данными по графику сна и адресами Полинкиных кружков... но нашлись таки в кофейне неподалеку от моей работы в обеденный перерыв.

– И... – поторапливает меня Оля.

– И ничего. – бурчу, – Я бы даже сказала ничего хорошего! Я ж нормально выгляжу сегодня, верно?

– И всегда, – успокаивающе похлопывает меня Оленька по руке, – Ты вообще из тех, про кого можно сказать «роскошная блондинка».

– Вот! – наставительно выставляю палец. Реагирует правда на это официант. Но тоже неплохо – принимает заказ на салат и бокал игристого, – Костюм на мне, как видишь, не старомодный, туфли, укладка, помада... И вот мы встречаемся у входа. И он меня так осматривает, будто не уверен, достаточно ли я хороша, чтобы сидеть с ним за одним столом. В кофейне! Даже не в ресторане, блин! Затем делает вскользь замечание моим манерам – что на губе остался молочный след. Дальше рассказывает с каким трудом пробился к именитому стилисту по волосам – и он может посодействовать, чтобы и я туда попала. То есть намекает на мою прическу...

– Отличная прическа!

– На прическу, манеру, одежду... – продолжаю нудеть, – А я сижу и не понимаю, почему блин это все вдруг стало значимо, когда мне просто нужен человек, с которым можно посмеяться, выпить вина под сериал и классно потрахаться?

– Да он просто придурок какой-то! – солидарно кивает подруга.

– Может и придурок... Но я понять не могу – как одному хочется меня даже в пижаме, с красной от клубники мордой и блеющей ерунду, а второму я не угодила почти при полном параде?

– Ника...

– Что?

– А ты заметила, что опять сравниваешь с Демидом?

– Что значит «опять»? – ощетиливаюсь моментально. – Я всего лишь рассказываю, насколько важен открытый непредвзятый взгляд!

– Хм, а пару свиданий назад ты всего лишь рассказывала, насколько важно следить за

мужским здоровьем? Ну, когда описывала...

– Я помню! – рявкаю.

– А после самого первого мы всего лишь обсуждали... ну, пусть будет "прямое влияние наличия чувства юмора у мужчины на возможности человечества размножаться"?

Чувствую аж неприятный холодок по спине.

И спрашиваю у подруги совершенно несчастно:

– Оль... это все? Диагноз? Я ведь и правда так делаю... Даже не замечала. Просто когда один раз поржешь с кем-то в самом неуместном, казалось бы, случае, начинает казаться, что это и есть норма, а не наоборот. Не скучное неловкое выдавливание из себя общих фраз. И что когда у мужика стоит от одного вашего поцелуя – тоже норма. И... Я обречена?

– На что? – поперхивается.

– На медленное угасание от демидовируса, – буркаю сердито.

– Ни-ика, – смеется, – Ты просто... ну ты как бы все время смотришь по вертикали. Типа твой бывший – минус десять, вот этот со своим юмором на четверочку, по сравнению с тем же Демидом, а вот у этого потенция выше двойки не поднялась. А надо по горизонтали.

– Вот сейчас совсем не поняла, – хмурюсь.

– Не надо сравнивать кареглазых по степени их кареглазости! Обрати внимание, что есть в природе еще голубые, зеленые, серые глаза. Просто если ты сосредоточена на сравнении, насколько определенное качество у кого проявляется, то перестаешь замечать, что есть и другие качества. Тоже важные и может определяющие.

– А теперь, кажется, поняла, – сообщаю несколько тормознуто.

– Вот и дерзай, – хихикает Олька, – Или уже найди этого своего Демида. Может выяснится, что не такой уж он эталон.

И в офигительных штанах

– Познакомьтесь, это Вероника Васильевна. Именно она будет вести вашу компанию, – Сан Палыч представляет меня дородному и уже почти облысевшему мужику и довольно скалится. Мужик скалится в ответ.

Я не отстаю в демонстрации собственной улыбки.

Не могу сказать, что мне приятно знакомство с Виктором Дмитриевичем, который за ту минуту, что я стою рядом, успел не только стиснуть мои пальцы потной ладонью, но и облапать зрительно, попытаться еще и приобнять. Но это работа.

Я работаю с клиентами.

Я улыбаюсь клиентам.

Я хожу на мероприятия клиентов – в том числе будущих, как Виктор Дмитриевич, или потенциальных. Если Сан Палыч, мое бессменное начальство, зовет с собой, конечно.

Я не хамлю и не сбегаю, даже если мне не слишком нравится поведение клиента. Осадить могу. В вопиющем случае. Но такой был за время моей работы только один раз. Все прочие разы удавалось извернуться. Чучелом или тушкой, флиртом или холодным тоном – человеческий фактор вещь такая... Обеспечивает аптеку возле дома стабильным доходом в части магния и ноотропов. Но плотоядные взгляды – ерунда.

Наша компания предоставляет разные услуги. Юридическое, бухгалтерское, методолгическое сопровождение для тех, кому выгодней это отдать на аутсорсинг, чем держать армию специалистов в штате. Я занимаюсь кадровыми вопросами. И новая, пусть и небольшая, клиника – довольно жирная рыбка, о которой мое начальство весьма печется.

Потому мы здесь. Хотя мне вот больше хочется домой к Полинке и ванне с пеной, чем стоять на шпильках в брюках и не совсем свежей блузе, которую я приукрасила брошью. Восхищаться структурой и идейными задумками генерального директора, по совместительству главного врача.

Интересно, он отдает отчет, когда говорит сомнительные комплименты, что спустя неделю я буду знать о нем больше, чем его жена?

Профессиональный путь от ясельной группы детского сада, условия контракта и размер кабинета.

– Уверен, мы сработаемся, – дергает бровями Виктор. Наверное хочет многозначительно – но получается просто забавно, – И у нас, кстати, есть бонус для всех наших партнеров.

– Это какой? – заинтересовывается Сан Палыч.

– Возможность пользоваться нашими услугами существенной скидкой. А это и стоматология, и диагностика, и...

Сан Палыч что-то возбужденно уточняет, но только я в этот момент отключаюсь от происходящего полностью. Потому что буквально в нескольких метрах от себя вижу Демида.

Того самого Демида, который может оказаться не эталоном... но блин, продолжает выглядеть как эталон!

Его прическа, выражение лица, костюм именно такие, как я их запомнила... И улыбка, вспыхнувшая в ответ на реплику брюнетки рядом, тоже.

Если бы он ей не улыбнулся, я может не сразу бы заметила.

Настолько я ослеплена и ошеломлена его появлением.

А брюнетка ничего так... подстать. Идеально сидящее на идеальной фигуре идеально-красное платье. Стильное каре, лаковая светлая кожа, брови взлет... И грудной приятный голос. Я его не слышу – представляю себе, потому что ее губы шевелятся, рука ложится на его предплечье, чуть сжимая – идеальный маникюр, кстати – а Демид в это время наклоняется, чтобы стать еще ближе...

И встречается взглядом со мной, жадно его разглядывающей.

И тут же одна его брось удивленно ползет вверх.

Не знаю, почему, но я веду себя как дурочка при этом. То есть вместо того, чтобы обозначить легким кивком и улыбкой, что узнала его, вспыхиваю, отворачиваюсь и с преувеличенным вниманием начинаю слушать беседу двух мужчин.

Идиотка.

Чего я так реагирую?

Что было в Питере – остается в Питере.

Он не захотел продолжить общение, так его право. Искать его не стала, навязываться тоже – хотя теоретически я могла узнать, что за конференция проходила в отеле, а потом и помучить Гугл. Но решила, что это глупость: надо было или сразу – или никогда. А сейчас надо было или сделать вид, что он мне не знаком или что я также легко отношусь к ситуации, как и он. Типа было и было.

Тем более он со спутницей.

Тем более...

– Добрый вечер, – раздается знакомый глубокий голос рядом с нами, а я чуть не падаю в обморок от волнения. Либи́до же и вагина, который вели себя тише воды все прошлые недели, наоборот, внезапно просыпаются и орут в две глотки:

«Уи-и».

«Почему он подошел? К нам?!» – обмирает от счастья сердце.

«Как мы выглядим?» – подается вперед грудь.

Ужас какой-то.

Я рядом с Демидом деградирую. Начинаю разговаривать не теми губами и вести себя как малолетка.

– О, Демид Олегович, – неожиданно реагирует Виктор и поворачивается к нам, – Познакомьтесь. Это Демид, наш старший пластический хирург в отделении пластики. А это представители компании «Консалт-плюс», они будут вести часть наших дел. Александр Павлович и Вероника...

Пластический хирург.

Все.

Все плохо.

Потому что представляю теперь, какая у него жизнь. В окружении идеальных красоток, которых ты сам же себе и сделал. Таких, как та брюнетка в красном.

– А с Вероникой мы знакомы, – со спокойной небрежностью комментирует Демид, – Пересекались как-то... в общей компании.

Угу.

В общей компании проститута?!

Я уже ненавижу его за легкость и небрежность, с которой он это говорит. В то время как у меня отключается мозг, трясутся колени и захлебывается вагина – не только восторгом.

– Да? – синхронно удивляются собеседники. И Сан Палыч добавляет, – Значит вы

сработаетесь.

– Как раз я хочу познакомить еще кое с кем вас... – уводит начальство главврач, оставляя нас с Демидом наедине.

А-аа! Великая Натали, призываю твой дух немедленно!

Как сделать вид, что он просто мое приятное приключение? Не показать, что эталон, о котором я все время думала и на который тайно обижалась, что не продолжил наше знакомство?!

Там было телок много – и нервы как канат

Демид

– Не ожидала тебя здесь встретить, – говорит Ника самым что ни на есть отстраненным голосом, и даже отворачивается. Взять у проходящего мимо официанта шампанского. До этого я у нее в руках никаких напитков не видел... Может и не смотрел? Больше привлекали ее удивленные глаза, рот, который я до сих пор хорошо помню и высокие вершинки груди под тонкой блузой.

Злюсь.

Я зачем опять этим путем пошел? Все же ясно было.

– Ты так вглядываешься в него, будто переживаешь, что фигню налили, – показываю глазами на шампанское, – Не переживай, у клиники хватает средств угощать на свое открытие не газировкой со спиртом.

Угукает, стискивает ножку и залпом выпивает половину.

Я что, совсем ей не интересен, что даже посмотреть на меня не может и ответить нормально? Как ни странно, это задевает. Я не привык, чтобы женщины так ко мне относились. Равнодушных точно не было. Не из тех, с кем я провел время.

– У меня прям дежавю, – тяну насмешливо, – Ты, я, шампанское...

И вот тут Верониика поперхивается и впервые поднимает на меня взгляд. И шипит напряженно:

– Тише. Может не будешь так явно демонстрировать обстоятельства нашего знакомства? Нам работать вместе... точнее, будем пересекаться.

– Ты стесняешься? – не знаю, чего больше во мне. Раздражения или удивления. – Да никому нет дела до этого. Взрослые люди. Или... тебе есть от кого скрываться?

Смотрю на ее пальцы – обручального кольца нет. Той ночью тоже не было... но это ничего не значит. Мне уже приходило в голову, что Ника замужем и потому не позвонила, но думать об этом было неприятно.

И если все действительно так...

– Я похожа на ту, которая ходит налево или со всеми подряд? – вдруг тоже раздражается. – У меня во рту и ниже не помойка!

Против воли вырывается смешок.

Ника... она как ляпнет чего. Никакой томной сдержанности или завуалированных словесных конструкций. Этим и понравилась.

И слова ее понравились сейчас. Значит не замужем и не связана ни с кем.

Вот только...

– Что же тогда ты так переживаешь за наше знакомство?

– Я не переживаю! – задирает нос, – Просто не считаю необходимым показывать, насколько оно было близким. Было и было.

– И осталось в Питере? – уточняю, чтобы окончательно уж расставить точки над и. Не то что бы я планировал навязываться... но цепляет, что не позвонила и не хочет продолжения. Постоянной любовницы у меня нет, и в целом я не против был бы, чтобы именно Ника...

– Да!

– Ладно. – Черт с ней и ее клубничными губами. Собираюсь уходить, – Может еще увидимся.

– Угу, – кривит рот, – И поторопился бы. Твоя девушка разве что копытом не бьет, что ты так долго со мной общаешься.

Я бы уже отошел, если бы не эти слова и что-то в ее тоне...

Хмурюсь и снова смотрю на блондиночку.

– Какая девушка? Я здесь один.

– Та брюнетка в красном.

– Моя клиентка, – пожимаю плечами.

– О, – реагирует на это Вероника.

– У меня таких много, – зачем-то сообщаю.

– И все брюнетки в красных платьях? – недоумевают, а потом добавляет совсем уж странное, – То есть для того, чтобы задержаться рядом с тобой надо перекраситься и сделать губы и нос?

Добавляет и тут же кривится, как человек, который жалеет о сказанном.

А я уже совсем ничего не понимаю. Вероника ведет себя, будто я ее чем-то... обидел, что ли. Мне знакомы эти надутые губы и взгляд в сторону. Но... Почему?

Или она из тех женщин, кто сам выбрал, но потом за этот выбор отыгрываются на окружающих, будто те виноваты в сделанных глупостях?

Если бы она хотела продолжить знакомство – позвонила бы. Собственно, я на это и рассчитывал, когда оставлял свой номер.

Ника крепко спала, когда я уходил – пропустить поезд и встречу я не мог, как бы мне ни хотелось еще немного потискаться – не отреагировала ни на торможение, ни на щекотку.

Я тогда еще неуместную гордость ощутил, что так ее заездил.

Потому просто положил свою визитку на прикроватный столик, чтобы точно заметила, букетом озадачился – девочки их любят. Но не дождался никаких звонков и сообщений.

– А ты хочешь... задержаться? – уточняю осторожно.

Вздрагивает.

И рывкает, да так, что близстоящие, о которых она переживала, точно что-то слышат:

– Вряд ли со своим вторым размером я сумею распахать окружающих тебя красоток!

Рука-лицо.

Мне уже ни хрена не понятно, но почему-то весело.

– Нормально у тебя все с размером, – пытаюсь утихомирить разбушевавшуюся фурию.

– Да? – хотя бы понижает голос, – Тогда чем тебя удивить? Третьей сиськи у меня не наблюдается, а все остальное я думаю ты столько раз видел что... впрочем, с твоей профессией ты может и третью грудь видел...

Замолкает.

Так и замираем, глядя друг на друга. Она – с показным высокомерием. Как человек, который только что наговорил всякой херни, но в жизни в этом не признается.

Я...

А у меня, блин, встает.

Это вообще нормально, что меня возбуждают чье-то чувство юмора?

Но я не недотрога

– Ты в курсе, что это харассмент? – задыхаюсь под его поцелуями. Демид целует хаотично – в губы, щеки, шею, прикусывает мочку уха – и я громко стону.

– Неа, – шепчет со смешком куда-то в ключицу, – Если бы я был старым и страшным, был бы харассмент. А так...

Он прерывается в болтовне. Надолго. Потому что хоть у меня грудь и не четвертого размера, там есть что облизать.

Выгибаюсь и хнычу от затопившего возбуждения.

– И вообще, я не твое начальство, значит не харассмент, – бормочет, дергая пуговицы на блузке и добираясь до сосков через жесткое кружево.

– Ты мой клиент!

– Не я, а клиника. Ну даже если я... моей клиенткой ты уже была, так что теперь моя очередь.

Замираем.

Смотрим друг на друга. Смеемся. Да что там, откровенно ржем. Глаза Демиды довольно блестят, зрачки расширены, грудь вздымается. Это все я... это все из-за меня?!

Ух ты...

«Нет, это из-за меня», – не может не вставить свое слово вагина.

«Он до тебя даже не добрался, так что не воображай» – самодовольно, но задыхаясь шепчут соски.

«Вообще-то нас потащили в эту кладовку еще когда никто ничего не трогал и не видел», – шипит мозг.

«Зато по-омнил» – захлебывается восторгом вагина, потому что в этот момент Демид отрывается от моей груди. Впивается снова в губы, припиливая бедрами так, что еще немного усилий – и его член протаранит несколько слоев ткани в самом правильном месте.

И мы с ним снова синхронно стонем.

«Все. Я пошел», – вздыхает мозг, но останавливается на пороге, жадно вслушиваясь в бормотание мужчины.

– Я бы трахнул тебя прямо здесь, Ника. Несмотря на толпу за дверями. Но, во-первых, у меня нет с собой резинок. А во-вторых я хочу тебя трахать долго и много, и для этого нам нужно другое место...

«Нет резинок – не носит с собой... не блядун... И хочет много, а не вот так... Мой герой», – восторженно пищит сердце.

«Нет-нет-нет! Надо ловить момент! Если не сейчас – то фиг знает, когда мы с ним встретимся! У нас ребенок! Нам домой скоро надо!» – хнычет либидо.

«А он мне начинает даже нравиться», – тянет мозг.

– Это очень разумно, – выдавливаю из себя, задыхаясь. – Потому что у меня тоже нет резинок. Зато есть начальство, которое может уже меня искать.

«А еще есть я, – раздраженно добавляет женская гордость, – Но последние полчаса вы все меня просто не слышите. Неужели забыли, что он даже не попытался продолжить общение после первой ночи? Никто не сомневается, что он хочет секса... Но вы что, опять собрались предоставить его на безвозмездной основе, а потом спокойно наблюдать, как он сваливает в закат? То есть Демид может появляться, когда хочет, брать, что хочет и

исчезать?»

И все стыдливо замолкают.

– М-мм, но ты такая... – продолжает мурлыкать мужчина, покусывая мне шею, – Оторваться невозможно, так бы и сожрал.

– Ты уже откусил достаточно, можно и остановиться, – получается как-то холодно-важно на контрасте. Потому что я взяла себя в руки.

Демид аж отстраняется.

В кладовке в глубине холла клиники, где, похоже, будут храниться всякие необходимые для персонала штуковины, полумрак. Но как раздраженно начали мерцать его глаза я вижу.

– Тебе не понравилось? Сказала так, будто я тебя принуждаю к чему-то. Силой сюда не затаскивал ведь.

Силой не затаскивал, конечно.

Но та-ак на меня посмотрел, когда я про третью сиську неуместно пошутила... что когда заявил «Знаешь, я хочу тебе кое-что сказать, давай отойдем» я сама пошла. Привязанная. И в кладовку сама зашла. На дрожащих ногах.

И потом естественно не спрашивала, что он там сказать хочет...

Накрыло нас с порога.

– Это было временное помешательство.

– Которое не надо продолжать? – спрашивает с каким-то напряжением.

– Можно подумать ты тот, с кем возможно продолжение! – вспыхивает раздражение.

Вот чего я так все время себя веду с ним? Как не умеющий себя контролировать подросток?

Я же взрослая женщина, я в состоянии держать лицо, говорить разумные вещи, не орать, не вскипать по малейшему поводу, не раздвигать ноги, стоит кому-то поманить меня за угол...

Что у него за талант бесить, пугать и заставлять желать одновременно?

– А. То есть для продолжения я не подхожу, – делает какой-то странный вывод Демид и сообщает его еще более холодным тоном, чем был у меня.

Он в смысле еще и оскорбился?!

Это как надо так извратить ситуацию!

Да пошел он! Даже не собираюсь показывать, насколько это обидно!

– А с чего тебе подходить? – шиплю самым насмешливым и стервозным голосом, – Красивое тело, умелый язык и крепкий член... Разве я не получила от тебя уже все, что возможно?

А ты – все что надо было тебе.

Хнык-хнык.

Мой приемник – односторонняя связь, тире и точки – арабская вязь

Демид

Если у меня рядом с Вероникой отключаются мозги – точнее, перетекают в область гораздо ниже, то у нее, похоже, мозга никогда и не было.

Иначе чем объяснить такие... оскорбления? Меня опустили до уровня того, вызванного Демидом. Или у нее в блондинистой бестолковке все смешалось? Как она тогда работать собралась с таким софтом?

Я не позволю так с собой разговаривать никому. Была бы мужиком – уже получила бы. А от Вероники я просто собираюсь уйти. Но...

Меня тормозят влажные огромные глаза раненого олененка. С такими глазами гадости не только не говорят – не думают. Какого хрена тогда? И я решаю дать ей еще один шанс. Уже не знаю какой. Это вопрос еще, с чего я так к ней лоялен. Мамкин доминант какой-то. Когда вроде и порычит, и отшлепает – но как только у такой вот блондинки напротив несчастный вид, сразу включается совсем другой режим.

– Ты сама себе противоречишь, – говорю достаточно спокойно, – Так мужики в целом и я в частности просто члены с языком или у тебя между ног все-таки "не помойка"?

Хлоп-хлоп делают ресницами оленьи несчастные глазки. А потом блондиночка выпаливает:

– Вот такая я противоречивая, представь себе! Бывает!

– Я понял, – говорю еще суше и сдержанней. И берусь за ручку двери. Ну не идиот ли? Затаскивать ее в кладовку, когда там полно гостей, в том числе мое начальство и будущие коллеги. Говорю же, мозги стекла, – В противном случае ты бы позвонила.

Я уже почти нажал на рукоятку, когда в спину прилетает совсем тихое бормотание:

– Охренеть какой. Позвонила бы... Еще бы номер кто оставил или дал...

Опять поворачиваюсь к Веронике и хмурюсь. Причем раздраженно. Что-то я за последние полчаса словил весь спектр эмоций: от восторженного желания до злости:

– Что значит "бы"? Или тебе надо было в телефон обязательно вбить, визиткой ты воспользоваться не могла?

– Какой визиткой?

"Какой"? Она... Она не врет? Да нет, не похоже. Смотрит примерно также шокировано, как тогда, в номере. Когда дверь открыла первый раз.

До меня начинает доходить, почему она так реагировала и вела себя... Полагала, что я просто вышел из номера и закрыл дверь? Обиделась, что не захотел и дальше общаться? И все, что теперь демонстрирует – это помесь желания с защитной реакцией?

Блять, а словами через рот сказать, а? Чего ты типа такой-растакой, поматросил и бросил? Претензий на ровном месте я не люблю – но так, как она себя вела, точно не лучше.

– Моей. Которую я оставил для тебя на прикроватной тумбочке. Чтобы точно увидела.

Вероника смотрит на меня еще более удивленно, а потом вздрагивает. И выдавливает из себя:

– Так ты хотел... Ой. Я не знала. Что бы там ни лежало, все улетело на пол, когда я вставала.

Не совсем понимаю, что она имеет в виду, ну и ладно. Игра в горячо-холодно как-то затянулась, запал прошел, палатка в штанах сдулась и возникло ощущение неправильности происходящего.

Что я вообще здесь выясняю с незнакомым, по сути, человеком?

– Уже, наверное, не имеет значения, – пожимаю плечами. И делаю покер – фэйс.

– Ага, – кивает энергично.

– Что случилось – то случилось, – добавляю вредно.

– Точно, – кривит рот в улыбке. И выдает звонко, – И ты извини, если что, за всякие мои слова... Я не собиралась тебя обидеть.

– Да какие обиды, – скалюсь с таким же преувеличенным энтузиазмом. Внутри свербит странное чувство, да и разговор становится немного пластиковым, как в дурной комедии, но остановиться почему-то невозможно, – На всякие глупости не обижаются!

– Точно! – кивает снова и так, что голова рискует оторваться. – Это замечательно, что мы все прояснили, никто ни на кого не обижается. И мы будем общаться, как и положено почти коллегам.

И застегивает блузку, что я наблюдаю даже с некоторым сожалением. Но мысленно даю себе подзатыльник.

– Замечательно просто!

– Потрясающе! – голос Вероники звенит, аж ухо хочется прочистить.

– Очень рад, что именно твоя компания взялась заниматься документами! – гаркаю почти.

– О большем и не мечтала!

– Так пойдем познакомлю с другими врачами, можешь начинать изучать личные дела в натуре прям!

– Гениальная идея! Твою натуру я изучила вдоль и поперек!

Блять.

Даже отвечать на это не буду.

Резко разворачиваюсь и дергаю, наконец, ручку... Только она не поддается.

– Что там такое? – слышится обеспокоенное за моей спиной.

– Кажется... нас заперли?

А вокруг, не на что ни похожее – бытиё не сложилось пазлами

Официально – я дура.

Неофициально – мы оба идиоты.

Еще более неофициально – Демид мне нравится настолько, что я готова извиняться за свое предыдущее поведение.

Готова, я сказала! Уязвленное самолюбие и внезапно появившаяся Ника детсадовского возраста, к вам обращаюсь: я сказала «извиняться» и «нравится», ведите себя по-взрослому! А не это вот все!

«Ну что, может согласитесь, наконец, чтобы я помог?» – ехидно уточняет мозг.

«Да-да-да, помоги пожалуйста! – вопят в унисон и либидо, и сердце. – Пока эти две идиотки не надели на нас пояс верности на пару лет!»

Но я все еще не могу прийти в себя от предыдущих новостей. Что он оставлял визитку и хотел продолжение. И все мои обиды и рассуждения – беспочвенны. И никак не справляюсь с новыми новостями. Что он, судя по его виду, больше не хочет иметь со мной никаких дел, кроме рабочих.

Потому продолжаю нести чушь, подпитываемую не менее странными высказываниями Демида.

«Уже изучила твою натуру вдоль и поперек?!» Вы серьезно?! Вон пошли!» – вопит мозг на последнюю фразу и выпихивает, наконец, все прочие части из комнатки в моей несчастной черепной коробке. Или где они там сидели? Может у психиатра поинтересоваться? Все-таки есть в этом что-то ненормальное... все эти мысленные диалоги внутри.

Пора остановиться.

Тем более, что мне есть о чем переживать теперь...

– Нас заперли? – звучит недоуменное от Демида.

Мы с мозгом не даем вагине и шанса высказать все возникшие сексуальные фантазии на эту тему.

– Кому понадобилось нас запирать? – спрашиваю вполне спокойно и деловито.

– Полагаю не специально... Ты не видела, ключи не торчали с той стороны, когда мы сюда вломились? – он тоже весьма деятелен и нормален уже.

– Я... не слишком смотрела по сторонам в тот момент, – надеюсь щеки не красные.

– Хм... Ну да... Теоретически кто-то из клининга спохватился и закрыл. Пока мы здесь... пока мы здесь были.

– А делать-то что? – теряюсь немного, – Долбиться в дверь с воплями и привлекать внимание – так себе затея. Репутация и деловая этика. Вряд ли нашему нахождению здесь есть логичное объяснение. Из разряда «я решила проверить условия работы вашего коллектива».

Какое-то время Демид смотрит на меня с самым странным выражением, будто не определился, как относиться и к моему высказыванию, и ко мне, но потом его взгляд даже теплеет.

– Я бы не хотел ставить в неловкую ситуацию тебя или руководство.

Внутри тоже теплеет от его слов.

Мы снова... мы. А не кто-то буйно-помешанный и инфантильный внутри нас.

Хихикаю.

– Глупо получилось. Да и вообще... У нас все так получается. Сплошная комедия положений с того момента, как ты постучал в дверь номера.

– То есть мы держим планку? – тоже улыбается.

А потом достает телефон и начинает листать контакты:

– Попробую вызвонить кого-нибудь из не болтливых знакомых, кто здесь сегодня.

Операция по нашему спасению затягивается.

Сначала не удастся дозвониться, потом объяснить внятно, что происходит, ржущему, похоже, товарищу, затем поиск ключей...

Но мне, как ни странно, комфортно и спокойно.

Гормональная и эмоциональная буря утихают, сердце и мозг с материнской улыбкой наблюдают за «мужиком, который решает проблемы», а пристыженные гордость и обиды отправлены в командировку.

То, что наше общение не заканчивается на скандальной или неловкой ноте радует. И то, что мы продолжаем переговариваться – больше по делу или на отвлеченные темы, вроде кто и сколько в профессии, почему именно это компания – и эта клиника – радует даже больше.

Это будто очередной шанс для нас двоих.

– Фух. Было непросто, – посреди очередного диалога раздается щелчок и незнакомый мужчина в распахнутом пиджаке и с бокалом в руке преувеличенно-конспиративно заглядывает к нам. При этом глаза у него зажмурены, а на лице – едва сдерживаемая улыбка. – Можно смотреть? Я не получу моральную травму?

– Заткнись, Федь, – закатывает глаза Демид, пока я снова краснею. Но по доброму разговаривает, из чего я делаю вывод, что мужик "свой". – Спасибо за помощь. Ценю.

– Путь свободен, – этот самый Федя широко улыбается и подмигивает мне, – Народ уже разошелся почти. А кто не ушел – толчется возле столов с остатками еды.

Мы выходим в действительно пустой холл.

– Познакомьтесь, – Демид – сама вежливость. – Вероника. Возможно вы еще пересечетесь по работе: Вероника работает в одной из компаний, которая сотрудничает с клиникой. А это Федор Волков, ведущий стоматолог.

– Мне очень приятно, – мою лапку аккуратно сжимает мужская ручища. – Ну... я пошел. У меня как раз завязалось приятное знакомство, когда ты начал названивать.

Мы остаемся в затемненном помещении снова вдвоем.

– Так что мы... – начинает Демид и замолкает.

– Так это... – я тоже не совсем понимаю, что говорить. Просить его телефон снова? Или что? Мозг, ты где, когда так нужен?!

– Ника, я... – начинает мой врач по вызову, но закончить ему не удастся. Нас прерывает звонок, мелодию которого я сразу узнаю и потому тороплюсь достать телефон.

Полинка.

И понятно, что дочке я не могу не ответить прямо сейчас.

Жизнь мела и кружила порошею, без причины её отфутболили

– Ты бы знала, мам, что сделал этот противный Тимур! – тараторит дочка, пока мы идем с ней после продленки. Арина, ее подруга и, по совместительству, дочка соседки важно кивает, – Он подговорил других мальчишек, чтобы они все, прям каждый, попросили у меня списать задание по математике, хотя им и не надо было может, многие сделали!

– Как ты думаешь, зачем? – заинтересовываюсь.

Голова варит так себе, после бессонной-то ночи, проведенной в мыслях о Демиде. Но я давно дала себе зарок, что если с дочкой – то я полностью с ней. И так видимся в рабочие дни ранним утром и поздним вечером.

– Проверить решил, кому из них я разрешу, – фыркает сердито.

– Найти любимчика, – снова кивает Арина.

Мы с соседкой иногда выручаем друг друга, когда нет кружков или еще чего. Вчера она забирала девчонок, и те тусовались вместе в их квартире, пока я на приеме... хм, пусть будет налаживала связи. Сегодня я ушла вовремя с работы, чтобы проводить и накормить. Со второго класса может и самой разрешу вот так ходить, но пока страшновато.

– А ты как поступила?

– Так я никому не даю подсматривать, пусть своей головой думают, – усмехается дочка. – Но Тимур я пояснила, что ему не показала именно потому, что он дурак.

– Ох, – только и могу сказать на это безапелляционное заявление, – А после твоих слов... кстати, не очень-то приятных, у вас не было ссоры?

– Нам незачем ссориться, – морщит нос, – У нас и так война.

Война без особых причин. Прям как в песне.

Хотя причина, если я верно понимаю, была. Тимур этот еще на первой линейке смотрел на мою Полинку, открыв восхищенно рот. И как только не изворачивался, чтобы рядом с ней оказаться. А моя красотка, явно смущенная таким вниманием, от этого смущения решила сделать вид, что ничего не замечает. И в паре в класс вовсе ушла с другим мальчиком, крепко взяв того за руку.

С тех пор тот, кто мог стать ее рыцарем, превратился в ее дракона...

Прям как в жизни.

Я вздыхаю и уже почти не прислушиваюсь к болтовне подружек, которые теперь увлеченно обсуждают каких-то кукол и игру, мне не очень знакомую.

Иду, поглаживаю телефон в кармане. И размышляю... звонить или не звонить? Писать или не писать?

Виктор Дмитриевич сегодня уже через своего бухгалтера отправил мне базу данных по сотрудникам, с примечаниями, чтобы начала готовить договора. И я просто не могла не воспользоваться служебным положением и не посмотреть немедленно данные по Демиду.

Хотя и странно немного.

Как-будто я подглядываю в замочную скважину, хотя дверь передо мной закрыли.

Но еще страннее было бы, если бы я проигнорировала именно Демиду, а со всеми остальными работала... так что невольно знала теперь, что Демид – Близнецы. Старше меня на пять лет. Не женат – во всяком случае в данный момент. И в графе "Дети" тоже прочерк.

Будет работать в клинике на должности пластического хирурга четыре дня в неделю.

С другой стороны, я о нем теперь знаю столько же, сколько и он обо мне. За исключением номера паспорта.

Дату рождения моего он точно запомнил, да и про возраст я ему ляпнула. И где работаю знает, что не замужем и... что в графе "Дети" у меня не прочерк, а Полинка.

Вчера опять все скомкано вышло. Дочь позвонила расстроенная, потому что уже поздний вечер, а я все не возвращаюсь, и она не успеет посидеть в ванне с ее любимой бомбочкой, как я обещала, и книгу почитать вместе, новую, только-только купленную в любимом книжном. Ну и я заторопилась, а к Демиду подошла какая-то пара, и мы лишь неловко попрощались. Вместо того, чтобы как взрослые люди обменяться контактами.

И мне даже не удалось понять, как он отреагировал на наличие у меня ребенка. Не то что бы это на что-то влияет, но...

В общем, телефона его у меня так и не оказалось. А сегодня записала таки. И теперь размышляла, стоит ли проявлять инициативу?

Ведь теперь и ему легко меня найти – достаточно сделать один звонок. Чтобы мой номер взять. Но он же почему-то не сделал этого за день. Может и мне не стоит?

– Мам, можно мы на качелях на площадке покатаемся? – задирает мордашку Полина.

– Идите. Только одежду постарайтесь не слишком испачкать.

Киваю знакомым мамашам, но не приближаюсь. А решительно нажимаю на кнопки. Только в последний момент думаю, что в современном мире уместней сначала писать.

– Слушаю, – раздается холодный и очень отдаленно похожий на Демиду голос. – Алло? Говорите.

– Я... – голос аж пресекается от волнения. Ну что я за клуша такая, а? Спокойней надо, – Привет. Это Вероника.

– Вероника? – мне кажется он удивлен, – Привет... слушай, я сейчас очень занят.

И я слышу на заднем плане женский голос, что-то щебечущий ему неподалеку.

Щеки обдает кипятком.

– Извини, что отвлекла, – выпаливаю. И немедленно кладу трубку.

Дура.

Вот зачем позвонила?

И Демид, кстати, не перезванивает в тот вечер. И не пишет.

Хотя теперь у него точно есть мой номер. Просто не мой рыцарь.

Ну или дракон.

Отменили слова некрасивые – всё красиво и не навязчиво

Демид

Челюстно – лицевая и часто экстренная хирургия в городской клинической больнице – дело не только ответственное, но и адски хлопотное.

Я заканчивал здесь ординатуру и продолжаю работать на часть ставки. И редко бывает, когда сутки дежурства имеют еще и полноценный сон бонусом. Вот и сегодня, вроде вечер уже, а у меня впереди две операции.

Звонок телефона раздается в тот момент, когда я собираюсь переодеться и обрабатывать руки.

– Слушаю, – бросаю резко, кивая медсестре, что уже бегу, – Алло! Говорите...

Шелест, непонятный вздох...

– Привет... Это Вероника...

– Вероника? – не сразу могу сообразить, кто именно мне звонит.

– Демид, смотри по анализам что, – хмурится Ксюша, подсовывая мне листы, – Тебе не кажется, вот этот показатель...

Перехватываю телефон плечом, беру листы и всматриваюсь в несколько строк.

Черт, надо еще ответить. Ника же... Но она катастрофически не вовремя.

– Привет, слушай, я сейчас очень занят... – бормочу, пытаюсь одновременно слушать медсестру и просчитать все риски.

– Извини что отвлекла!

Связь обрывается, и я даю себе мысленную пометку перезвонить.

Но естественно забываю. Полностью погружаюсь в работу и вываливаюсь из больницы в таком состоянии, что помню разве что свой собственный адрес. Хорошо, что машину не брал – за руль садиться в таком состоянии просто опасно.

И проваливаюсь сразу в глубокий сон, как только дохожу до кровати.

И первое, что слышу, проснувшись и включив телефон:

– Демид, приве-ет.

Катя.

Смотрю на часы. Пять вечера. Пятница. Голова пока соображает плохо, но вроде бы никакую работу не проспал. И не планировал работать.

– Привет, – говорю хрипло.

– Со смены? – догадывается приятельница. Даже скорее непостоянная любовница. Мы периодически сходимся с ней, когда никого нет ближе. Легко сходимся. И также легко расходимся. И инициатором, как правило, выступает Катерина.

– Со смены, – подтверждаю.

– Значит вечер у тебя свободен? – радостно мурлычет. – Это я удачно позвонила. Если только у тебя не появился кто-то...

«Никого» хочу ответить. И что-то останавливает...

Так. Точно.

Вчерашний звонок. Ника.

Позавчерашняя встреча.

И тот факт, что мы оба были заинтересованы в продолжении внезапного знакомства, но обстоятельства сложились как-то странно.

Я несколько секунд взвешиваю варианты.

Катка – это история гарантированная. Приятный ужин, отличный трах, никакого выноса мозга.

Вероника... здесь пока интрига. И не совсем понятно, она мне нужна вообще, интрига эта? Импульсивная, смешная, кажется, обидчивая... Опять же, ребенок.

– Сегодня не получится, – говорю мягко.

– Хм. Поняла тебя, – спокойно реагирует Катя. Полагаю, я не единственный в списке мужчин, которым она может позвонить. Меня это никогда не напрягало.

Но вот сейчас подумал... что я бы не хотел быть одним из многих, кому звонит Вероника.

Отключаюсь и иду в душ. А потом варю крепкий кофе. И набираю Нику. Номер я ее не сохранил, но по времени звонка легко вычислить.

– Привет, это Демид, – говорю, как только она трубку берет.

Что-то звякает, падает как-будто даже, потом раздается резкий гул и отдаленные вопли...

– Тебя там убивают? Поддай мне какой-нибудь тайный знак, чтобы я догадался... – внезапно хочется улыбаться. Просто представляю, что ее так взволновал мой звонок, что из рук все выпало, если не хуже.

– Я сама сейчас кого-нибудь убью, – сообщает мне мрачно. А потом еще более мрачно, – Ты только освободился?

Кажется, она намекает, что я не сразу перезвонил. Кажется я терпеть не могу подобные посягательства на мои личные границы. Но... я разве не сам выбрал «интригу»?

– Ты вчера мне позвонила перед операцией, – поясняю спокойно, – А потом была еще одна. Долгая смена – и долгий сон после.

– Больница? – искренне удивляется, – А разве пластические хирурги... работают смены в больницах?

– Еще как.

– Ты просто казался...

И замолкает.

– Ну? – подталкиваю мягко.

– Типичным глянцевым хирургом, который делает грудь и задницы.

– Грудь и задницы я тоже делаю, так что не ошиблась, – уже смеюсь.

Вздыхает.

– Значит, ты только освободился.

– Ну да.

– А я занята.

И вздыхает еще громче.

– Чем? – интересуюсь. Решил так решил, что сопли жевать? – Может я присоединюсь.

– Ну... – тянет неуверенно. – Вряд ли захочешь.

– Я еще не услышал никакого предложения.

– Я в парке на площадке с тремя малолетними сорванцами. И не думаю, что тебе

интересно...

– Вот и проверим. Говори адрес

Но я в сапоги заправляю клеша!

«Он идиот?» – задумчиво уточняет мозг, высматривая в котле... то есть на бешено вертящейся карусели среди чужих бесенят три знакомые макушки.

«Риско-овый», – восторженно тянет сердце.

«О, всем привет, давно не виделись», – поправляет кружавчики либидо.

«Ну если ты будешь приходить только на выступления Демида, то мы точно не будем часто встречаться», – раздраженно заявляет мозг.

«Скорей бы, скорей бы», – поет вагина...

«Ох. А ведь мы в спортивном костюме. Уже с пятном. Не покрашены. С грязной головой.... И кто помнит, когда брили ноги?!», – в дверях, запыхавшись, появляется Женская Неуверенность...

– Не-ет... – выдыхаю в ужасе, осознав, как выгляжу.

С утра мы с Полинкой проспали – между прочим опять Демид тому причиной. То снился, то вспоминался. И я не успела привести себя в порядок. А уж вечером так тем более. Залетела после работы, схватила первый попавшийся спортивный костюм, куртку и кроссовки и понеслась с дочкой и ее друзьями в парк.

Во-первых, пятница, и детям надо сбросить все, что за неделю накопилось. У взрослых для этого рестораны и бары – а нашим поорать и побегать бы.

Во-вторых, Полину на выходные забирает папа, и мне важно было уделить ей достаточно внимания.

В-третьих, я прихватила Арину и Егора, еще одного мальчика с нашего двора, с далеко идущими намерениями. Следующая неделя предстоит сложной с рабочей точки зрения, и мне важно, чтобы соседки благожелательно относились к моим просьбам присмотреть за дочерью.

Стратег, что уж. Ну или обычная работающая мать-одиночка, которая балансирует даже не на двух, а на трех стульях. Я именно поэтому, консультируя различные компании, всегда настаиваю, чтобы присмотрелись к бывшим «декретницам», если те продолжали совмещать или подрабатывать на удаленке. Не знаю никого более четко владеющего навыками тайм-менеджмента, стратегического планирования и эмпатического слушания...

– Верони-ика! – врывается в мои размышления плаксивый голос Аринки. Все дети знают, что я никак не тетя, и если так назовут – могут забыть о вкусняшках. На вы, но по имени, – Они не пуска-ают меня в до-омик...

Полинка и Егор и правда оккупировали деревянную башенку, провозгласили всех прочих врагами и теперь, хохоча, отбиваются. Я уговариваю принять в команду «свою» боевую единицу, чтобы было еще веселее отбиваться, а сама сажусь на лавочку и судорожно роюсь в рюкзаке в поисках косметички, расчески и хоть какой-то резинки, чтобы собрать волосы

Находится только ворох конфет, влажные салфетки и зеркальце.

– Блин, лучше бы не смотрела, – хнычу, глядя в замусоленную поверхность. Но щеки оттираю. Волосы убираю под шапку. Да, так еще больше видны тени под глазами и покрасневший от прохлады – вечер все-таки – нос, но зато не виден остаток прически.

С костюмом уже ничего не поделаешь, не пытаться же застирать и перешить в парковом туалете, так, просто ботинки очищаю.

А потом пытаюсь успокоить колотящееся от волнения сердце...

– Ма-ам! – отвлекает меня от внутренних метаний Полина, – Егор мне куртку порвал!

– Не рвал я! – возмущается круглоголовый Егор, – Ты сама за крючок зацепилась!

– Из-за тебя зацепилась, – ревниво замечает Арина, которая не очень любит, когда в ее отношения с подругой «влезит» кто-то третий.

– Не из-за меня!

– Из-за тебя!

– А ну молчать! – гаркаю, перекрывая их вопли. – Здесь вообще главная пострадавшая сторона – это я! Мне же зашивать или покупать новую...

– А всем молчать или мне говорить можно?

Я резко поворачиваюсь на знакомый насмешливый голос и подавляю обреченный стон.

Демид смотрится на площадке настолько роскошно и инородно, что сразу обращает на себя внимание.

Отглаженные брюки. Модные замшевые кроссовки. Короткое пальто и явно не дешевый шарф...

– Привет, – улыбаюсь неуверенно, – Вряд ли я смогла бы тебе что запретить... Ты выглядишь не посетителем парка, а его хозяином.

– Что, правда? – улавливает только последнюю фразу Егор, – Вы хозяин парка?

– Это Полина, моя дочь, – киваю на свою блондинку в порванной – не слишком кстати, красивая нашивка все исправит – розовой куртке. – А рядом ее друзья: Арина и Егор. А это Демид, мой друг. Ничего, что без отчества? – уточняю.

– Ничего, – качает головой.

– Здравствуйте, – вежливо кивает Егор, и даже тянет по-взрослому руку, поздороваться.

Но на этом лимит его сдержанности исчерпан, – Так вы действительно хозяин парка?

– Нет, я...

– И даже не площадки? – встревает Полина.

– Нет, ты просто не расслышала маму. Я...

– А было бы круто, если бы хозяин... Мы бы сказали, что улучшить, – деловито перебивает Арина.

Они не то что невежливые. Они просто очень быстрые. Торопятся. Думать, бегать, делать, говорить. Годам к восемнадцати пройдет, наверное, но пока...

– Я хирург! – успеваешь, наконец, Демид.

– Хирург? – морщит лоб Арина. – А, это тот, кто режет людей?

– Ух ты, дядя-маньяк! – делает свой вывод Егор. И тут же уточняет, – А где вы этим учились?

– Вот ты глупый, – покровительственно заявляет Полинка, – Он-доктор.

– Сама глупая! – сердится Егор.

– «Дядя-маньяк, дядя – маньяк», – передразнивает Егора дочка.

– Я честно не маньяк... – беспомощно возражает Демид и отступает на шаг.

– Лучше бы были хозяином парка, – припечатывает Арина. И добавляет милостиво, – Но врачом тоже ничего...

– С-спасибо, – на лице Демида проступает мученическое выражение.

– Дети, может вернетесь на площадку? – пытаюсь я спасти положение.

– А можно вы расскажете, как режете людей? – продолжает интересоваться Егор.

– Мальчишки, – фыркает Арина.

– Мам, я есть хочу, – встревает Полина.

– И я! И я! – мгновенно забывают о всем прочем остальные.

Я украдкой смотрю на Демида... и прыскаю, несмотря на всю неловкость ситуации.

Потому что он теперь выглядит как человек, который хочет выпить.

Будет все у нас путем, если вместе мы идем!

Демид

– Вообще-то я никогда не был сторонником БДСМ – практик. Даже не думал, что поучаствую в них столь активно, – бормочу устало и так, чтобы только Ника услышала. А не эти... поросята.

Прыскает.

Смешить мне ее нравится. Несмотря на то, что ситуация немного дикая. Но я сам, добровольно, сюда приперся. И стыдно бросать их на полпути: Вероника с этим справляется постоянно, я что, один вечер не выдержу?

Выдерживаю. Местами мне даже весело.

Но, если честно, я слабовольно рад, что им уже пора домой.

Чуть-чуть горжусь собой, что не сбежал. Чуть-чуть люблюсь блондиночкой в свете фонарей.

Выглядит сегодня девчонкой не старше двадцати – все время смеется, блестит глазищами и в шапке набекрень. Если бы не слышал, как может рявкнуть, чтобы приструнить детей, принял бы за эльфа, по ошибке попавшего в наш человеческий мир.

Полный воплей, ссор и пятен от сока и булок с повидлом на детских куртках.

– Было так "больно"? – стряпает сочувственное лицо. Но по смешинкам в глазах вижу – ничего она не сочувствует. Издевается только.

Убеждаюсь, что чумазая тройца ушла вперед, оттаскиваю в сторону, к дереву, и тяну за куртку на себя:

– Дай-ка подумать... – тяну, – Меня заклеили маньяком, заставили пройти не меньше десяти километров, покататься на скрипящем аттракционе – с риском для жизни! Напоили отвратным кофе, потому что "кофе надо пить из ларька, дядя-маньяк, а не в кафе, мы же на прогулке" и пятьсот миллионов раз уточнили, какие разрезы на человеке мне больше нравятся – длинные или короткие... Мне кажется я заслуживаю утешительного приза.

– Это какого? – дует задумчиво губы.

Чмокаю быстро и отпускаю, потому что двое из трех поросят вдруг резко поворачиваются и бегут в нашу сторону.

– Соразмерного, – играю бровями.

– Ночь, когда я буду полностью в твоей власти достаточно соразмерна? – облизывает пухлые губы.

– Только мы вдвоем? – уточняю на всякий случай.

– Да, – хихикает.

– Когда?

– Завтра... если ты можешь, конечно...

Я не успеваю ответить.

– Мам! – разбивает наш тет-а-тет Полина. И косится на меня с подозрением, – А можно Арина и Егор к нам в гости пойдут сейчас?

– Нет.

– Ну на полчасика.

– Нет.

– Ну ненадолго! Я просто им покажу...

– Нет!

– А ты же такого мне не скажешь завтра? – уточняю, когда дети убегают. И сразу даю понять – да, я могу завтра. – Раз полностью в моей власти?

Сглатывает. Кажется она не совсем то имела в виду, когда делала свое предложение... Но отказываться не собираюсь. Даже от того, что еще не успела предложить. А у меня столько горячих картинок перед глазами...

– Мне... все понравится? – уточняет осторожно.

– Ну... – тяну загадочно, – В какие-то моменты ты будешь кричать... Но вряд ли от боли.

– А говорил, что не практикуешь БДСМ... – смеется хрипло.

– Вот видишь, сегодня начал – и вошел во вкус.

Хорошо бы и наш завод стал таких выпускать

«Мо-озг»

«Мо-озг»

«Мозг, нам совсем нечего одеть на свидание!!»

Мозг, похоже, покинул нас. Оставив на своем месте трясущуюся неуверенность, невменяемое от счастья либидо и танцующую шаманские танцы вагину.

«Дождь, я вызываю дождь... Нет, пусть будет потоп! Настоящий потоп!»

Блин.

– «Девочки, я схожу с ума. Помогите!» – набиваю в наш чат.

– «Что случилось?!» – немедленно сыпется со всех сторон.

– «Ты же должна была сдать Полинку и наслаждаться отдыхом, а потом с нами встретиться!» – уточняет Оля.

– «Ой. Об этом я вообще забыла»

– «Точно сошла с ума!» – припечатывает Натали.

И тут же звонит.

Вот уж кто берет быка за рога, а меня за горло:

– Кто ты тварь, и почему пишешь от имени моей подруги? – сразу выдает нашу любимую шутку. Но мне не смешно.

– Хнык-хнык, – отвечаю на это. – Демид.

– Ты опять по нему страдаешь? – не понимает Наташка.

– Не совсем. Он познакомился с Полиной – и даже гулял в парке. Проявил инициативу – а среди современных мужиков это уже подвиг. И пригласил меня... на все. И конечно я хочу всего. Но блин...

– Тебе нечего надеть, ты боишься второго раза – потому что второй бывает много хуже первого, а еще хуже, если он будет лучше – и как такого забыть? И вообще, жизнь как бы удалась, но вот с «как» есть нюансы?

– Потому ты и зарабатываешь больше нас всех, – признаю очевидное, – Ты очень умная, Наташ. Побудешь немного моим мозгом? А то мне бы до ресторана дойти...

– Не отключайся.

Групповой звонок проясняет сразу все и для всех в нашем чате.

В итоге меня засыпают советами. Телефонами мастеров эпиляции – потому что бриться по старинке это вообще отстой. Примерами платьев, рекомендованных глянцем для свиданий. Идеями, как быть одновременно остроумной, шаловливой, гордой, но не настолько, чтобы тебя дальше не позвали...

Все-таки такая встреча – это просто высший уровень неловкости.

Неловкость первого секса – которой не было у нас с Демидом – и первого утра после первого секса – которого не было у нас с Демидом – и рядом не стояли.

Может именно потому, что не было?

– Что-то новое, что-то старое, что-то голубое, – подытоживает Мариша.

– Не ты пьешь сельдерей, а сельдерей выпил твой мозг, – ворчит Натали, – Мы же не к свадьбе ее готовим.

– Вообще, если я верно понимаю ситуацию, Демид предпочел бы видеть ее голой, – смеется Оля.

И обсуждения начинаются по новой.

На самом деле после такого хаотичного звонка я успокаиваюсь.

Как-будто разделила истерику сразу на четверых и стало легче.

Врут все, что неопытным юным девицам очень сложно с первыми отношениями и первыми свиданиями. Переживают так, что болтают глупости, сто раз переодеваются и оповещают половину своей телефонной книги об ужине с парнем мечты.

У опытных и не слишком юных тоже самое. Особенно если парень снова тянет на мечту... в которую ты, как оказывается, немного веришь.

Еще больше успокаиваюсь, когда вижу Демида возле своего подъезда.

Неловкость присутствует, как и момент неуверенности – откроет или не откроет дверь, вдруг придется стоять как дура... взял или не взял цветы – вдруг это для меня свидание, а для него просто «поесть перед сексом»... Поедем в приличное заведение или в проходное... Ну и как там вообще...

Пока даже слишком идеально.

Аж страшновато.

– Признайся, что ты все-таки маньяк, – говорю требовательно, когда он отдает официанту заказ, – И дети тебя раскусили.

– Дети меня раскусили, – смеется, – Но что сподвигло тебя на такие мысли?

– Ты открываешь двери, – начинаю загибать пальцы, – Выглядишь прилично. Даришь цветы. Везешь в очень красивое место и предлагаешь сделать заказ за меня, если я хочу – потому что знаешь, что здесь самое вкусное. Выбираешь мне потрясающее вино. И уровень внимания, которое ты уделяешь... Знаешь на что похоже?

– Уже догадываюсь, – откровенно смеется.

Мне нравится, как он это делает.

Открыто, уместно, как откидывает голову и смотрит на меня с довольным прищуром, очень теплым взглядом. Обволакивающим вниманием взглядом.

– Похоже я усыплю твою бдительность, чтобы потом воспользоваться на полную, – играет бровями.

– Именно, – подтверждаю с готовностью.

– И... – он вдруг подается вперед, – Ты заходишь дальше в своих фантазиях? Как именно я тобой воспользуюсь?

«Я в обмороке», – успевает сообщить счастливая вагина, прежде чем свалиться в обморок.

«Я в отпуске», – присылает смс с пляжа мозг.

«Я в афиге», – нервно сглатывает креативность.

«Я пока с тобой», – уверенно кивает либидо.

– После твоих фраз про БДСМ у меня не так много вариантов, – выдыхаю, – Связанные за спиной руки. Шелковая повязка на глазах. Я на коленях.

– Голая? – его зрачки начинают мерцать.

– В белье.

– Чулки и туфли?

– На мне.

– С этого и начнем...

Мне нужна сегодня ты. К тебе бе-бе-бегу-у-у

Демид

Ника сегодня – ходячее искушение. Сидячее тоже.

У меня встает, когда она прикасается ко мне щекой во время приветствия.

Когда я помогаю снять пальто в ресторане, и понимаю, что довольно простое, закрытое платье без рукавов имеет замечательную особенность: сзади оно застегнуто на одну молнию, ведущую от глубокого выреза до самого подола.

У меня встает, когда шутит.

Когда отпивает из бокала, обнимая ярко-накрашенными губами край. Там остается красный отпечаток – и я не могу не подумать, что, оказывается, вдруг люблю такие вот отпечатки на своем члене.

Когда рассказывает о своих фантазиях...

У меня стоит все время, что уж там. Хорошо, что я не из модных, а из стильных. Обтягивающих идиотских брючек не ношу. Но член врезается в ширинку, рискуя заполучить специфический орнамент...

И да, я зря заказал спагетти с сыром.

В этом заведении особая подача. Официант привозит телегу с огромной сырной головкой и выдолбленной в ней «ямкой». Туда на глазах у гостей выкладывает пасту, так что каждая макаронина обволакивается желтой тягучей массой, а потом уже подает на тарелках. И сочные спагетти текут этим сыром, источая потрясающий аромат... Превращаясь в самое сексуальное блюдо, когда Ника начинает их втягивать.

Вероника тоже течет. Я понимаю по учащенному дыханию и взгляду. Ерзает. Я не лучше. Потряхивает уже. Хочу, чтобы капля сыра, которая остается у нее в уголке губ, не сыром была. А совсем другой каплей. Тем более, что мы уже договорились, с чего начинаем...

– Желаете десерт? – уточняет официант.

– Нет! – звучит от нас одновременно.

Кажется, он понял, что будет десертом...

Плевать.

Мне надо довести это искушение до дома и не трахнуть по дороге. А если мы останемся еще и на десерт, то не довезу. Может даже из ресторана не выйдем...

– Ты так оглядываешься странно... – бормочет Вероника, пока мы идем к гардеробу.

– Думаю, может здесь тоже кладовка будет.

– Шутишь? – замирает.

– Уже почти нет.

Тонкая талия под моими пальцами подрагивает – а те как приклеились, вот честно, с трудом уступают место пальто.

Пухлые губы полуоткрыты.

Грудь поднимается часто-часто...

Меня дико заводит то, что я и наши разговоры заводят ее. И я совсем на грани, пока мы паркуемся на подземной стоянке и поднимаемся на лифте. Вот вообще не трогаю, даже

взглядом, потому что сорвусь ведь...

– Прости, но экскурсия по квартире будет позже, – шепчу хрипло, стоит входной двери закрыться.

Одним движением снимаю с нее пальто.

Разворачиваю к себе спиной. И под аккомпанемент длинного стога расстегиваю такую же длинную молнию на ее платье, так что ткань распадается, демонстрируя идеальную спину, черное кружево и действительно чулки.

– Я продолжаю твою фантазию? – задаю вопрос еще тише.

Сглатывает. И кивает.

– Стой здесь.

Соответствующей атрибутикой я не обзавелся, но у меня много галстуков. В том числе широких.

Одним я связываю ее руки сзади.

Вторым, плотно, завязываю глаза. После того, как разворачиваю лицом к себе и ставлю на колени.

В просторной прихожей темные панели и мягкий, рассеянный свет. Ника смотрится здесь идеальным дополнением. Точеной статуэткой, в самой провокационной позе. Высокая грудь покрыта мурашками, живот подрагивает, а колени раздвинуты достаточно широко для устойчивости...

Мне кажется я кончу, не успев начать.

– Открой рот, – говорю достаточно строго, вступая в эту игру по ее выбору. – И дай мне свой язык.

Немедленно поднимает подбородок и раскрывает сочные губы, чуть вытягивая розовый язычок.

Охуенная.

Вздрагивает на каждый звук от моих движений.

Вот я расстегиваю пряжку ремня, пуговицу.

Молнию.

Оттягиваю резинку боксеров.

А потом перехватываю у основания член с давно уже влажной головкой и провожу по ее губам, из стороны в сторону, давлю на язык, так чтобы Ника увлажнила его еще лучше...

Мы стонем одновременно.

Я толкаюсь в горячую сладость. Неглубоко. Потому что у меня возникает другая фантазия. Ника же насаживается так, будто только мой член и ждала всю жизнь. И это настолько охрененно, что я чуть не спускаю... Позволяю себе лишь несколько движений, а потом резко отстраняюсь и перехватываю ее за подбородок, когда тянется за мной.

Провожу пальцем с силой по губам.

И давлю на затылок и между лопаток, молча, так чтобы щекой и грудью легла на пол, оттопырив задницу. Отодвигаю насквозь мокрое кружево от пульсирующей дырочки и, раскатав резинку, загоняю член по самые яйца, так что блондиночка взвизгивает, а я несдержанно матерюсь от ее тесноты.

– Будет быстро и жестко, – не то что предупреждаю, скорее ставлю перед фактом. С оттяжкой шлепаю по упругой половинке и перехватываю бедра так, чтобы было удобно насаживать на себя.

И случайно ловлю наше отражение в зеркальном шкафу.

Блять. Зря.

Я теперь не продержусь и минуты.

Я мужчина секс-машина, на ходу стираю шины

Первый оргазм настолько острый и внезапный, настолько невозможный, как мне казалось прежде, для моего организма, что я осознаю его только когда начинаю трястись, как припадочная, и растекаюсь тягучей лужей по плитке прихожей.

– Падать команды не было, – раздается хрипый голос. Демид пытается быть строгим и сдержанным, но не может – выдают стоны сквозь зубы и самый длинный, протяжный, сопровождающий несколько последних жестких и быстрых толчков на грани боли...

Я же все слышу и понимаю как сквозь вату.

Острота и яркость ощущений, в которые я погрузилась так полно – от невозможности видеть, двигаться, осознавать – оглушили напрочь и отрезали от прочего мира.

Но внутри бьются набатом мысли.

Оргазм? Серьезно? На полу? Не отходя от входной двери? Не раздеваясь до конца, будучи связанной и без предварительных ласк?

А что, так можно было?

«Предварительные ласки были, – напоминает либидо, – Ты помнишь, как он на тебя смотрел в ресторане? Как трогал, одевая и раздевая? Что и как говорил?»

«Ничо не помню, но все понравилось, – хрипит вагина, – А можно то, что во мне, оставить навсегда?»

«Дура, – хихикает женское самодовольство, – Пусть выходит. Еще потом придет – ему с нами понравилось. Точно»

«А уж нам как...» – довольно тянет сложенное в странной позе тело.

«Тебе вообще должно быть неудобно!» – возмущается неизвестно откуда взявшийся мозг.

«Ой молчи, – хмыкает либидо, – Раньше понедельника мы тебя не ждем!»

«Свет, мы видим свет!» – радостно распахиваются глаза.

Первым делом, когда Демид поднимает меня на ноги, поворачивает к себе и стягивает повязку. И... смотрит.

Причем немного шокировано.

Как будто он не ожидал такого от себя.

И от меня тоже.

Медленно заведя руки за мою спину, так что я утопаю в его теплых объятиях, развязывает второй галстук.

И помогает мне скинуть туфли – ноги подкашиваются.

Его как пошатывает... меня тоже.

Я чуть отворачиваю голову, потому что смотреть на Демида – это тоже слишком остро и ярко. Натыкаюсь на наше отражение в зеркальной двери шкафа. Охренительно, конечно. Полностью одетый мужчина – он даже трусы и брюки вернул на место. И растрепанная девушка рядом в одном белье...

Завороженно наблюдаю, как его рука невесомо ведет по моим волосам, по груди, очерчивает живот... Как он склоняется к моему уху...

– Что хочешь увидеть сначала?

Моргаю непонимающе.

А потом уточняю:

– В квартире? Ты про экскурсию? А почему не... всю?

– Полагаю, мы на каждом объекте будем... хм, останавливаться.

Это забавно, конечно, после всего, что произошло только что, краснеть. Но я чувствую, что краснею от смеси угрозы и порочного обещания в его словах и интонациях.

– Озвучь, пожалуйста, все варианты, – облизываю пересохшие губы,

Никогда не думала, что перечисление комнат может звучать настолько эротично. Если бы я работала не юристом, а рекламщиком, обязательно использовала это в каком-нибудь ролике про элитное жилье.

– Кухня с гостиной... Ванная комната. Там есть ванна и... прозрачная душевая кабина, – на этом моменте голос Демида пресекается. Кажется, него уже родилась определенная фантазия, – Спальня. С кроватью. И... креслом. И ковром. Кабинет. Есть еще небольшая гардеробная и кладовка.

– Кладовка уже была, – реагирую быстро со смешком.

Но мое веселье... оно не совсем веселье. Так, маленькая передышка перед новым нырком.

Потому что вспышками в голове – картинки будущего удовольствия.

На диване.

На кровати.

Снова на полу – в гардеробной.

На рабочем столе, так что на заднице останутся отпечатки бумаг... черт, и не думала, что я такая извращенка!

– Кухня, – выдыхаю.

– Идем, – берет меня за руку.

Я чувствую, что у меня не так много времени осмотреться, потому осматриваюсь. Мне нравится то, что я вижу. В квартире Демида явно поработал дизайнер, и не стал делать безликий лофт или всем надоевший скандинавский интерьер. Стены в основном темные, много ярких деталей и ностальгически-старомодных, вписанных в современный интерьер, предметов мебели.

Кухня глубокого зеленого цвета.

Яркие мягкие стулья.

Роскошный кухонный остров посередине с натуральной деревянной столешницей – я не знаю, готовит ли Демид, но на таком острове любой бы готовил...

На столешницу он и ставит шампанское, два бокала и миску с клубникой.

– Это ты ко встрече со мной готовился или... всегда готов? – неприятно изумляюсь и от этого изумления выпаливаю то, что приходит в голову.

На самом деле я не очень хочу знать правду на счет «всегда готов». Сколько девиц у него побывало здесь, скольких он ставил на колени в прихожей, одна ли я у него сейчас или одна из многих... Я не готова к неприятной правде. И, наверное, не поверю в приятную. Из разряда «только тебя и ждал».

На самом деле я хочу наслаждаться этим моментом и выпалила это зря...

Демид или понимает, или вообще не видит проблем в моем восклицании.

Улыбается:

– Тебе ведь нравится шампанское с клубникой. Я помню. А мне понравилась ты – в сочетании с шампанским и клубникой. К тому же, я задолжал тебе десерт.

И с этими слова разливает по бокалам шипучую жидкость и... усаживает меня задницей

на остров. Скидывает пиджак, медленно расстегивает рубашку...

Я отпиваю глоток и закусываю сочной ягодой, заморожено глядя на открывающиеся гладкие мышцы. Которые все ближе ко мне и ближе... Следующий глоток и ягоду мы делим уже на двоих.

А потом с меня спускают кружевной верх, так чтобы не снять, но открыть, что ему надо. И мягко толкают на спину, обмазывая следующей ягодой обнажившуюся грудь и соски.

– Эй, – смеюсь хрипло, – Это же мой десерт!

– Себе я тоже задолжал, – отвечает совершенно серьезно, склоняется надо мной и обхватывает губами увлажненный клубничным соком сосок.

Эй, проводник, открой все двери, пускай звонят колокола

Может быть дело в том, что он хирург?

Ну, досконально знает, где какая косточка и кнопочка расположены в женском теле. Я уж не говорю про органы...

Знает – и умеет к ним прикасаться. Делать что-то такое, отчего каждая эта самая косточка и орган после ночи с ним находятся в счастливом беспомыслии?

Иначе как объяснить, что каждый наш последующий раз с ним был кайфовой предыдущего?

Экскурсия по его квартире, определенно, удалась. Иначе я бы не просидела половину воскресенья в прохладной ванне, в попытке остудить все натертости. С глупой улыбкой на лице.

Воспоминания вспышками.

Моя рука на покрытом паром стекле душевой кабины. Он перехватывает запястье, сжимает берет меня сзади...

Огромная кровать в его спальне. И я в позе наездницы, бесстыдно ласкающая свою грудь.

Стол в кабинете. Предательски чистый. Потому отпечатки моей груди особенно видны...

– «НукакНукакНукак?» – пестрит вопросами чат с девчонками.

Я только и могу выдавить из себя:

– «Лучше, чем первая ночь»

– «О-оооо».

Вот именно.

Что тут еще скажешь?

– «Вы же договорились о новой встрече? И почему ты в воскресенье не с ним?» – уточняет подозрительная Наташка.

– «Договорились, что найдем время на этой неделе. И у меня дела сегодня – а у него по плану спортзал. Надо же как-то поддерживать в тонусе идеальные кубики пресса»

– «Сколько насчитала?» – жадно интересуется Маринка.

Смеюсь. Сколько бы ни насчитала – все пока мои.

Я не позволяю себе сомнений, было ли Демиду настолько же хорошо, насколько и мне. Я уверена – было. И это делает мою глупую улыбку еще шире.

Заниматься ничем не хочется. Кое-как вспоминаю, для чего мне вообще нужно было свободное воскресенье, и с наушниками в ушах принимаюсь за уборку и перебор своего и Полинкиного гардероба. Так что к вечеру, когда дочка возвращается, квартира сияет чистотой, а мать выглядит как мать.

А не как развратная женщина.

Выпечкой даже пахнет – я и на ватрушки сподобилась.

– По планам у нас с тобой чай, вкусняшки и классный полнометражный мульт, – крепко обнимаю свою кнопку. Успела соскучиться за выходные.

Дочка радостно взвизгивает и уносится в свою комнату переодеваться

– Хорошо, что диван большой, и мы все поместимся, перед телевизором, – играет

бровями Петр и ставит Полинкин рюкзачок на комод.

Я смотрю на бывшего с плохо скрываемым недоумением.

Чего это он?

– Мультфильм для девочек, – сообщаю холодно, – Я хочу побыть с дочерью вдвоем, а то будущая неделя будет наскоками и урывками.

Почти выталкиваю его за дверь. И тут же забываю.

А в следующие дни забываю вообще обо всем.

Работы такой наплыв, что у меня глаз дергается, не переставая. Я бегаю, как белка в колесе, выпрашивая у соседок и приятельниц, чтобы Полинку забирали, падаю в кровать за полночь и моментально засыпаю, проваливаюсь в небытие, а когда просыпаюсь – будто и не было ночи.

Почти не помню, что ем, что ношу, как выгляжу...

В общем, все как и всегда в периоды авралов.

Хотя нет. Есть одно отличие. Очень важное.

Мое разбуженное либидо считает дни с последнего секса. Который был... черт, мы с Демидом встречались больше недели назад!

Мое разбуженное сердце мечтает о невозможном в данный период. Наглядеться на своего ненаглядного, насмеяться и надышаться им. И нет, я не влюблена, просто... Ладно, может самую чуточку влюблена.

Мой вернувшийся мозг кропотливо собирает все сообщения Демида, который то оперирует, то уезжает в командировки, то просто отсыпается после смены.

– Девочки, это кошмар! – взываю в какой-то момент в чате, – Как два трудоголика могут встречаться, если они не живут вместе?!

Я и правда не понимаю.

Когда я была старшеклассницей и студенткой, это я только думала, что у меня времени нет... по факту мы с друзьями и моими парнями часами болтали, гуляли, веселились, а позже и все остальное. Замужем, в декрете – «милый» был под боком постоянно.

Потом не было никаких милых – и проблем не было.

А сейчас как?!

– Все мои любовники из ближайших бизнес-центров, – пишет свой рецепт Натали.

– Работать в будни – встречаться на выходных, – предлагает Марина. И добавляет, – Ну это наверное у кого детей нет... или работы в выходные

– Или просто съехаться, – жизнерадостно подытоживает Оля.

Съехаться, блин...

Нет, такие варианты у нас не сработают. Надо креативить что-то свое... Тем более, что Демид не скрывает свое сумасшедшее расписание, а я знаю адрес.

Но разве можно просто взять и завалиться к нему внезапно ненадолго? Чтобы что?

«А чтобы все», – хихикает либидо.

«А зачем на скорую руку? – хмурится мозг, – Мы никуда не торопимся. Спокойнождемся полноценной встречи, чинно, как взрослые люди, сходим на свидание и...»

«Еще скажи – сексом будем заниматься только в темноте, – морщится вагина. – Как можно быть таким расчетливым и продуманным? А где спонтанность? Где кайф в моменте?»

«Благодаря моей расчетливости и продуманности вы все здесь выживаете и обеспечены деньгами и здоровьем на годы вперед!» – возмущается мозг

«Но не обеспечены сексуальными приключениями», – дуется вагина

«Нам надо Демида удивить» – кивают хором креативность и либидо.

«Но так, чтобы ему понравилось!» – требует сердце.

– Ы-ыыы! – только и могу сказать на эту невротическую болтовню я.

Просто, чтобы отвлечься, открываю ленту и бездумно скроллю ее, пока не натыкаюсь на довольно забавный мем.

И в голове – хотя может и не в голове – что-то щелкает...

Девушка с понятием и с формами такими, что не буду никогда я гулять с другими

«Весна заканчивается, а ты так и не съездила ни к кому в плаще на голое тело».

Нет, я не сумасшедшая, которая верит в каждый мем на своем пути.

Хотя ненормальной я себя чувствую... Потому что решение решением, а проверить все это дело в будний день, утром, в тот самый крохотный отрезок времени, что у меня есть до работы – тот еще квест.

Я встаю очень рано. Чтобы привести себя в порядок и уложить голову. Бужу Полинку, собираю ее, кормлю – все быстрее, быстрее, потому что «тороплюсь на встречу, побудешь до первого урока в классе», а потом выставляю за дверь с формулировкой «Маме надо ненадолго в ванную».

– Весна заканчивается, а ты еще не съездила с ребенком в школу голая, – ворчу, чертыхаюсь, снова снимаю с себя офисную одежду, в которой дочка меня привыкла видеть с утра, а я надела, чтобы не спалиться... Только чулки и лодочки на слишком высоких каблуках и остаются. Впихиваю все в пакет с собой.

Плащ – сверху. И пояс потуже натянуть в надежде, что не порадую соседей видом своей голой задницы. Или – чем черт не шутит – не огорчу.

Высаживаю не слишком довольную более ранним подъемом Полину у школы, и еду дальше.

По дороге, конечно, раз десять хочу развернуться. Может меня не пустят вообще. Дом у Демида приличный. Более чем. А если он не проснется? Или будет недоволен, что я приперлась? Мало ли какие планы.

Или... вдруг вообще не один? Если мой муж, будучи в браке, не брезговал, что уж там говорить про свободного по сути парня.

– А-ааа! – тихонько скулю от переизбытка эмоций, но все-таки паркуюсь и решительно направляюсь к крыльцу.

Все проходит гладко. Ну, до того момента, как я останавливаюсь возле его квартиры. И дверь подъезда «мне» открыли – парочка какая-то выходила, и консьерж не обратил внимания, и этаж я не перепутала...

Но все это настолько глупо, вся эта затея с «сюрпризом», что я готова развернуться и вернуться в машину.

«Не смей! – рывкает, как ни странно, мозг, «Столько трудозатрат ради того, чтобы просто постоять на коврике? Начала уже – доделывай»

И я нажимаю на кнопку звонка.

Демид никого не ждет. Меня так точно. И... похоже все-таки спал.

Это я понимаю по той резкости, с которой он открывает дверь. По обалдевшему выражению лица. И по тому, какой он лохматый, в наспех натянутых спортивных штанах, пышущий теплом, присущим людям, которые только что вылезли из постели...

На мгновение замираю в ступоре, как будто не сама это придумала. Просто потому, что дальше этого момента в своих фантазиях не доходила. Ну вот она я, в туфлях на шпильках и плаще на голое тело... И что? Но только на мгновение.

Дальше все происходит само собой. Ровно то, чего мне хочется – просто я об этом не знала. Что именно этого хочу.

Делаю шаг в его квартиру. У меня пропадает способность видеть что-либо кроме него. Туннельное зрение. Точнее, кроличья нора, в которую я проваливаюсь, как Алиса. Взъерошенные волосы, заспанное лицо. Глаза черные от расширенных зрачков. Обнаженный торс с кубиками. И дорожка волос, сужающаяся от груди...

Как указатель на волшебный пузырек «Выпей меня».

Во рту скапливается слюна, но шумно сглатывает именно он, когда я, не отводя взгляда, захопываю дверь позади себя. И развязываю пояс плаща.

Я знаю, что он видит.

Соски уже торчком от ситуации и трения о грубую ткань, живот напряжен, а бедра инстинктивно стиснуты, чтобы удержать возбуждение.

Демид теперь та-ак смотрит... Пальцы ног в узких туфлях поджимаются, кожа покрывается мурашками. Хочу попробовать его на вкус. Прямо сейчас. Тем более что палатка в его штанах не оставляет сомнений – он очень даже за.

Еще два шага... и опускаюсь перед ним на колени.

Наверное мурашки передаются воздушно-капельным путем. Его прочерченный пресс теперь тоже покрыт ими. Не удерживаюсь – прихватываю зубами натянутую кожу. Может даже больно. Но стонет Демид не от боли.

Не могу-у...

Вдыхаю глубоко его запах и тяну вниз резинку штанов.

Член буквально выпрыгивает на меня.

Это охрененно заводит, что тебя так хотят. Достаточно голой встать перед ним на колени. Ни танцев с бубнами, не бесконечных ласк. Есть только ты. Твое желание. И его намерение, достающее чуть ли не до живота.

Сердце колотится, пальцы левой руки вцепляются в его бедро, потому что иначе я растекусь лужей, а правой я обнажаю головку и прикрываю глаза на секунду от удовольствия – теперь эстетического. У Демиды очень красивый член. Производители вибраторов могли бы снять с него слепок.

«Я бы купила» – хнычет вагина.

Тш-ш...

Крупный, с яркой головкой, ровный и с несколькими выделяющимися набухшими венками, которые я точно обведу языком. Позже. Пока провожу рукой, наслаждаясь гладким бархатом, его сорванным дыханием и тем, как уже и так твердый стояк становится каменным.

Это заводит, как он пахнет. И показавшаяся капля смазки. И ее вкус... Быстро слизываю, чтобы мне досталась. Обхватываю головку губами. В голове мутнеет от ощущения пульсирующей гладкости во рту. И от того, как он замер, вытянулся струной. Обвожу языком по кругу, мыча от удовольствия и еще больше намокая.

Это заводит, что, всего лишь взяв в рот его член, я уже сама готова кончить.

Чуть отстраняюсь и впиваюсь ногтями в его ногу, когда он инстинктивно подается бедрами, не желая упускать свой кайф.

Все будет... но мне надо сполна прочувствовать.

Поэтому придется подождать.

Я повторяю языком рисунок вен, как и хотела. Вылизываю, глажу его рукой. Глажу напряженные яички, осторожно надавливая на особенную точку между ними. Тяну за короткую поросль, когда он снова пытается перехватить инициативу. Скольжу сомкнутыми

губами вверх-вниз по длине, имитируя тот ритм, который задам скоро... совсем скоро.

Он – мое удовольствие. Моя награда сегодня. Награда за эту сумасшедшую идею, которая оказалась такой... крутой.

Я глаза не закрываю. И когда встречаюсь с ним взглядом, понимаю – он тоже не закрыл. Не моргает кажется. И уже на грани.

Отпускаю его и себя.

Насаживаюсь ртом сразу максимально глубоко, как только могу с непривычки, нащупываю его руку и кладу себе на затылок.

Больше никаких разрешений не требуется.

Он вцепляется пальцами мне в волосы и начинает размашисто трахать мой рот. Без жалости к тому, что я задыхаюсь. Без остановки. Без всякого терпения и осторожности. Не так, как делал это прежде... Ничуть не нежно.

Пользуется тем, что я внезапно принесла.

Это ужас какой-то... Ужас, насколько мне нравится.

Я чувствую спазмы в горле, глаза намокают. Слышу животное хлюпанье, его надсадные хрипы... Демид резко выходит, дергая меня за волосы, смотрит на мой явно распухший и мокрый рот... А потом снова с размаху погружается и кончает в несколько движений.

Густая, терпкая струя ударяет в небо и горло. Я чуть не захлебываюсь, но глотаю все до конца...

Руки Демиды повисают безвольными плетями, он стоит, зажмурившись и откинув голову назад. Дышит шумно, хрипло, подрагивает. Кажется он совсем выпал из реальности.

Я осторожно поднимаюсь на ноги. Слизываю с горящих губ оставшиеся там капли, запахиваю плащ и завязываю пояс. И...

Просто сбегая, пока он не успел остановить. Что там бежать? Два шага назад и вот уже под изумленный возглас захопываю дверь и запрыгиваю в лифт, который все еще удачно стоит на нашем этаже.

Мы так быстро справились?

Я.

Внутри – миллион пузырьков шампанского, веселье. Дикость. Между ног неудовлетворенно пульсирует, но я настолько удовлетворена... морально, что ли, что не обращаю внимание. Кровь бурлит, изо рта то и дело вырываются смешки – мы же ни слова не сказали за все это время друг другу, разве что Демид успел выдать удивленное «Вероника?», когда дверь открыл.

Телефон вибрирует и тренькать не отвеченными звонками и сообщениями. Мельком вижу – Демид.

Я, продолжая хихикать, как идиотка, несусь в машину. Завожу двигатель. Мне ведь на работу надо торопиться... Хотя после такого утра работать не хочется от слова совсем!

«Как я теперь работать буду?!» – вопрошает очередное уведомление о сообщении на телефоне.

Я уже вливаюсь в утренний поток машин. Улыбка до ушей. И когда снова раздается звонок, все-таки беру трубку. Поделиться «ценной» информацией, что это ему, удовлетворенному, работать как раз нормально будет. А вот мне как?

Открываю рот...

– Нам надо поговорить.

Я чуть газ с тормозом не путаю.

Удивленно смотрю на экран.

Черт.

Бывший.

Как прорвался настолько «вовремя»?

Смутно вспоминаю, что он уже несколько раз писал и звонил, но мне не до того было.

– О чем? – искренне не понимаю. Никак не могу сосредоточиться: я вся в недавнем прошлом, еще доставляю удовольствие Демиду. И в ближайшем будущем, где мне надо как-то прошмыгнуть в туалет на первом этаже нашего бизнес-центра и одеться.

– О важном! – рявкает почему-то Петр, – Я не могу до тебя уже неделю добраться! Пришлось приехать к твоей работе. Ты скоро?

Моргаю несколько раз. Он у моей работы ждет?! Сейчас?!

«Бл...я» – выдают нецензурное сразу все органы.

Однажды знакомый спросил: «Ну ты как?». «Да вроде нормально, нормально, чувак»

Демид

Сказать, что я охренел от этого утра, это не сказать ничего.

Сказать, что Ника охрененная – это тоже ничего не сказать.

Она... блин, какой-то иной уровень. С самого начала все по другому с ней. И не то чтобы прежде было плохо. Просто с Вероникой всегда неожиданно.

Так, как я прежде не предполагал, что бывает.

Меня будили минетом.

И в гости заезжали «просто потрахаться».

Но все не так...

Кажется я в состоянии шока с момента, как открываю дверь, и она, голая, опускается передо мной на колени.

Хотя нет, шок, это когда ничего не чувствуешь и мало что замечаешь.

Я чувствую и вижу все, что связано с Вероникой. Мурашки, которыми покрыта округлая грудь. Запах ее возбуждения. Слышу горловые стоны. Чувствую влажный, сводящий с ума язычок и тонкие пальчики.

Вижу, как мерцают ее зрачки, как лихорадочно горит лицо румянцем, как тянется слюна, когда я отстраняюсь ненадолго, чтобы несколькими резкими движениями закончить ею начатое.

Все получается быстрой, острой, почти болезненной вспышкой.

Поясницу простреливает сумасшедшим удовольствием, меня потряхивает аж. В голове гул, ноги слабеют как после многочасовой тренировки.

Я помню, что надо выезжать скоро в клинику, но оставить внезапный приход без наказания... то есть без поощрения? Нет уж.

Только я, наверное, старею. Скорость реакции не та. Потому что пока прихожу в себя после оргазма, Вероника исчезает за дверью. Пока я натягиваю штаны, сую ноги в ботинки, ищу ключи – уезжает на лифте.

Чертыхаясь, возвращаюсь за телефоном и быстро набираю ее. Наорать, поблагодарить, отшлепать – все сразу. Просто поболтать, в конце концов. Потому что время уже остается лишь на принятие душа. Пора одеваться и ехать на работу.

Не берет трубку, коза такая.

И не отвечает на сообщения.

– Отомщу, – бормочу, заводя машину. А у самого – улыбка до ушей, – Точнее, восполню пробел. Без оргазма от меня не уйдешь больше.

Прикидываю, когда буду свободен. И чтобы не на десять минут. График последнее время сумасшедший. Весной не только природа расцветает, но и желание у женщин что-нибудь переделать. И несчастных случаев тоже больше. Времени ни на что не хватает.

Судя по произошедшему сегодня и скорости оргазма – секса тоже не хватает.

Судя по тому, как я реагирую на Нику – особенно не хватает именно этой блондиночки.

Готов поднапрячься, чтобы как-то совместить наши графики. Даже готов под это дело выгулять хоть десять детей, если ей помощь понадобится, чтобы тоже время освободить.

Эти мысли удивляют даже меня самого.

– Ты выглядишь неприлично довольным жизнью, – бурчит приятель, находя меня в кабинете перед началом приема. Я только зашел – и у меня пятнадцать минут на то, чтобы настроиться на работу.

– А ты – потрепанным, – смеюсь. И тут же серьезнее, – Федь? Нормально все?

– Да нормально, – бурчит и трет своими ручищами лицо, – С женой поцапался только. Она какая-то неадекватная последнее время. Я уже даже крамольную мысль думаю – что зря мы поженились. Пока просто жили вместе, все было отлично.

– Не хочется выдавать банальностей, но...

– Вот и не выдавай! – рыком, – Может это просто ретроградный Меркурий.

– С каких это пор астрология стала алиби для истерик? – задираю бровь.

– Ой, все, – передергивается, – Я вообще за кофе пришел. У тебя вкусней, чем на ресепшн. Ты в капсулы может чего добавляешь? Бодрит как ничто другое.

– Стволовые клетки, – отвечаю с совершенно серьезным лицом.

– Идиот, – комментирует Федя. Ему можно. Знаю, что оценил шутку. Берет кружку и шумно втягивает запах, – Не, там точно феромоны какие-то.

– Ты сейчас на меня накинешься?

– Угу и поцелую. Потому что высказался тебе и стало легче вроде.

– Всегда пожалуйста.

– Ладно, пошел к пациенту.

Он уходит, а я тоже кофе себе наливаю. Дома не успел выпить – но это обычная история. Потому капсульные машинки и завожу в своих кабинетах.

Наливаю и пишу очередное сообщение Нике, пока ассистентка раскладывает карты для сегодняшнего приема.

Пишу о том, что я собираюсь с ней сделать... хорошего.

И сыто улыбаюсь, когда она – наконец-то! – откликается с не меньшим откровением.

М-мм, порочная Ника... Удачно я все-таки тогда зашел в гостиничный номер.

Тебе повезло, ты не такой как все. Ты работаешь в офисе

Не могу поверить, что бывший звонит в такой момент.

– Я не на работу еду сейчас, – не хочу грубить, но звучит грубовато. Только варианты? У меня между ног до сих пор влажно, я опаздываю почти, потому что встречаю в жуткую пробку, и настроение точно уж не с Петей разговоры разговаривать.

– А мне в офисе сказали, что на работу, – сообщает ядовито.

– Ты что, поднимался? – удивляюсь такой настойчивости. На время смотрю – девять. – И застал там кого-то?

– Ваш администратор приходит вовремя. И очень тебя ждет, судя по стопке документов.

– Так может не будешь отвлекать меня от дел? Встретимся в более свободное время.

– Жду, – отрезает бывший муж и отключается.

Я с тоской смотрю на телефон и на неотвеченные сообщения Демида.

Настроение и либидо точно упало до нуля.

И чего Петр такой настойчивый? О чем разговаривать?

Мы нормально общаемся... в целом. Но исключительно о дочери. Там, правда, страсти порой нешуточные кипят – когда взгляд на воспитание Полинки расходится. Да и бесит он меня некоторыми чертами характера.

Во время брака я уговаривала себя не беситься и не реагировать, во имя союза, так сказать. Но как развелись – позволяю себе открыто выражать эмоции.

Вот это его упрямство твердолобое бесит, например.

Вздыхаю.

«Жди в кофейне на углу, – смиряюсь с неизбежным, – Я заскочу ненадолго в офис предупредить своих и выбегу на чашку кофе».

В офис я, конечно, не захожу. Отзваниваюсь только. Но в бизнес-центр ныряю, краснея и одергивая плащ. Быстро одеваюсь и только потом возвращаюсь на улицу, запоздало понимая, что одежду взяла – а обувь забыла. И эта шпилька в общем-то не для беготни по лестницам и тротуарам.

– Двойной по крепости капучино, – прошу бариста и присаживаюсь напротив бывшего мужа.

Стараюсь не ерзать под его пристальным взглядом и подавляю желание проверить в зеркальце, не осталось ли у меня чего на губах.

– Хорошо выглядишь, – роняет Петя мрачный комплимент.

– Спасибо, – киваю, – Петя, ты пойми правильно, разговоры – это важно, все-таки мы родители одной и той же замечательной девочки, но давай побыстрее. Все сегодня с ног на голову.

– Ты игнорировала мои сообщения и звонки на неделе, – заявляет невпопад, – Все еще стремишься наказать меня?

Я смотрю на него с неприкрытым изумлением. Охренеть. Он что полагает моя жизнь продолжает крутиться вокруг него?

Может быть когда я узнала о его изменах и столкнулась со всеми последствиями как оказалось не самого приятного характера – как говорится, хочешь узнать правду о мужике, попробуй с ним развестись – у меня перед глазами и разворачивались кровавые картинки.

Но я это давно уже переработала и пошла дальше.

Да, доверять мужикам стала чуть меньше.

Да, свою порцию тотальной неуверенности в себе получила.

Да, к психологу обращалась.

Но сейчас точно не испытываю бури эмоций из прошлого.

– Петя, – говорю максимально ровно, – Ты конечно попил моей крови. И воспоминания об окончании нашего брака не самые приятные. Но больше двух лет прошло. Поверь, если бы мне хотелось «наказать» я бы давно уже это сделала. Ты меня раздражаешь, особенно когда обещаешь Полинке чего и не выполняешь, или когда звонишь с непонятными требованиями, вот как сейчас, будто у тебя есть право требовать... но поверь, ты – пройденный этап.

– А я тебя считаю не пройденным, – вдруг подается вперед, – Мне кажется мы могли бы попробовать снова...

Кофе, который я успела глотнуть, едва не вырывается у меня некрасивым фонтаном, так я поперхиваюсь.

Хотя может быть и надо было... облила бы его нежно-голубой свитер и все закончилось. Петр всегда был педантом и чистюлей. Даже слишком.

– Тебе что, давать перестали? – спрашиваю изумленно и довольно громко, потому что за соседним столиком оборачиваются.

– Тихо ты, – шипит бывший, – Ну что ты ляпаешь вечно всякое...

«А некоторым нравится», – показывает язык либидо.

«Может уже пойдём?» – скучающе изучает маникюр сердце.

«Мне тоже неинтересно, – добавляет мозг, – Ничего вменяемого он не скажет»

«Не, погодите-погодите... Тут что-то новенькое проглядывает. Давайте послушаем», – вылезит любопытство.

– Можешь не слушать, – фыркаю, – Но и сам глупостей не говори.

– С чего это глупости? – задирает бровь Петр, – Я и правда думаю, что надо попробовать снова.

– Петя! – рявкаю, – Да с фиги мне это нужно?! Я все уже с тобой прошла, даже белое платье, кольцо и ребенка. У меня никакого желания снова этим заниматься!

– У тебя кто-то появился? – хмурится.

«Появился, появился», – поет вагина.

«И он такой... мрррр», – мурчит либидо.

«Даже если бы не появился – ничего бы не изменилось», – передергивается мозг.

– А что, я могу отказать тебе, только потому что у меня кто-то появился? – закатываю глаза, – Ты вообще меня не слышишь! Впрочем, как и обычно. Мне. Не нужны отношения. С тобой. Потому что я не хочу отношений с тобой. Точка здесь.

– Злишься – значит у тебя остались чувства...

Он непробиваем.

И я реально не понимаю, к чему эти разговоры. Воспылал внезапно страстью ко мне снова? Ну блин такое...

Качаю головой и отодвигаю от себя кофе.

– У тебя странные фантазии, – сообщаю ему, вставая, – Нет, я не хочу ничего пробовать. И мне пора на работу, и так опоздала.

«Потому что делала приятно другому мужику. Нормальному», – показывает язык либидо.

Я спешно возвращаюсь в офис и погружаюсь в дела.

Только ближе к вечеру выныриваю из своего бумажного окопа и решаю обсудить с девчонками произошедшее:

«Наконец-то оценил тебя по достоинству и понял, кого потерял!» – радуется за чем-то Оля.

«Весной у всех обострение психозов» – размышляет Марина.

«Слушай, а может Полинка что-то сказала про Демида? Вот он и всполошился» – задумывается Натали.

«Что она могла сказать? Что в парке встретили маминого знакомого?»

«Иногда этого достаточно, чтобы всколыхнуть фантазию. Надеюсь ты не повелась»

«Нет конечно».

«Хорошо, что Демид появился. Не даст наделать глупостей», – это Марина.

«Потому и Петр «обострился». Бывшие новых инстинктивно чувствуют», – это Наташа.

«Как там Демид, кстати?» – это Оля.

Краснею.

Как и каждый раз, когда вспоминаю сегодняшнее утро.

«Нормально Демид, – печатаю без подробностей. Не уверена, что буду вообще ими делиться, – Переписываемся»

Причем сегодня тон переписки такой... можно и дальше краснеть. Да и обещания, звучащие сквозь строки – и напрямую – говорят мне, что я все правильно сделала, проявив инициативу.

Демид буквально требует встречи. И обещает столько всего на этой встрече...

Так что несмотря на все сложности и суету этого дня, из офиса я выбегаю окрыленная и с улыбкой. И застываю на крыльце.

Сюрприз...

И тебе все трудней с каждым днем, это факт. Но ты опять продлеваешь с собою контракт

Я из тех женщин, что регулярно получает цветы.

То есть ежегодно.

На день рождения.

Другие варианты по пальцам можно пересчитать. Конфетно – букетные периоды в начале отношений. Еще дни рождения Полинки – первое время Петр не скупился...

В общем избалованностью я не отличалась. Научилась себе дарить цветы еще до того, как это стало мэйнстримом.

А сегодня просто шок-контент для моих несуществующих соцсетей.

Два... два блин букета. В паре метров друг от друга. С двумя их носителями.

И слегка растерянная дочь между ними.

Я выхожу из офис центра и чуть не падаю на своих каблучищах.

Изумленно верчу головой: с Демида на Петра, с Петра на Демида, потом замечаю Полину и ругаюсь беззвучно. Осознаю, что именно произошло.

Бывший пошел ва-банк. Не в том смысле, что притащил огромный пошлый веник кроваво-красных роз, ни черта меня не услышав утром. А в том, что забрал без предупреждения Полину с продленки и приволок ее сюда. Знает, при ней ругаться и посылать его не буду.

Демид же... видимо после наших жарких переписок и не менее жаркого утреннего сюрприза тоже решил меня чем-нибудь порадовать.

«Просто порадовать... просто так, – поет восторженно сердце, – Знал ведь, что мы сегодня заняты вечером – и пришел с цветами ради небольшой встречи»

«Это о-очень возбуждает», – выдыхает вагина.

«Тебе палец покажи – возбудишься». – бурчит мозг.

«Если это будет палец Демида – таки да», – не обижается вагина.

«Просто мы стали значительней и живее после знакомства с ним», – довольно мурлычет либидо.

«Да хватит об этом! – рывкает мозг, – Как из неожиданной ситуации выкручиваться будем?»

«И так, чтобы Полинку рикошетом не зацепило», – переживает материнское чувство.

Демид точно узнал Полину. А дочка, как девочка вежливая, наверняка поздоровалась с ним. И вряд ли мужская часть этой сцены – слепые идиоты, которые не додумали недостающие моменты.

Петр мечет молнии в сторону Демида.

Тот же... я бы не сказала, что выглядит сильно счастливым. Но не уходит вроде бы...

Бл...ь

Ну это же надо так вляпаться!

– Всем привет, – стараюсь держать лицо и говорить максимально светским тоном. Полина, кстати, сразу ко мне приникает, чувствует сгустившуюся атмосферу. Я одной рукой ее обнимаю и улыбаюсь исключительно Демиду, – Рада тебя видеть. Чудесные пионы.

Только потом поворачиваюсь к бывшему:

– Петь, какая неожиданность... что ты решил сегодня мне помочь и привезти дочь к

офису. На свидание идешь? – киваю на букет в его руках.

Шансов, конечно, мало. Ну, что он решит сохранить лицо, потому что я явно расставила приоритеты. Правильно или нет – не знаю. Но я никому не позволю собой манипулировать. И использовать для этого Полину – особенно.

– Этот букет для тебя, – рывкает с претензией. И высокомерно смотрит на Демида, – Я хотел провести время семьей.

Демид щурится недобро.

А у меня внутри все скручивает.

Как не вовремя...

Будь у нас с роскошным блондином какие-то устоявшиеся отношения, еще ничего... Хотя тоже ничего хорошего. А так, когда между нами толком не скрепилось, Петр с этими цветами и попытками уязвить – слишком преждевременно. Да еще Полина, наострившая свои любопытные ушки...

Я ведь все делаю, чтобы она не пострадала сильно из-за развода. Не говорю о ее отце плохо – хоть иногда хочется. Продолжаю в том же количестве общаться с бывшими свекром и свекровью. Если Петр косячит по отношению к ней – покрываю даже. Мне важно сохранить мир в душе моей девочки, чтобы она не чувствовала себя покинутой или несчастной. И это мне удавалось.

Дать понять, что как муж и жена мы с ее отцом больше не существуем, но родителями быть не перестаем.

И получалось ведь!

– Мы не семья, – говорю тихо. А смотрю на Петра со значением, – Не в том смысле, который ты пытаешься вложить. И цветы не слишком уместны, ты прекрасно об этом знаешь.

– Я что, не могу подарить букет матери своего ребенка? – явно начинает беситься.

– Можешь, – пожимаю плечами, – Но без ненужных ожиданий.

– Мне хотелось сделать Полине приятно, – сжимает челюсти, – Провести время как раньше, сходить в наше любимое кафе с батутами, летние каникулы обговорить. Кто же знал, что для тебя есть что-то более важное, чем наша дочь.

– Петр!

– Мам, – поднимает мордашку дочь. Она выглядит расстроенной этим диалогом. Не удивительно. Полинка не до конца понимает происходящее, но оно точно ей не нравится, – Пошли домой, а? Я устала.

– Полин, ты же хотела свою любимую пасту... – теряется Петр. Может хоть так до него дойдет, что он не прав? И его действия задевают прежде всего малышку.

– Уже не хочу, – смотрит в землю.

– Но...

– Демид, – я снова поворачиваюсь к мужчине, который за это время не проронил ни слова, – Прости. Мы с дочкой домой поедem. Я тебе наберу, хорошо?

Мне не хочется, чтобы слова звучали просяще, но они именно так и звучат. Взглядом я извиняюсь за все, вот только... Рано или поздно столкновение с реальностью произошло бы. У меня есть прошлое и есть настоящее, с которым придется примириться. А если он не хочет этих сложностей... что ж, история просто закончится раньше, чем могла бы.

– Это тебе, – по его лицу ничего нельзя прочесть, а букет он всовывает в мою свободную руку. – Рад был встретиться снова, Полина.

Улыбается ей и уходит.

– До свидания, дядя-маньяк, – вздыхает куда-то мне в грудь дочка.

– Какой такой маньяк? – бычится Петр.

– Тебя это не касается, – рублю я.

– Я должен знать, с кем ты проводишь время, если это и время моей дочери! – психует.

Я крепче обнимаю сжавшуюся от вопля Полину и шиплю в его сторону:

– Вот сейчас ты просто сядешь в свою машину и поедешь. По своим делам. Мы с тобой еще поговорим, не волнуйся. Всё-всё обсудим. Позже. Пока ты не испортил вечер своей дочери, о который ты так печешься, еще больше.

– Мам, поехали, – уже настойчиво тянет Полина.

И мы уходим.

Я сжимаю одной рукой руку дочки, второй – нежнейший букет. И вроде бы стараюсь держаться... Но глаза, когда сажусь в машину, мокрые.

Долой мечты. Долой мечты. Затянем посильней болты

Демид

Конечно, я понимал, что Вероника родила дочь не от святого духа. Наличие в ее жизни мужика было доказано фактом наличия Полины. Мужа, точнее. Бывшего.

В теории все выглядело просто.

Но я даже не предполагал, что этот бывший, во-первых, конкретный мудака. С которым мы так скоро встретимся. Во-вторых, он явно не против возобновить то, что у них было – может давно старается, может даже местами успешно. Чужая жизнь – потемки.

А в-третьих, что он окажется одним из самых красивых мужиков, которых я видел.

Я не восхищаюсь, как пластический хирург говорю. Который все знает про пропорции, привлекательность и внешность, пользуясь успехом.

Он даже выше меня. Фигура – все при нем. И лицо фотомодели, но ничуть не женственное. Сомневаюсь, что хоть одна девица рядом с ним не думала об этом субъекте как о возможном объекте надругательства. Я надеюсь, что глубокий зеленый цвет глаз – это линзы. Пусть слабое, но утешение.

Чувствую себя идиотом. Хотел сделать Веронике сюрприз, ненадолго увидеться, а получается, сам словил нереальный нежданчик. И не понять, что со всем этим дальше.

Бывший муж в теории не равно всей этой ситуации и необходимости как-то контактировать. В случае с Петром – кулаками контактировать. За взгляды, которые он на меня бросает. За то, что ребенка втянул в эту историю. Да и вообще... просто за то, что он мне не нравится.

Впихиваю Веронике пионы, прощаюсь с Полинкой и сваливаю, чтобы не накалять и дальше. Ребенка жалко, Нику жалко, еще немного жалко испорченного настроения.

Мне бы сейчас сидеть где в ресторане в приятной компании с приятным же продолжением, а не это вот все...

– Федь, вышел уже с работы?

Сам-то я сбежал, чуть только ушел последний пациент. Даже бумаги не стал заполнять – торопился.

– Вышел, – гудит устало.

– Домой?

– Не охота пока... Опять ведь ругаться с Ленкой будем. Вот думаю может пошляться где, а придти, когда спать уже будет... Хотя с нее станется и во сне меня обматерить. Знаешь, что она написала сегодня?

– Ты же без машины? – перебиваю, – Давай в бар недалеко от моего дома. Я тебе адрес пришлю. Машину поставлю и приду. Там и расскажешь, что написала. Будет чем запить твои огорчения.

И мои.

Но Федьке можно жаловаться – все-таки жена. Да и не часто это у него, я может первый раз и слышу, что проблемы какие. Лена и правда производила впечатление адекватной, я

даже в гостях у него бывал. А мне на что пожаловаться?

На то, что хотел поблагодарить девушку за самый охренительный минет в моей жизни, а столкнулся с ее бывшим и проблемами? Которые в общем-то не мне решать?

В «Таун» я захожу позже приятеля, тот уже второй бокал заказывает и с удовольствием хрустит гигантскими луковыми кольцами и бататом.

– Целоваться сегодня не собираюсь, – комментирует свой выбор с полным ртом, – Разве что с тобой, милый.

Придурок.

Но с ним как-то веселей.

Хоть он и не умеет говорить свои дебилские шутки тихо и теперь с соседнего столика на нас посматривает компания девиц. Наверное пытается разгадать, действительно ли мы парочка.

– Мне того же, – прошу официанта, – И «негрони».

Молчим какое-то время.

– Пожрал и полегче стало, – откидывается довольный Федя.

– Судя по твоей фигуре, у тебя жизнь всегда была тяжелая, – хмыкаю.

– Не всем быть дрыщами.

– Я не дрыщ!

– Красавчик, знаю. А я не толстый, а крупный. И если живот появится, быстро в бассейне избавлюсь. Ну рассказывай, чего позвонил дяде Феде? Проблемы?

– Ты старше меня всего на год, с чего бы дядя?

– Не увиливай. Чтобы вот так напрашиваться на встречу – такого за тобой не водилось.

Ты либо с бабами, либо с бабами из которых делаешь красивых баб. Компании не ищешь.

– Я может ради тебя... – отбрыкиваюсь вяло.

Но Федя только закатывает глаза.

– Ладно, есть кое-какие сложности...

– Во-от, – лыбится довольно, – И наверняка с той хорошенькой блондиночкой из кладовки.

– Как ты понял? – я и правда удивлен.

– Абы с кем ты не стал прятаться во время рабочего мероприятия, – загибает палец, –

Хоть репутация у тебя ого-го, но я-то знаю. И сложности могут быть только с теми, кто не абы кто. И цепляют только такие сложности – так цепляют, что закусить хочется... Расскажешь?

– Расскажу, – машу рукой, – Только обещай не подкалывать.

– Я – кремень.

Это вряд ли. Но и хрен с ним.

Всё равно пришлось идти. Если начал так кути!

Петра – убить. Расчленив и закопать.

Так, не подходит... Надо хитро действовать. Чтобы удавился сам.

Тоже не очень...

Ведь Полинка обожает отца, несмотря на все косяки... даже на сегодняшний. Впрочем, будем честными, такого как сегодня у нас еще не было. Все бывает в первый раз.

Но ради дочери я должна оставить его в живых. Вот только границы расставить поостороже...

Укладываю умиротворенную Полинку, с которой мы обнимались весь вечер, пекли печенки и рисовали наряды ее бумажным куклам. И себя укладываю, в ванну, с бокалом красного сухого.

Подумать.

С Петром мы познакомились в университете. Даже среди красивых-наглых-спортивных многочисленных парней юридического факультета он выделялся. Тем, что был самым красивым-наглым-спортивным. Высоченный мачо с глубоким голосом, с лету запоминавший все юридические премудрости. Преподаватели его обожали, парни стремились подружиться, девчонки похрюкивали, краснели и повизгивали, когда он мимо проходил.

Я же училась.

Нет, я не то чтобы только училась. Ботаном себя не считала. Обращала внимание на происходящее вокруг. И даже парень у меня был. Но я едва-едва набрала баллы, чтобы поступить, и память у меня самая среднестатистическая, как и способности. Потому, чтобы не заваливать экзамены и действительно получать знания, прикладывала немало усилий. И времени. Еще и подрабатывать пошла на третьем курсе...

Так что Петр, его улыбки, многочисленные победы, драки между пассиями, за которыми следили все, он как бы оставался фоном. Не слишком мной замечаемым.

А потом в какой-то момент он заметил меня.

Я хорошо помню тот вечер.

Застряла в библиотеке и уходила из основного здания уже совсем поздно. В коридорах ни души, на улице темень, а в животе урчит так, что эхом от стен отражается. Почти вышла у на крыльцо, но дорогу мне преграждают, а смутно знакомый голос говорит тихонько:

– Слушай, помоги мне, а? Давай вместе выйдем, типа увлеченно болтая. Там Милка притаилась за колонной, хочет то ли отдаться мне, то ли избить – нервная, короче, на почве внезапной влюбленности. Но при свидетелях не решится. А мне сегодня ой как не хочется вступать в разборки... Сама понимаешь, у нас с ней тяжелый случай...

– Э-э... Милка? Тяжелый случай? А ты, кажется... Петр? – я задираю голову. И смотрю с недоумением на однокурсника, – Ты вообще о чем сейчас?

– Коробейникова, что значит "кажется Петр"?! – непритворно возмущается, – Три года с тобой учимся! А про историю с Миленой только ленивый не знает!

– Ленивый как раз может и знает, – фыркаю, – А я, как ты верно заметил, "учусь". И мне все эти ваши драмы не интересны. Уйди с дороги, я устала и есть хочу.

– Я слышу, – отвечает он неожиданно весело, потому что в животе в этот момент урчит особенно большая зверюга, – От тебя ничего не надо – просто выйдем вместе. И сядем в мою машину. И я отвезу тебя в пиццерию неподалеку, покормлю в благодарность...

Я прикидываю, что пиццерия ближе, чем дом, и соглашаюсь.

Наверное с этого и началась наша история, в которую я долго не верила. Долго и упорно, воспринимая Петра исключительно как однокурсника, который с чего-то решил со мной общаться. Занималась своими делами и жизнью. И, скорее всего, именно этим выгодно отличалась от всех девиц вокруг него.

Так что пока я долго и упорно не верила, он влюблялся. А потом оказалось, что и я влюблена. И понеслось.

Теперь уже в нас не верили все вокруг. Ну как же, у Петра кто только не побывал в постели... А нам, неожиданно, оказалось хорошо вместе. Обоим нравилась юриспунденция, аттракционы и итальянская кухня. Мы совпали во вкусах, в постели и во многих взглядах на жизнь. И для меня было более чем закономерно, что на пятом курсе мы поженились, потом родилась Полинка, и пока Петя строил свою карьеру в адвокатской конторе, я сидела в декрете.

В какой момент что-то пошло не так?

Наверное это я тоже помню.

Но не хочу вспоминать.

Не сегодня.

Важнее, что мне делать с возжелавшим воссоединения бывшим? Пожалуй, стоит для начала поговорить. В спокойной обстановке. Без спешки и другого самца рядом, из-за чего у Петра автоматически включается желание завоевывать.

Напомнить ему, так сказать, из-за чего и как мы расстались.

А что делать с Демидом?

Если что-то придется делать... Судя по тому, что он технично ушел, и не ответил на мое сообщение. Прочитал и не ответил.

"Надо попытаться еще раз встретиться. Тоже в нормальной обстановке без спешки", – мрачно заявляет либидо.

"Иначе я захлебнусь от тоски", – ставит ультиматум вагина.

"Ты и так уже под водой, дура, но пока дышишь, – бурчит мозг, – Я считаю, если Демиду достаточно такого легкого инцидента, чтобы слиться – он нам нафиг не нужен. Нечего и пытаться"

"Как это не нужен?! – хватается за само себя сердце, – Я почти влюбилось!"

"Это просто секс", – возражает мозг.

"Это охренительный секс", – уточняет вагина.

"Это жизненно необходимый для меня секс", – добавляет либидо.

"Это не просто секс!" – возмущенно вопит сердце.

А я делаю еще глоток вина, откидываю голову и закрываю глаза.

Черт с ним со всем. Утро вечера мудренее.

Что вкусно, то не вредно, а вредно грустным быть

Настроение на утро препаршивое.

Во-первых, я не выпалась. Полночи проворочалась, воспроизводя в голове то сцену с цветами, то наше прошлое с Петром.

Во-вторых, оно в принципе не может быть хорошим, когда с Демидом все так неоднозначно. Вот вроде только взяла ситуацию за возможное счастье в руки: инициатива, сумасшедшинка в голове, эйфория – как и должно быть в отношениях, но все сложнее поддержать, когда ты взрослый и с препятствиями. И это вдруг обломилось.

Бурчу, недовольно глядя на себя в зеркало. Бурчу, готовя завтрак и впихивая в себя и в заразившуюся бурчанием Полинку.

Бурчу на пробки и на то, что не сразу нашла парковочное место.

Бу-бу-бу.

– Вероника, а ты не могла бы еще и... – начинает наш администратор, только я вхожу в холл.

– Нет! – рявкаю, – Дай мне свои обязанности нормально исполнить, а не чужие вещай!

– Да это же... – теряется и отступает.

Я моментально чувствую стыд и вину.

Ну вот чего рявкаю? Она-то причем?

– Прости, – тру лоб, – навалилось что-то.

– И бывший муж впридачу? – комментирует сочувственно.

Смотрю вопросительно в ответ на такую осведомленность.

– Заходил же вчера, – поясняет.

Точно. Вчера. Это только вчера было? Как неделя прошла.

– Бывший муж в основном и навалился, – вздыхаю. – Давай, что там у тебя?

Мы просматриваем бумаги – кстати вполне из моей области – а потом я иду в кабинет, который делю еще с двумя коллегами.

И погружаюсь в таинственный мир договоров и отчетов...

Тьфу их.

– Ника, ты идешь?

– Куда? – отрываюсь от бумажек.

– Обед же!

– Я не голодна, – качаю головой. И правда ведь не хочу есть. Обычная моя реакция на всякий стресс. Во время развода вообще была кожа да кости, на семь килограмм похудела. Как сказала на это Наташка: «Стерва».

«И ведьма», – добавила добренькая Оля.

– Тогда мы пошли.

Киваю и снова всматриваюсь в ровные строчки, черкаю ошибки, выделяю непонятные места.

– Чтоб тебя!

От особенно резкого движения текстовыделитель вылетает из рук и падает под соседний стол. Под системный блок, кажется. Приходится встать на карачки. Рукой шарю, наклоняюсь, пытаюсь заглянуть в щелку, где притаилась эта изворотливая тварь...

– Вероника?

Я едва не врезаюсь лбом в край стола, резко дергаясь от звука своего имени. И поворачиваюсь к Демиду – а это именно он – осознавая, как выгляжу. С оттопыренным задом, на полу. На мне простое офисное платье, старенькое и удобное, но ничуть меня не красящее. Балетки. Пучок, а не прическа – и, кажется, несколько прядок выбились и прилипли к вискам. Естественно не накрасилась, еще и в пыли сейчас наверное...

Хотя он в разном виде меня видел.

И вообще... я его не приглашала, сам пришел! А я могу выглядеть, как хочу! Не нравится – пусть валит! Я воинственно встаю на ноги и поджимаю губы.

«А чего это у нас с настроением? – хмыкает мозг, – ПМС что ли?»

«Да вроде при ПМС мне не хочется так наброситься на объект вожделения», – сомневается либидо.

«Это мне хочется наброситься. И не с той целью, что ты подумала», – рывкает раздраженное смущение.

«Откуда ты вообще взялось? – удивляется трепещущее сердечко, – И чего это выступаешь? Демид разве перед нами в чем провинился?»

«Он не ответил на сообщение! Пропал! Мы ему больше не нравимся!» – хором сообщают неуверенность и смущение.

«Но он же здесь», – лениво подмигивает либидо.

«Может по работе?» – размышляет мозг.

«А я буду верить, что ради меня», – улыбается вагина.

«Тоже мне достижение» – фыркает мозг.

– Вероника? – теперь голос Демиды звучит с беспокойством.

– Что? – бурчу.

– Да ничего... ты просто уже полминуты стоишь и смотришь на меня. Молча.

«Это для тебя молча, а у меня тут миллион разговоров уже произошло!» – рывкает обида.

Ы-ыы...

– Я просто удивлена твоему приходу, – нервничаю от переизбытка эмоций и начинаю шарить на столе, перекладывая бумажки. Лишь бы перестать смотреть на него не мигая, как идиотка. Мои внутренние диалоги реально когда-нибудь доведут меня до доктора. Не этого, – Что-то нужно по договорам?

– Нет, – отвечает спокойно. – Я к тебе пришел.

Теряюсь окончательно.

Снова к нему поворачиваюсь, убираю мешающую прядь и глупо хлопаю глазами.

– Ко мне? – голос звучит тоненько. – А... почему?

– Ну ты же можешь появляться у меня внезапно, – улыбается насмешливо, – Почему бы и мне так не поступить?

– Ты вчера уже, – вздыхаю.

– Вчера получилось неудачно.

– Прости еще раз.

– Ты-то причем? – морщится досадливо.

– Но я думала, что «причем», – бормочу, снова утыкаясь взглядом в стол. А потом выдыхаю честно, – Раз не ответил на мои сообщения.

– Я просто решил ответить не по телефону.

Он делает несколько шагов и практически зажимает меня между столом и своим телом. Окутывая своим теплом и запахом, от которого начинает что-то дрожать внутри.

–Что ответить? – смотрю на него как замороженная. Что я там писала-то?

Я ничего не помню.

Мо-озг!

«Мозга нет – мы вместо него», – хихикают довольно две подружки, вагина и либидо.

– Что-нибудь. Я уже ни черта не помню, что ты написала, – хмыкает хрипло Демид и накрывает мои губы поцелуем, дергая одновременно заколку с головы и зарываясь в волосы пальцами.

Как же вкусно он целует...

Вот лекарство против стресса – стопудовая принцесса

Демид

Напиться мы с Федькой не напились, но с утра я не могу поднять себя с кровати. Хотел в спортзал сходить, а вместо этого валяюсь на диване с каким-то сериалом.

Ничего, надо себе давать передышку от полезных действий.

Тем более, что дальше мне предстоит целый марафон: ночная смена, два операционных дня подряд и прочие прелести хирургической жизни. А на выходные на очередное обучение ехать, хорошо хоть в пределах области...

Еще и Вероника.

Да, именно так. Еще и.

Не хочу от нее отказываться. Не хочу и не буду.

Рано говорить о серьезности наших отношений – ну и пусть несерьезно. Мне нравится. Меня увлекает. Могу преодолеть ради этого всякие препятствия. И всегда могу остановиться, если пойдет вообще не так как хочется.

Я помню, где она работает, и принимаю решение заглянуть к ней днем, поговорить может. Тем более, что эта консалтинговая компания имеет отношение к клинике и всегда можно сделать вид, что приехал по делам... И усмехаюсь про себе. Перед кем этот вид делать?

Не плевать ли окружающим, что я здесь делаю? А мне?

Мне плевать.

Захожу в офис и не застаю никого. Запоздало вспоминаю, что у местных работников и понятие обеда офисное. То есть звончек прозвенел – все встали и вышли.

А нет, не вышли. Не все. И некоторые даже не встали с пола кабинета.

Я со смесью удовольствия и удивления рассматриваю Вероникин зад, обтянутый мягким трикотажем, пока она пыхтит и пытается достать что-то под столом, но потом решаю обозначить себя.

– Вероника?

Едва не бьется своей блондинистой головушкой.

Поворачивается. А потом вскакивает и смотрит сердито. Мне кажется даже пыхтит сердито, как ежик. И волосы топорщатся.

Смешная капец.

И меня опять это заводит.

Секс и юмор двигатель не только рекламы, пожалуй, но и моих действий.

Только вот теперь я не разговаривать хочу, а обниматься.

– Вероника? – напоминаю о себе.

Вздрагивает.

– Что? – бурчит.

– Да ничего... ты просто уже полминуты стоишь и смотришь на меня. Молча.

– Я просто удивлена твоему приходу.

Угу-угу. И поэтому так дергаешься?

Милота.

Мы перебрасываемся довольно бессмысленными фразами, пока она раскладывает какие-то бумаги, а меня все больше распирает от веселья и желания подойти к ней.

А чего это я отказываю себе?

Никого кроме нас в кабинете нет.

Пах простреливает теплом, когда прижимаюсь к ней. Вчерашний минет ни черта не удовлетворил моей потребности трахать Нику долго, глубоко, качественно. Во всех позах. Желательно – на разных поверхностях.

Гладить ее восхитительное тело. Снаружи... и немного внутри.

Зарываться в ее светлые локоны пальцами...

Бормочу очередную глупость и дергаю заколку. Мешает. Целую. Языком проникнуть в ее горячий ротик. Застонать в горло, почувствовать ответную вибрацию, погрузиться, чтобы выпить ее вкус, выманить ее язык, укусить пухлые губы, натянуть шелковые пряди, перехватить одной рукой затылок, а другой нырнуть под платье, сжать восхитительную задницу...

Столько дел, столько дел...

– Я пиздец как хочу тебя, – шепчу хрипло и снова всасываю Никины губы. Сильнее прижимаюсь бедрами, давая еще и физически понять, насколько хочу. – Готов взять хоть у стенки, хоть на этом принтере...

– Нельзя же, – хнычет, но от меня не отрывается. Не открывая глаз, слепо шарит по моей спине, потом внезапно ладонью бьет по заднице и тут же стискивает ее, так что у меня член чуть не разрывает ткань. Будь у него челюсти – выгрыз бы дырку, – Мы в общественном месте...

– Вот и остановись, а то еще минута, и мне станет наплевать. Буду твоим коллегам проводить наглядный мастер-класс по офисному сексу, – еще сильнее тяну за волосы, чтобы шею открыла и я смог облизать пульсирующую жилку.

– Сам останавливайся! – шипит сердито и одной ногой обхватывает мое бедро. Трется, зараза такая, так что я чуть не кончаю, – Сам начал – сам закончил.

– Я сейчас и правда кончу, – соглашаюсь. И стискиваю грудь сквозь тонкую ткань.

– М-мм, как меня это заводит...

Стук соседней двери и чей-то громкий голос отрезвляет и заставляет разлепиться. А потом еще и отшатнуться друг от друга, когда мы слышим шаги ближе. Ника быстрее молнии юркает за стол. Щеки горят, волосы растрепанны, губы алые. И такой блеск в глазах...

Демоница.

– Вероника, а ты Щербатова не видела? – раздается незнакомый женский голос позади меня вслед за звуком открываемой двери.

– Нет, наверное он на обеде, – а голос Ники грудной и хриплый. Я к ее собеседнице не могу повернуться, даже если это невежливо. У меня такой стояк, что неизбежно привлечет внимание.

– С утра его не могу найти, – сердится голос и... Снова стук двери.

– Фух, – говорит Вероника.

– Прости, – не испытываю ни капли сожаления. – Ты просто была такая... так бы и съел.

– Да? – удивляется не понять чему. А потом прыскает, – Хорошо, что не застал никто.

Неудобненько бы получилось.

– Ты что делаешь на выходных? – тяну задумчиво. Внезапно появившийся план начинает обретать более четкие очертания. И все больше мне нравится, – Сможешь вырваться загород? В одном из конгресс-отелей будут семинары, в номере я там один... Конечно, весь день занят, и ты может заскучаешь, зато ночью...

– Заскучаю? – она снова прыскает, – В загородном отеле, полном молодых и красивых пластических хирургов? Блин, я хотела сказать... там же наверняка парк. И спортзал. И развлечения какие. И я... прям как взрослая, с мужчиной... Блин. Забудь. Иногда я несучушь.

Она прикрывает лицо, а потом отнимает ладошки и смотрит на меня:

– Если ты еще не передумал, после всего, что я сейчас наговорила... Я смогу. Да. Я с удовольствием поеду.

– Я не передумал, – улыбаюсь.

Хорошая какая она у меня.

Я не ошибся, что пришел.

Меня трясет и глючит, ноуноу фьюче

– В смысле не можешь?

– Ну вот так и не могу, у меня планы появились.

– погоди, Петь, – хмурюсь и тру висок, – Полина у тебя через выходные всегда, мы же изначально так все выстроили. По два выходных в месяц и пара недель летом...

– Бывают форс-мажоры.

– И ты сообщаешь мне об этом, когда я позвонила в пятницу, чтобы уточнить все детали?!

– Если бы ты пошла со мной нормально на встречу или разговаривала по человечески, может и не пришлось бы удивляться, – голос бывшего полон яду.

– Петя, – я – само терпение, – Есть наши непонятки. Есть недоговорки. Но есть Полина, в жизни которой мы стараемся соблюдать стабильность. И наши договоренности, которые мы согласовываем заранее. Они вне этого. Давай разделять...

– Дело только в этом? – спрашивает насмешливо, – Ты же нормально всякие изменения воспринимала раньше. Теперь все? У тебя появилась личная жизнь – и теперь вынь да положь свободное время, даже если у меня меняются обстоятельства?

– А они у тебя изменились? – цежу.

– А тебе не все равно?

– Стоп... ты мне что, мстишь что ли?

«Мстит», – мрачно сплевывает либидо.

«Тварь. Пересохну же из-за него», – мгновенно впадает в депрессию вагина.

«Нет, я не верю, что он может с нами так поступать», – глаза сердечка наполняются слезами.

«Погодите, мы найдем способ достучаться до его совести», – хмурится мозг.

– Мщу? – лениво удивляется. Ненавижу его этот тон. Ака «хозяин положения». И его уже начинаю тихонько ненавидеть, – Ты думаешь моя жизнь крутится вокруг тебя?

«Мстит, – вздыхает мозг, – Даже слова такие же использует»

– Не думала, что ты такой мелочный, – вздыхаю, – И снова можешь Полинку подставить из-за ущемленной гордыньки. А еще несколько дней назад пел мне, как ты хочешь снова быть со мной, как ты осознал, что я женщина твоей жизни.

– А я и не отказываюсь от своих слов. Но тебя еще воспитывать и воспитывать, чтобы ты поняла, что упускаешь...

– Иди в задницу, – шиплю и отключаю телефон.

Ну как он умудрился опять довести нормальные вроде отношения до такого поганого фарса? Все было спокойно, мы жили каждый своей жизнью и вот...

«Просто раньше у тебя никого не было», – вздыхает сердечко.

«С таким бывшим – и не будет», – прогнозирует мрачно вагина.

«Может позвоним свекрови? Вдруг они смогут?» – ищет варианты мозг.

«Не говори про нее, я реально разваливаюсь, когда ее вспоминаю, – передергивается либидо, – К тому же она не согласится. Уверено, ее любимый Петенька позвонил уже первым».

Я хнычу и открываю чат:

«Девочки, что делать? Петька должен был взять Полинку на выходные, но отказался,

сославшись на дела. К родителям его не сунешься, мои сами понимаете, не доедешь... А меня Демид пригласил с ним загород и я уже согласилась». Рыдающий смайл.

«Ну можешь привести ко мне... – тут же откликается Ольга, – Я правда в субботу работаю, посидит с мультиками. А в воскресенье что-нибудь придумаем»

«Блин, а я уезжаю из города», – это Наташа.

«У нас с Артемом что-то совсем разладилось, и я даже не знаю...» – начинает Маринка.

«Девчонки, ну вы чего! Конечно я не собиралась на вас вешать Полинку, это скорее крик во Вселенную.»

Вздыхаю и пишу Демиду, что созвониться с ним хочу.

Ох уж этот современный мир... теперь прежде позвонить сто раз уточнишь, удобно ли человеку.

Сам меня набирает спустя несколько минут:

– Надеюсь ты хочешь обсудить со мной брать с собой нижнее белье или нет. И если брать, то какое, – голос ужасно уставший, – Потому что меня все вокруг бесит и это обсуждение – единственное, что поднимет настроение.

«Да! Именно для этого!» – вопит вагина.

– Нет, – говорю тихонько. – Демид, я не смогу поехать.

– Почему? – голос тут же делается суше.

– Полину не с кем оставить, думала получится... но так уж вышло, – объясняю коротко. Жаловаться на бывшего точно не собираюсь. Мне хочется, чтобы тот как можно меньше присутствовал в нашем общении. Жаль, конечно, что уже не сделаешь вид, что его вовсе нет.

– Хм, – повисает пауза, от которой я ежусь. Но следующая фраза и вовсе заставляет напрячься. – Ну может возьмешь с собой? Я не уверен, конечно, что есть еще номера... но могу связаться с организатором, уточнить. Поселитесь с ней вместе, а ночью сбежишь. Сможешь же?

– Мне кажется это не очень удобно, – говорю чуть нервно. – Я наверное не могу так...

И совсем долгая пауза.

По ощущениям очень холодная.

– Как «так»?

И голос холодный становится. Я понимаю, моя реакция все испортила. И в самом деле, разве я не должна быть офигеть как счастлива такому подходу? Вроде бы должна. Да кто вообще может похвастаться такому отношению со стороны мужчины, когда он не только подстраивается под особенности твоей жизни, но и ребенка твоего привлекал?!

Но я как-то больше офигеть, чем счастлива.

Демид ведь... Он не совсем, похоже, понимает, что такое «взять с собой ребенка». И если я согласна смотреть на наши отношения как на что-то спонтанно развивающееся, то дети и спонтанность... ну такое. А если это будет первая и последняя поездка? А если Полина подумает чего? А если это ее травмирует?

Я столько сил положила чтобы она спокойно прожила развод, и как-то решила для себя, что уж если будут у меня серьезные отношения – тогда и в гости буду приглашать и еще чего...

Черт.

Я что, сама же чуть ли не называю Демиду неважным в своей жизни?

– Извини, я растерялась от предложения. Просто не ожидала, что ты будешь не против, – говорю быстро, – Спроси, конечно.

Полинке я как-нибудь объясню тоже...

Вечером, собирая сумку, я все еще не могу понять, рада ли тому факту, что номер нашелся. И что мы все-таки едем на выходные вместе.

Я ожидаю определенной неловкости и всяких сложностей от поездки. Но, конечно, не ожидаю, что она превратится в полный кошмар.

Под окнами местная шпана конючит – ноу ноу фьюче

– Мне все будут завидовать в классе, что я с маньяком ездила, – доверительно сообщает мне Полина, но так громко, что Демид, который перетаскивает самокат и детское кресло из моей машины, ухмыляется.

А потом поворачивается и присаживается перед дочкой:

– Я предпочитаю, чтобы меня называли Демид. Можно на ты и по имени, хорошо? Потому что если кто услышит про маньяка, это может иметь последствия. Вдруг и правда подумают, что я такой и вызовут полицию?

– О, – удивленно открывает Полина глаза и рот. И заодно зевает. Выезжать приходится очень рано, чтобы успеть до начала семинаров, и я чувствую смущение. Демиду приходится с нами возиться, а не мчаться в гордом и, будем честными, спокойном одиночестве навстречу новым знаниям.

Но подавляю желание извиниться.

Он сам этот выбор сделал. Сам предложил и даже местами настоял. Надо принимать такие порывы. Даже если он сам жалеет уже – мне жалеть не следует.

Поездка начинается довольно бодро, но дальше случается знакомое всем мамам. "Скучающий ребенок в машине". Полинка не капризна, вовсе нет, но она не слишком привыкла, что мое внимание сосредоточено не только на ней, не выпалась, а потом ей хочется пить, писать, ее укачивает, "дай яблоко", "планшет не работает" и еще миллион слов и действий, которые отвлекают и тормозят, причем в прямом смысле, так что под конец все более напряженный Демид уже поглядывает на часы.

В лобби загородного отеля мы уже вбегаем.

– Не успеваю заселиться, – хмурится. – У вас оставлю сумку, пойду на регистрацию.

Это он администратору.

– Справишься сама? – это он мне. Но мыслями уже не здесь – первый спикер начал выступление, – Я пойду.

– Конечно, – морщусь внутренне, как высоко взвивается голос, – Может и сумку твою к нам в номер?

– Нет, где вас днем искать, – качает головой, – Я в перерыве.

Я отдаю паспорт администратору, который доверительно сообщает мне, что по правилам заселение после двух, но во время таких конференций они немного расширяют эти правила, и наш номер также доступен, и поднимаюсь на четвертый этаж с Полиной.

Весь день мы гуляем.

Территория здесь потрясающая. Хоть не видно детей – не в этот раз, видимо – есть и детская площадка, и дорожки, по которым Полина носится с довольным визгом. Я искренне наслаждаюсь воздухом и солнцем, вкусным обедом в кафе, затем хамамом и бассейном. Кроме нас там только несколько взрослых пар, скучающие подростки и три мамы с малышами, которыми Полина начинает тут же верховодить.

Я отправляю Демиду фото в мокром купальнике и подмигивающий смайлик.

Доставлено.

Прочитано.

Не отвечено.

"Может купальник недостаточно мокрый?" – волнуются соски.

"Надо было камеру ниже опустить", – бурчит вагина.

"Девочки, – закатывает глаза мозг, – Ну он на работе. На лекциях. Просто неудобно отвечать".

После очередной прогулки мы с довольной и слегка перемазанной Полинкой возвращаемся в гостиницу и тут я понимаю, что основное мероприятие на сегодня закончено. Лобби полно мужчин и женщин, которые явно не на природу выехали.

И Демид тоже там. Стоит в довольно большой группе людей и что-то увлеченно рассказывает.

Я останавливаюсь и теряюсь немного.

С одной стороны надо подойти, он же... ну мы с ним как бы приехали. С другой – уместно ли отвлекать? Сомневаюсь, что люди здесь с семьями, скорее все вырвались от семей, не принято на такие мероприятия брать кого, а я даже не жена, чтобы...

Демид меня замечает и сам подходит. Не приобнимает. Наверное это правильно. Тут люди, и Полинка...

– Нагулялись?

– Да. Здесь замечательно, – говорю самым мягким тоном, – А вы закончили?

– На ужин идем, – кивает. – Мне надо с коллегами посидеть, там много интересных тем и...

– Конечно-конечно! – всплескиваю руками, – Мы сами!

– Ты как уложишь Полину – пиши.

Киваю.

Ужинаем мы в том же маленьком кафе. Потом я отмываю счастливую дочку – ну хотя бы ребенку хорошо, потому что мне пока что странно – включаю ей мультики в кровати и сама иду в душ. Полинка вырубается, пока я моюсь и укладываюсь. Сказывается ранний подъем и активности. Устраиваю ее поудобнее, накрываю и на видное место кладу звонящие часы. Я ее предупредила, что могу ненадолго отлучиться из номера и, если она проснется и испугается, пусть сразу звонит.

Пишу Демиду.

Доставлено и не прочитано.

Блин.

Ну может хоть в лобби-бар спуститься? Выпью бокал вина, осмотрюсь. Дождусь пока ответит или встречу его...

Подкрашиваюсь, надеваю симпатичное платье: простоту фасона компенсирует красивая мягкая ткань и вырез на спине. И возвращаюсь в лобби, надеясь, что дальше все пойдет как-то по более приятному плану.

Зря.

В моей башке, давно пустой, мотивчик поселился. Ноу ноу фьюче

В лобби уже почти никого.

Я оглядываюсь.

Вроде бы банкетный зал, который отдали под ужин «семинаристов» тоже полупустой, и в кафе кто-то толчется, немного народу в баре... Знакомой макушки не видно. И сообщение так и не прочитано.

Я поворачиваю направо.

В баре мягкое освещение, плюшевые высокие кресла и играет джаз.

Смущенно улыбаюсь компании, которая поворачивается на мое вторжение – и снова возвращается к своим важным разговорам – и подавляю очередной вздох. Ну же, девочка, ты чего такая напряженная? Ты умеешь прекрасно проводить время одна, никогда не скучаешь, потому что скучно бывает только тем, кто с собой остаться боится наедине. И в бары ты не раз одна навевалась – в современном мире это скорее норма уже.

«Просто нам хотелось с Деми-идом», – ноет сердечко.

«Просто наши ожидания от поездки не совпадают с реальностью», – пожимает плечами мозг.

«Жизнь – непредсказуемая штука. Надо быть более адаптивными и наслаждаться своим здесь и сейчас», – подсовывает Память фразу из психологической статьи.

«Щаз как насладимся! Как напьемся! Как пойдём отплясывать и доказывать, что нам и так хорошо!» – поднимает голову внутренняя истеричка.

«Тш-ш!» – испуганно машут руками все и запихивают ее обратно.

Я присаживаюсь на барный стул и заказываю свое любимое «мое сердце остановилось, мое сердце за Мерло».

Первый бокал заканчивается странно быстро, но веселее и спокойней не становится.

Беру еще один.

Делаю глоток и чувствую, что сердце действительно замирает.

Мимо входа в бар – тут и дверей-то нет, широченная арка – идет Демид в компании с какой-то брюнеткой. Идет, внимательно ее слушает, склонив голову и... держит крепко за талию. Вот так прям в обнимку и идут.

Я на секунду прикрываю глаза, чтобы развидеть эту картинку.

Успокойся, Ника. Успокойся.

Во-первых, это может быть не Демид. В полумраке чего только не привидится. Во-вторых, это может ничего не значить. Коллега, подруга, просто дрянь, которая вешается на него, потому что он лапочка. Не будет же отдирать от себя на глазах у всех? В-третьих...

«Слушайте, а мы договаривались с Демидом об эксклюзивности отношений?» – уточняет у всех мозг.

«Я не помню», – сомневается либи́до.

«Как не помнишь? – взвывается вагина, – А если нет?! Это что, он может в любую...»

Так.

Сжимаю голову руками, чтобы чуть понизить громкость внутренних диалогов. Спокойно, Ника, спокойно. Договаривались мы о чем-то или нет – не столь важно, потому что Демид не из тех, кто потащит с собой одну, чтобы приставать к другой. Это, по меньшей

мере, нелогично, даже если не брать в расчет чувства.

А они между нами пусть даже в виде просто «химии» однозначно присутствуют.

Залпом допиваю второй бокал.

Проверяю телефон.

Доставлено. Не прочитано.

И выхожу в лобби, осматриваясь...

Твою ж... ну Демид!

Они за углом. У входа в красиво подсвеченный зимний сад. Их тоже красиво подсвечивает. Темные силуэты прильнувших друг к другу мужчины и женщины как-будто сияют по контуру. И это он, да. У меня стопроцентное зрение, да и расстояние между нами небольшое.

Демид стоит, оперевшись на стену, придерживая брюнетку в строгой юбке за талию двумя руками. А она, изогнутая как лук, прижимается к нему, откинув голову и подставив губы для поцелуя. Он берет ее за подбородок...

И внезапно поворачивается ко мне.

Наверное меня тоже хорошо видно. Ну так я недалеко и не прячусь. Застываю. Как муха в янтаре. Ни двинуться, ни моргнуть. В горле ком, а сердце долбится в грудную клетку так, что сейчас вырвется.

«Он тоже. Он такой же. Он тоже. Он такой же»

«Ненавижу!» – визгливой бензопилой попит Ревность.

– Вероника, – вот удивительный Демид человек. Ни раскаяния, ни вины, ни спешки. Аккуратно отстраняет от себя ту бабу и спокойно подходит ко мне, – Ты здесь.

– С самого утра, – голос у меня тихий и тонкий. И лицо кривится. Прямо чувствую, как разъезжается рот, то ли в попытке разрыдаться, то ли в намерении заорать. Ненавижу себя за это, – С самого утра я здесь, но ты, похоже, окончательно об этом забыл.

– Так. Стоп, – замирает. Хмурится. – Ты же не подумала ничего такого?

– Ничего такого?! – хрипота в одной фразе сменяется на визг. Меня затапливает чернотой и горечью, и если немедленно не выплесну, то захлебнусь, – Ты издеваешься? Ты же там обжимаешься с другой бабой, я если бы не перехватила вас, уже бы наверное трахался с ней!

Бью его кулаком в грудь, чувствуя, как вскипают слезы в глазах.

Второй удар он жестко перехватывает.

– Прекрати на меня орать! – рявкает. Он как раз не орет, но звук такой, что в голове звенеть начинает. Жесткий, холодный тон режет и слепит одновременно, – Не смей орать, обвинять в том, в чем не разобралась, и руки не распускай. Какого хрена ты себя так ведешь, я не понимаю? Ты напилась что ли? Или вдруг с ума сошла?

– То, что я более эмоциональна не значит, что напилась или сумасшедшая! – выдергиваю руку из захвата его пальцев. Меня колотит, адски колотит, так что внутри все сотрясается, – Нападение – это лучшая защита? Решил с фигой ли оправдываться, лучше вывернуть ситуацию так, что это у меня – несправедливая истерика, а ты не при делах? Черт возьми, Демид, ты что творишь? Ты ни на одно сообщение не ответил! Не попытался встретиться! Ты сам не позвонил, как освободился! А ведь освободился, у стеночки там точно не «интересные разговоры» были и положенный на конференции банкет!

– Я. Попросил. Не орать на меня, – цедит, отстраняясь и придерживая меня за плечи, потому что меня шатнуло. То ли к нему – то ли от него. Пальцы до сих пор крюками в

желании вцепиться. Внутри такая буря... я вроде понимаю, что неадекватная, но ничего поделать не могу, – Я здесь на работе, да. Поэтому не сижу в телефоне и не отвечаю. Я блять нереально устал и не выспался за эту неделю, а может и за весь предыдущий месяц, и целый день лекций и разговоров вымотали меня окончательно. И да, чуть расслабиться с коллегами за выпивкой и интересным обсуждением мне оказалось важным и нужным. Потому что это те люди, и те моменты, которые составляют огромную часть моей жизни, я на самом деле люблю, чем занимаюсь! И да, все пошло немного не так, как я планировал, предполагал, что может больше времени будет с тобой – я не знаю, у меня нет блин этого опыта, ездить на такие мероприятия с кем-то. Но ты серьезно думаешь, что я потратил силы и время, чтобы взять тебя с собой, тащить еще ребенка, чтобы потом просто увести в номер другую бабу?!

– Я видела, что видела, – шиплю. – Мог и не тащить, если не хотел...

– И блять уже не готова ни хрена слушать? – нет, он не холод и лед. На самом деле Демид взбешен. Но если меня в таком состоянии несет и расплескивает, то он, напротив, делается как стена.

– Толку от разговоров, если твои поступки говорят сами за себя?! Я все понимаю про работу, но это – не работа. И отсутствие хоть какого-то движения мне навстречу – оно тоже говорящее. Я полагала все будет по-другому...

– Серьезно? Мои поступки? А ты уверена, что хоть один заметила? Или видишь только свои ожидания – ведь все должно быть именно как ты захочешь?

– Это не отменяет твоих действий с... – я смотрю в сторону зимнего сада и притормаживаю. Никакой женщины там нет – сбежала. Ну и что, ведь...

– Хватит, – он передергивается. – Просто хватит. Ты достаточно наговорила. И дальше слушать у меня нет желания. Я иду в номер, советую тебе сделать так же. Может за ночь в твою головушку придут более адекватные идеи, может поймешь, что наговорила херни. Но я точно уже не готов к дальнейшему общению – это все только испортит.

И, резко развернувшись, оставляет меня одну.

Испортит?!

Демид, а есть там что еще портить?

Это так меня бесит и очень злит. Это – болезнь, у меня всё болит

Первое, о чем я думаю, когда просыпаюсь, так это про дурацкий мем.

" – *Опишите двумя словами ваши отношения.*

– *Наши что?"*

Если и до этого я не была до конца уверена, что у нас отношения, то после вчерашнего я уверена. Что нет. И блин, нельзя сказать, только Демид за все ответственен. Я реально впала в истерику – как увидела с другой бабой, так сразу все нахлынуло. Петька, его измены, то, как я его застукала и какие слова он мне говорил... Ну да, может и не Демида видела вовсе в тот момент.

Но... Черт возьми, можно и объяснить. Что да как. Видишь, что несет меня – скажи что-то, чтобы успокоилась! И написать тоже можно было. Несмотря ни на какую занятость. Зачем вообще брать меня с собой, если не собирался сделать над собой усилия что-то делать? А не только про носы и сиськи разговаривать? Если уже позвал – разрывайся на два фронта. По-другому нельзя со своей женщиной.

"Беда в том, что ты не его женщина", – смачно сплевывает Сильная и Независимая и демонстративно начинает чистить револьвер.

"Как это не его? Как это?" – кудаччет заполошно сердце.

"Считал бы, что его, по другому повел себя, – соглашается с Сильной и Независимой мозг, – Даже если не по-другому – но осознал, что обидел, и написал бы. В номер постучался"

"Может он напился с горя и отрубился просто? А сейчас будет извиняться и все такое?" – надеется вагина.

"А мне уже все равно, – вдруг стает по другую сторону баррикад от подружки либидо, – Мне это уже не интересно".

– Мама?

Я осознаю, что Поинка проснулась давно, а я как идиотка стою, не двигаясь, перед зеркалом в ванной и пялюсь на свое отражение. Выгляжу кстати так себе. Нет, я не рыдала, но почти не спала. Все гоняла по кругу эту ситуацию и развлекалась любимым сослагательным наклонением.

А что было бы, если бы я была одна?

А если бы он мне ответил?

Если бы спокойно среагировала на его появление?

Но история не терпит сослагательных наклонений, а маленькие дети – тормозности собственных матерей. Какими бы несчастными те себя ни чувствовали. Так что спустя пять минут я уже в ускоренном темпе заплетала Поину, приводила себя в порядок, одевалась и собиралась на завтрак.

На завтраке уже много народу. Но дочка сразу находит пустой стол и скачет к вкуняшкам. Шведский стол мы обе обожаем. Поинка все носит и носит маленькие тарелочки, на которой булочка, блинчик, яйцо с сосиской, каша, фрукты, еще чего-то. Понятно же, не съест, но с удовольствием понадкусывает.

Я же не чувствую аппетита. Заставляю себя взять омлет и налить кофе.

Надо думать, как выбираться. Вряд ли мне стоит ждать вечера, когда все закончится и

Демид освободится, чтобы домой нас отвез.

Но из последнего похода "за соком" моя девочка притаскивает внезапно и самого виновника поездки. Сияет.

– Я сказала, что маньякам только за нашим столом положено сидеть, – сообщает доверительно.

– У Демиды могут быть другие планы, наверное с коллегами захочет, – как ни стараюсь оставить тон нейтральным, не получается. Яду там недостаточно, чтобы захлебнуться, но вполне, чтобы заметить. На мужчину не смотрю. Все мое внимание занимает кофе и ложечка в нем.

– Я с удовольствием позавтракаю здесь, – сообщает доброжелательно блондинчик Полине.

Козел.

Дочка не замечает напряжения, возникшего за столом. У нее отличное настроение – еще бы, такие классные каникулы в конце самой обычной недели. Она рассказывает что мы делали вчера, что будем делать сегодня – оказывается у нее грандиозные планы, я как-то не учла это, когда собралась свалить после завтрака – живо интересуется у собеседника, как ему учиться и правда ли, что врачам в классах дают настоящих живых людей для экспериментов. В общем, щебечет не переставая.

С одной стороны хорошо, что столько болтает. Молчание между взрослыми не столь тягостно. С другой, ее желание поделиться настроением с Демидом вызывает у меня сложно контролируемое раздражение. Очень хочется сказать, что бессмысленно очаровывать. Мы может видим его в последний раз.

– У тебя чудесная дочь, – заявляет блондинчик в тот же момент, как Полинка уносится "за еще чем-нибудь".

– Я знаю, – отвечаю холодно. И впервые смотрю на него. Встречаю безмятежный взгляд и снова готова взорваться от этой безмятежности. Но удается сдержать себя, – Мы не будем тебя дожидаться. Уедем раньше. Такси или какой трансфер думаю без проблем здесь организуют.

– Глупостей не говори, – отвечает неожиданно резко, – Я вас привез – и увезу, конечно. И мы обязательно поговорим о произошедшем.

– Когда? – вдруг успокаиваюсь. Хватит психовать, в самом деле. Сколько мы с ним общались? Несколько раз? И требовать от него чего-то больше, чем очередного оргазма – глупо, – Когда ты вдруг найдешь на меня пять минут между обедом и обсуждением чего-то "более интересного" с коллегами? Я не буду ждать. Уж что я поняла за свои местами счастливый – местами несчастный опыт, мы всегда находим время и возможности для того, что на самом деле хотим. Когда ты позвал меня сюда... а потом и про дочку подумал, я решила, что я и есть то, что на самом деле. Хочешь. Я ошиблась.

– И все-таки...

– Я принесла нам пирожные! – заявляет Полинка и бухает на стол огромную тарелку с устрашающего вида тортом. Гордая такая, довольная. Вот уж кто умеет получать удовольствие от каждого дня и мелочи.

И почему вместе с детством у нас это теряется?

С Демидом мы так и не договариваем. Полинка крутится рядом, а потом он уходит на семинар. Я же даю дочке нагуляться вдоволь, и объявляю, что пора в город возвращаться. Дядя-маньяк слишком поздно освободится – а завтра в школу.

Телефон начинает вибрировать сообщениями и звонками, когда мы уже к дому подъезжаем.

Не беру трубку. Даже не читаю ничего. Да, вот такая я мстительная и мелочная. Плевать.

Только почему так хочется плакать, когда Демид перестает писать и звонить?

А пистолеты не давали сбоя, мы выросли на фильмах про ковбоев

– Несколько охренительных оргазмов – не повод для реальной близости, – сообщаю я назидательно девочкам. Говорю с уверенностью, хоть на последнем слове голос и срывается на писк, – Это же усилия. Это же поменять что-то надо в себе. Это же без гарантий. А если у тебя всего лишь приключения, веселье и баба, которая с утра перед работой может вломиться к тебе домой в плаще на голое тело – зачем усложнять?

Не поперхивается только Натали. Она лишь жадно подается вперед:

– Ух ты ж, так даже я не делала. А можешь подробности?

– Нет, – бурчу. И отпиваю щедрый глоток из бокала с вином. Ох, не напиться бы... Завтра на работу ведь. Но дотерпеть до выходных и не выплеснуть все подружкам невозможно. И так до среды дотерпела. А потом попросила соседку присмотреть за Полинкой и вызвонила своих девчонок. Хорошо, что все свободны оказались. Заинтересованно слушают мое нытье. И про Петьку, и про то, что после нашего разговора я теперь телефон не беру. Дочка? С ней может поболтать через часы. И про Демида. Который сам не звонит больше. И про ситуацию эту всю. Про мои сомнения и чувства тоже.

Вот рассказываю и как-то легче становится.

Иногда достаточно просто озвучить свою боль и почувствовать поддержку рядом. И все, как-то нормальной становится. Проблем не решает – но всерьез уменьшает напряжение. А значит освобождает место в голове, чтобы подумать, что делать дальше.

Наташка не настаивает, а вот Оля решает выступить:

– Справедливости ради, – говорит она мягко, – Не соглашусь, что Демид усилий не прилагал.

– Да в чем там усилия?! – аж взвизгивает Мариша. Что-то у нее самой явно не ладится, но сегодня я – та подруга, которую надо утешать и наставлять. Допускаю, что через пару дней на нее переключимся. В том и смысл – держимся вместе, – В том чтобы позвонить несколько раз, когда не нашел в отеле, написать?

– Что написал, кстати? – быстро переключает ее внимание Наташка. И все на меня смотрят.

– Я стерла не читая, – смущаюсь.

– Бля-я, – закатывает глаза Ната.

"Согласен", – подтверждает мозг.

"А мне плевать", – заносчиво шмыгает носом мой внутренний противоречивый подросток.

– Я не про звонки, естественно, – Оля у нас самая спокойная и рассудительная. И не только потому, что сегодня единственная за рулем и не пьет, – Именно Демид изначально собирался с тобой снова встретиться. Это ты накрутила потом себя, что поматросил и бросил. Демид, несмотря на твой дурацкий выпендрож на мероприятии – а я знаю, какой ты вредной бываешь – настоял на дальнейшем общении. И вспомни, как мы восхищались и свиданием вашим, и тем, что он в парк притащился, не испугался детей, и с цветами потом к тебе – и не свалил из-за Петра и всех этих сложностей. Придумал, как вам провести время вместе.

– Ну а дальше? – фыркает Наташа, – Понял, что это слишком геморройно и что он и так

без бабы не останется?

– Он тебе приплачивает, что ты так его защищала? – с подозрением уточняет Марина.

– Придумать-то придумал, а сделать дальше что-то забыл? – обиженно надуваюсь я.

– Слушайте, ну он не сверх-мужик же, – пожимает плечами Ольга, – Я не оправдываю – реально накосячил. Только вот прям раз и поменять свои привычки, интересы, окружение... Ну такое. Наверное только сверх-люди и могут от вспыхнувших сверх-чувств из романов. Тебя вон выпнули в другой город одну развлекаться с трудом – потому что не привыкла. Потом еще и отпаивали, как развлеклась-то... Демид тоже оказался не готов. А будет ли готов – хрен знает. Ты же свалила, не стала дальше разбираться. Тоже решила не усложнять себе жизнь?

– Да было бы ради чего бороться! – грохает бокалом об стол Маринка.

– Ну то есть Нике не за что, а Демид обязан? – вскидывает брови подруга, – Ладно-ладно, не убивайте меня. Я тоже согласна, что не прав в этой ситуации. Но говорить, что он вообще ничего не пытался сделать – нечестно.

Что-то мне эти слова напоминают...

Морщусь.

Наутро голова, как ни странно, не болит. Хотя мы на троих почти две бутылки вина прикончили. Болеть она начинает от горы документов и беспрестанных вопросов коллег по поводу и без. Ретроград у них не закончился, что ли?

– Вероника, зайди ко мне, – застает звонок после обеда.

Сан Палыч сидит за огромным столом среди вороха бумаг и задумчиво изучает одну из них. Потом откладывает и спрашивает, спуская очки на нос:

– Все контракты по клинике переделала по их заметкам? Ну и прочие бумаги? Инструкции, персонал все такое?

– Да, – киваю. – Девчонки свою часть сегодня тоже отдали.

– Ты наверное сама отвези, – громко тарабанит пальцами. Раздражающая привычка. Или это меня так всколыхнула необходимость ехать в клинику? – Во-первых, Виктор Дмитриевич тебя знает. Во-вторых, пусть при тебе все просмотрит. Уже третий раз переделки свои направляют, надоели. Просмотрит, и если что не так, покажет. Там много бумаг? Водителя с тобой отправить?

– Да не особо...

– Тогда сама едь. Назад можешь не возвращаться – пока туда доберешься, пока проверите все. Потом все пробки соберешь.

Киваю.

Внутри немного нервозно. Вдруг Демида встречу? Но тут же одергиваю себя. Во-первых, встречу и что? Работа не должна страдать. Во-вторых, вероятность ничтожно мала. Это может быть не его смена, да и болтаться в холле я там не планирую, выискивая повод задержаться...

Народу довольно много. Не глазею старательно по сторонам, целенаправленно иду к главному под чутким руководством администратора. Торчу там все положенное время – Виктор Дмитриевич въедливый и основательный, мы уже поняли. Все изменения изучает сам.

– В целом, меня все устраивает, – кивает, наконец. Когда я уже две чашки кофе выпила и теперь думаю только про туалет. – Для дальнейшей отчетности и взаимодействия с нашим бухгалтером контакт наладили?

– Да, мы на связи.

– Отлично, благодарю за работу.

Киваю ему и с облегчением встаю. Времени, кстати, только четыре часа, все быстро провернула. Можно пораньше забрать Полину, погулять... Но сначала заверну в комнату для девочек.

Сворачиваю в коридор, где, как мне кажется, расположены туалеты для посетителей, и практически сталкиваюсь с резко открывшим дверь Демидом.

На его лице молниеносно меняется несколько выражений, различить которые не успеваю. А потом он вдруг говорит громко и уверенно:

– А, Вероника Васильевна! На повторный осмотр? Проходите.

И буквально затягивает меня внутрь.

– "Охуительно" выглядишь, конечно, после выходных. Будто и не отдыхал вовсе, – Федор вваливается ко мне в кабинет, едва ли не отодвинув в сторону клиента. Тот пришел раньше положенного, сидит в кресле в коридоре уже неизвестно сколько времени. Но я прием не начинаю прежде записи – это все-таки про границы.

Федя со своими ворчливыми воплями перегибает. Хорошо хоть дверь успевает закрыться.

– Я и не отдохнул, – кривлюсь.

– Что, не спал, кувыркнулся в постели? – спрашивает зло.

– А тебе не дают, что такой бешеный? – хмурюсь. – Перебарщиваешь. Я же говорил, буду на семинаре.

– А то я не знаю, что за семинары там... И сколько возможностей отдохнуть.

Угу. До хрена просто. Особенно у меня на этих выходных было.

Но делиться не хочется – будет похоже на нытье. Как на меня наорали, не дали, а потом и свалили без объяснений. Еще и трубку не взяла, коза блондинистая. И на сообщения не ответила. Меня взбесило такое детское поведение. Больше не стал навязываться.

А вот что опять взбесило Федю?

– Жена? – спрашиваю сразу обо всем.

– Она. Я думал, что дно пробито – но снизу постучали, – сцепляет челюсти. – И так старался быть тише воды, чтобы поспокойней в доме стало. На все согласился в выходные: и к матери ее на дачу эту дурацкую, и закупить каких-то карликовых растительных уродцев для дома, потому что у нас "слишком стерильно". Даже ужин, блять, приготовил, чтобы она отдохнула. И что я получил по итогу?

– Что? – становится реально интересно.

– У нее "голова болит" и "ничего не хочется". Ну я и предъявил, что уже две недели у нее это. Могла бы таблетку блять выпить от головы или еще чего придумать. Чтобы когда "любимый муж" с поцелуями пристает, не отбиваться с видом пойманной монашки, а ответить на поцелуи. А она знаешь что?

– Что?

– Истерику закатила. Опять. Еще хуже, чем прежде. И вот это что, и есть брак, а? Нафиг он тогда нужен? А, впрочем, ты же не был женат. Не подскажешь... Ладно, я просто высказаться. А то бомбануло. Кофе налью?

– Давай сделаю, – киваю, – И выметайся уже на свое рабочее место, мне пора начинать консультации.

Я полностью в работу погружаюсь. Федя и его рассказы сразу выветриваются – просто не держатся в голове, когда такие интересные случаи. Да, я фанат. Профессии, дела, тех возможностей, что дает пластическая хирургия. Это же не только сиськи для тех, кто уже не знает, куда деньги потратить. Сколько лиц и судеб передо мной проходит... Увлекает не на шутку.

Но вечером, вернувшись домой, я вдруг задумываюсь, что приятель ошибается. Женат я. Давно и плотно. На своей работе. И кроме работы у меня по большому счету ничего нет. Все

мои друзья, приятели – из сферы медицины. Отпуск и поездки я подгадываю под крупные конференции и мероприятия. В музеях изучаю пропорции. Питание и спорт – для того, чтобы дольше работать на операциях.

У меня вся жизнь профессии подчинена, выходные... И в ней получается места вообще ничему и никому нет?

А не перебор ли это?

Как-то впервые я размышляю, что можно чуть подвинуть свои профессиональные привычки ради чего-то другого. Прежде я много учился, по двадцать часов в сутки, работал, авторитет нарабатывал. Деньги тоже играли большую роль. Статус. Желание по-максимуму раскрыться. Это конечно никуда не денется. Но дальше что? Клинику свою открывать я передумал – геморроя куча, гораздо выгодней быть "приглашенной звездой", назначать любые деньги за операции. В больнице городской на хорошем счету, все возможные регалии получил. Квартира, машина, возможность вкладывать и инвестировать на счастливую старость.

И?

Ника цепанула что-то большее, чем мое ощущение, что я свободный мужик и нехер меня ограничивать и орать на меня. Повышала голос зря, конечно, я терпеть этого не могу. Посылаю сразу, если повышают, это я еще долго вытерпел. Но в чем-то она права, пожалуй... Все больше в этом убеждаюсь. Это я в моменте из обороны перешел в нападение. Потому что цепанула. А по здравому размышлению понял, чем именно задела. Показала мне, что моя выстроенная система не так уж идеальна. Что можно и поправить. Было бы желание...

Оно вроде было. Я просто не успел за ним. Мозгом слегка тормознул.

И не понял, что пьяненькая бывшая однокурсница, которая на мне повисла в желании взять реванш – развелась только – может быть Никой воспринята не как досадная помеха, а как реальное мое блядство. А то, что я не ответил на ее сообщения – как игнор. Ну и с ужином фигово получилось, да... Можно было попробовать по-другому. Так чтобы действительно с блондиночкой время провести. Раз позвал.

Короче лажанул местами. Как и она.

Оно бы все на этом и закончить, но... Спустя несколько дней я осознаю, что скучаю. Вот прям реально. По нашей переписке и предвкушению встреч. Вроде всего ничего виделись, но Вероника мне прям по всем параметрам подходит. Классная. Так ли уж важно в таком случае, кто виноват?

Важнее – что делать?

После плановой операции рано освобождаюсь. Консультаций тоже больше нет – никогда не ставят в расписание, если оперирую, мало ли. Обхожу в медблоке всех своих перебинтованных и в кабинет возвращаюсь. Заполнить бумаги.

Не знаю, что меня заставляет встать и открыть дверь. Вот спроси меня – не вспомню. За водой что ли пошел? А чего администратору не позвонил?

Но я делаю несколько шагов, поворачиваю ручку и слегка офигеваю, потому что вижу в коридоре Веронику. Ориентируюсь быстро.

– Вероника Васильевна? – с трудом вспоминаю ее отчество. И чего вообще приплел? Будто нас кто видит, – На повторный осмотр? Проходите.

Затягиваю ее в кабинет. Дверь быстро запираю. А потом придавливаю к этой двери всем телом и обхватываю ладонями лицо.

– Накосячил, – говорю ей вместо сотни слов. – Сейчас буду исправлять.

Моя гитара звонкая, пускай звенит струна

Демид

Клубника и сливки.

Определенно.

Шампанское в сочетании с клубникой и сливками Веронике подходит идеально. С утра до вечера чтобы ела. Потому что она сама превращает мою кровь в поток игристого, а ее вкус – лучше десерта. Обожаю.

Толкаюсь языком в податливый рот, раскрытый удивленной букво "о". Горячая. Толкаюсь, давлю, трахаю ее языком, все глубже и горячее, пока она не ослабевает, не приваливается тяжело, оседая у меня на руках, размазываясь по моему телу, которое на контрасте все более твердым становится – во всех стратегических местах особенно. Начинает стонать тихонько.

Вот эти звуки, прорывающиеся из клубничного ротика – отдельный вид удовольствия.

Кайф.

Отстраняюсь чуть, все еще удерживая ее лицо, поглаживаю нежные щеки большими пальцами. Ника покраснелась. Глаза блестят, губы опухшие... Если честно, мы о многом можем поговорить. Начать выяснять подробности, кто виноват, а кто прав. И в чем. В общем, многое обсудить можем...

Но разве не важнее, что она не вырывается, а глубоко дышит и улыбается ошеломленно? Будто ужасно рада меня видеть. Да, вот такого-сякого, которому можно перемыть кости с подружками – наверняка у нее хватило для этого времени. И разве не важнее, что я пиздец как обрадован ее внезапному появлению? И не только потому, что хочу ее до дикой боли в паху? И плевать, что она якобы посягает на мое время – пожалуй я готов подвинуть чего, чтобы его отдать. Вроде и не столь важно, что скандалить умеет... Ну и телефон не берет, когда я действительно поговорить хочу.

Здесь и сейчас она меня принимает таким, какой я есть, а я – её. Обговорить детали можно позже. Когда у меня снова мозг включится.

– Соскучился, – шепчу хрипло и снова ее целую. Крепко-крепко. Что задыхаться начинает. И рычу, – Коза такая, ты для кого чулки надела? А? Мы же случайно встретились...

Это я уже под юбку к ней залез. Где тонкий нейлон как-то очень быстро сменяется горячей бархатной кожей. Прижимаю к себе и шлепаю по заднице в наказание, что ходит тут в чулках и кружевных трусиках...

Трусики я тоже нащупываю. Тонкое кружево окончательно меня добивает. Вдавливаю ребро ладони между ног, чувствую, как намокает ткань и запах клубничный еще ярче становится.

Стонем в унисон.

Я отодвигаю белье и двумя пальцами проникаю в нее. Она пульсирует горячо. Воображаю, что сейчас там мой член окажется...

– Твою ж... – рычу, останавливаюсь, подрагивая. – Резинок нет с собой. Но... я только что полный медосмотр проходил и ничего, ни с кем...

Все это в такт движениям пальцев. Не могу остановиться. Загоняю все быстрее, гладкий скользкий узелок нащупываю, пусть хоть так... хоть так...

– Я тоже... я тоже... Справки... безопасные дни...

Блондиночка головой мотает по двери, уже говорит через слово, насаживается сама на пальцы, вскрикивает на особенно резкое мое движение. И тогда я резко убираю руку, натягиваю ее на свой освобожденный член и одновременно затыкаю рот своим.

Вовремя.

Она так взвизгивает, что если бы не закрыл – половина клиники сбежалась бы. Да и я рычу как зверь. Кто бы мне сказал, что без преграды она такая... Нереальная. Патока из удовольствия.

Последняя здравая мысль. Да и мысль ли? О чем тут думать, когда я, нарушив все возможные правила трахаю Веронику у дверей своего кабинета.

Немыслимо.

Сладко.

Охренительно.

Мне кажется она кончает почти сразу. Выгибается вся, дрожит, хнычет, наколотая на меня, как бабочка, распластанная по полотну. И я за ней. Не удержаться. Едва успеваю выйти и вжаться в голое бедро, в несколько движений окропить тонкую кожу...

Дышу с трудом. Сколько все заняло времени? А я как марафон пробежал. Хочется сесть на диван – вот чего до него не добрались? – уложить на себя блондиночку и отдышаться. А потом может и повторить. Кабинет уже "осквернен", так чего теперь?

– Мне надо выйти, – заявляет – будто на неозвученные планы – Вероника.

– У меня есть салфетки и...

– Не для этого! – пищит и густо краснеет.

Я несколько притормаживаю, но потом доходит. Только отпустить ее не собираюсь одну. Ника такая... завернет за угол и потом ищи. А я не хочу искать. Я хочу тискать, целовать маленькое ушко и договариваться.

Да-да, сам себе удивляюсь.

Беру салфетки и с каким-то извращенным удовольствием тщательно стираю с нее свои следы. Одежду поправляю, себе тоже. За руку беру.

– Провожу, – сообщаю строго, – А потом назад. После всего, что ты тут натворила, ты мне должна.

– Я?! – хмурит изящные брови, – Я натворила?! Я должна?! Ты о чем?

– Вот сделаешь, что хотела, и я все-все тебе поясню... В подробностях.

В глазах блондиночки удивление сменяется пониманием. А потом она задирает маленький носик.

– Имей в виду, у меня тоже есть что сказать.

Полным-полна чаша, но пустая миска

– Ну, вы поговорили, надеюсь? – сурово сводит и без того нахмуренные брови Маринка, – А то если не высказаться, так крышечку-то сорвать может...

– Угу, – шумно всасываю сок через соломинку и смотрю куда-то в сторону. Стараюсь не краснеть, вспоминая, как мы "поговорили". Нет, ну я что-то пищала возмущенное. После сумбурных его объяснений. На тему того, что однокурсницы у него может через день разводятся, статистика в России пугающая. Но это не значит, что надо всех жалеть, да еще в такой форме. И что мы в ответе за тех, кого приручили... то есть позвали с собой. И что мне было противно и обидно... И Демид даже со всем соглашался. Прямо кивал на каждое мое слово своей блондинистой растрепанной головушкой. Но при этом так жадно меня целовал, тискал, мял и жамкал... – не уверена, что до конца понимал. А потом с рваным вздохом насадил на себя...

И у меня тоже слова закончились.

– И договорились о чем-то? – ласково дотрагивается до моей руки Оля.

– Ага, – улыбаюсь. Не могу не улыбнуться. Когда мы, наконец, вспомнили о времени и судорожно принялись оправляться – я, в основном, торопилась, а Демид просто заразился моей скоростью – он чуть ли не речитативом выдал мне свои претензии. Что выбор между криками в его сторону – а он этого терпеть не может – и резким молчанием, когда я трубку не беру – и этого он тоже не терпит – плохой выбор. Надо искать еще варианты. В итоге решили, что оба будем исправляться и вывалились из кабинета. И первым, кого встретили, оказался Федя. Это настолько было похоже на момент нашего знакомства, что мы с Демидом не могли не заржать. К тому же у Федора лицо было такое... говорящее.

– Но ты явно что-то не договариваешь, – замечает прозорливая Наташка.

Вздыхаю и выбрасываю стаканчик в мусорку. Щурюсь на яркое солнце. Погожий субботний день выдался, в парке прямо хорошо. Поalinka на площадке с подружками, я тоже с подружками – "не все ж нам прибухивать", как прокомментировала Натали. Гуляем. Разговоры разговариваем. Надо бы на кого другого переключиться, а то мы раз за разом только мою ситуацию юзаем.

– Боюсь я, – признаюсь. – Как оно дальше? И получится ли что-то? "Секс как в порно, а любовь как в романах" – самая большая ошибка восприятия.

– Ну секс как в порно у тебя есть, – фыркает Наташа.

– Есть. А вот все остальное... мы два взрослых человека со своей жизнью. Устоявшейся. У каждого работа – квартира – привычки определенные. У меня еще и дочь. Что-то можно подвинуть, компромисс там... но не все. И как долго Демиду захочется "двигать"? И как мне потом объяснять Полинке, что был маньяк – и нет его больше? А себе как объяснять?

– Ты так говоришь... Как-будто в себе уверена, что двигать хочешь.

– И в этом я не уверена. Вот она и вся сложность. Я боюсь, я не уверена, я не вижу пока будущего, я не понимаю до конца правил игры и чего могу требовать – а чего нет. На что могу рассчитывать – а на что нет. Ненавижу это состояние неопределенности!

– И я, – едва ли не хором говорят подруги.

– Было бы проще, чтобы как в сказках для взрослых девочек... "рык-ррык, ты моя!" и он в пещеру тебя утаскивает. Вместе с ребенком и твоим прошлым, – продолжаю рассуждать.

– И кольцо с огромным бриллиантом на палец без вопросов, – мечтательно тянет Оля.

– И хочет тебя постоянно – с работы срывается, чтобы показать, как хочет, а не вот это вот все, – кривит губы Маринка.

– Ужас какой, – неприятно отшатывается Наташка, – Вы чего? Вас сейчас весь бабский род проклянет, который за свое личное пространство и права боролся! Описали тут бесправную куклу для поцелуев и траха. "Утаскивает", "рычит"... Реально этого хотите?!

– Не-ет, – тянем и ржем.

– Пусть все идет как идет. А там разберемся, – подытоживаю я. И поворачиваюсь к Марине, – Колись, что у тебя происходит. Мне надоело о моих делах говорить.

– Да я... да нет... – вяло отнекивается подруга, но тут Наташка напрягается.

– А этот что здесь делает?

– Папа! – вопит радостно Полинка, проносясь мимо нас вихрем, и повисает на Петре.

Хороший был мужик по кличке Губошлѐп. Герой хит-парадов, в позиции топ

Отличный погожий майский день. Счастливой Полинке, которая, оказывается, сообщила Петру, где мы, хватает буквально пары минут на обнимашки с отцом, и она уносится снова к друзьям.

Мои подруги безмолвной, но мегеристой кучкой тоже рядом.

А бывший...

Знаете, в «Семейке Аддамс» есть такой персонаж, который целиком состоит из волос и пищит что-то на своем языке со узнаваемыми интонациями.

Вот сейчас примерно то же самое.

Петька ведь не только почти два метра отборной мужской конструкции. Он еще и юрист. Причем весьма неплохой – на внешности бы точно так не рос в карьере. Говорить умеет. Но я воспринимаю это как вполне понятный, но все же писк. Который вот совсем ничего не достигает. Ни моего мозга, ни сердца, ничего.

А вагина и либидо так и вовсе покинули чат, когда его увидели...

Неужели все?

И я действительно... перестала переживать?

Любить-то я его давно перестала. Как и страдать по нему. Но сейчас ни чувства обиды, ни горечи, ни желания расцарапать ему морду, отомстить, ни досады на его слова...

Ни малейшей реакции на то, что красивенный и здоровенный разливается соловьем, как он ошибся, но теперь-то все понял и готов сделать нашу новую жизнь необыкновенно счастливой. Потому что я для него – а он для меня.

Мне кажется даже год назад я еще могла поддаться. И никакая группа поддержки не помогла бы. А сейчас... Ти-ши-на.

Впервые тишина, блин!

Я так обалдеваю от этого чувства, что непроизвольно начинаю широко улыбаться. Да что там, в груди разливается тепло. Мне хочется руки раскинуть и проорать на весь мир, как жить-то офигенно!

– Петя!

– Да? – расплывается он в ответной улыбке.

– Ты вот так это говоришь... так искренне... что не просто хочется верить – веришь! И комплименты в мою сторону... и твои чувства...

– Да-а... – тянется ко мне, счастливо вздыхая.

– Спасибо тебе, Петя! – я не могу удержаться. Обнимаю его крепко и, отстранившись, смотрю на него. Наверное взгляд у меня самый сияющий и довольный, потому что его глаза тоже сиять начинают, – Если бы не сегодняшний разговор... если бы ты не сказал все это... я бы так и сомневалась...

– Да... – с придыханием и склоняется к моим губам.

– Что я совершенно, полностью от тебя излечилась! – подпрыгиваю со скамейки, на которой мы сидим, и хлопаю в ладоши, – Ни малейшего чувства! Ни малейших сожалений! Я вообще ничего не чувствую!

Последнее получается довольно экзальтированно и громко, так что на нас оборачивается несколько мамаш.

Хочу еще раз Петра обнять... но у него такое шокированное лицо, что, кажется, это будет воспринято исключительно издевательством.

А я танцевать готова.

Только тот, кому однажды вскрыли грудную клетку и знатно там поковырялись знает, как долго это заживает. Болит, тянет «на погоду», заставляет просыпаться от снов и вздрагивать от мыслей «а если бы я тогда». Заставляет сомневаться в себе, что достойна, что нормальна. Господи, столько всего...

И когда осознаешь, что затянулось, зажило и даже шрамы сгладились – ну может не до конца, судя по тому, как я отреагировала на Демида с девицей – это какое-то сумасшедшее облегчение.

– Петя, – я все еще стою рядом с ним. И говорю теперь максимально серьезно – хотя улыбку стереть не получается, – Все. Реально все. Ты знатно прошелся своими изменами по мне, так что я думала не соскребу с асфальта. Что буду помнить и страдать всю жизнь. Но даже это закончилось. Мы навсегда останемся для нашей дочки мамой и папой, но единственное «вместе», которое с этого момента будет – оно в ней. Никак иначе. Если ты будешь упрячиться, использовать Полинку, чтобы ко мне подобраться и жизнь мне испортить... Ты так только ей хуже сделаешь, понимаешь? Не мне. И думаю ты достаточно ее любишь, несмотря на последние идиотские поступки, чтобы не травмировать еще больше. А теперь... Я пойду к девчонкам. А ты если хочешь – тусуйся с Полиной здесь. Ты же сказал, что к ней приехал.

Поворачиваюсь спиной к своему прошлому и ухожу.

И легкость такая в ногах и на сердце...

"Черный!"

"Белый"

"В розочку!"

"Вообще без трусов надо идти"

В примерочной бельевого магазина царит локальный армагеддон. Мысленный, естественно. Потому что орут в моей голове исключительно мои запчасты... ну или субличности.

К психиатру я не обращалась за разъяснением, во избежание.

"Не понимаю, чего такой ажиотаж ради украшения меня, – предвкушающе тянет вагина, – Я без всего хороша... Демиду нравится"

"Чего ты на себя все переводишь? – ревниво шипит грудь, – Мы с сосками тоже ему очень нравимся, и мне хочется украситья"

"Девочки, ну Демид а привлекло не это вот все, – снисходительно вещает сердце"

"А что? – цинично кривится мозг, – Он нам что, предлагал что-то, кроме траха?"

"Ай помолчи, – игриво бьют его ладошкой Розовые Мечты, – Я имена придумываю. Вообще мне нравится Антон... Но мальчика будут обзывать нехорошо. В рифму..."

"Кому имена?" – тупит мозг.

"Нашим будущим детям"

"Ты идиотка?!"

"Черное, – устает слушать всю эту ерунду либидо, – Блондинка в черном, да еще с красной оторочкой – мечта любого мужика. И мне нравится"

И мне.

Смотрю на себя в зеркало, люблюсь.

Удивительно, но не столько Демиду захотелось порадовать новым комплектом, сколько себя.

"Распаковалась", – как выразилась бы Натали. И была бы права. Я и правда чувствую себя... Будто сняла тысячу ненужных слоев. Все с отеля началось. И вот теперь мне хочется дорогое белье, духи и новые туфельки.

"Давай отправим ему фото?" – подначивает либидо. И, как ни странно, все с ним соглашаются.

– Нет, – говорю твердо. Вслух, угу. Черт с ним, – У меня после того, как я ему в отеле фотку отправила, а он не ответил, комплекс образовался.

"Но мы такие краси-ивые" – ноют соски.

– Вот и покажем сегодня, – показываю себе язык. И улыбаюсь широко. Настроение просто супер – покинувший вчера бесславно поле боя Петр позвонил и сухим тоном сообщил, что забирает Полинку и в понедельник сам ее в школу отвезет, хоть ему и далеко. И у Демиду, отсыпающегося сейчас после смены, тоже никаких планов не обнаружилось.

"Разве что вылизать тебя от ушек до пальчиков ног"...

Потому я собираюсь провести этот воскресный вечер самым порочным и сладким образом. И белье этому поспособствует.

"Без него лучше", – дуется вагина

"Снимем", – успокаиваю.

Демид заезжает в пять, как договаривались, и присвистывает от моего вида. Нет, я не в белье вышла из подъезда. Но в тонком и очень коротком платье. И на каблуках.

Усаживает меня на пассажирское сидение, коротко сжимает ногу выше коленки, но больше не позволяет себе.

– Я если сейчас тебя обниму или поцелую, то не остановлюсь, – сообщает совершенно серьезно.

Я кошусь на детскую площадку, на которой тусуются все знакомые мамы, и со вздохом киваю.

– И вообще, такую красоту надо вывезти... не туда, куда планировал, – вдруг заявляет весело.

– А куда ты планировал? Вроде в ресторан... – смотрю на него. Любуюсь. В простой футболке и джинсах, выспавшийся и чуть взъерошенный, он выглядит потрясающе. Мне не привыкать к красивым мужикам – Петя в этом смысле, конечно, всегда выделялся – но ведь дело не только во внешней привлекательности. А в том, какими глазами мы смотрим на человека.

– А это уже не важно, – подмигивает. – Потому что едем в другое место.

Жара, пожар, огонь в тебе горит, и килограммы женского тротила!

Демид

– Сюда же не пробиться, – и без того большие глаза моей блондиночки становятся еще больше и круглее от удивления.

– Ну ко мне на операции тоже не так просто попасть. Так что всегда есть варианты, – подмигиваю. – Тем более куда вести такую красоту, как не в Krasotu? Или ты уже бывала здесь, раз знаешь?

– Наслышана только. Думала сходить, но... Как-то отдать двадцатку за ужин казалось чрезмерным, – ее восхищенный взгляд делается озорным. Приникает ко мне и слегка царапает руку ноготочками, – Или я просто ждала своего обаятельного пластического хирурга, чтобы разделить с ним этот опыт. Ни с кем другим. А ты был уже?

– А мне не интересно было кого-то сюда вести, – отвечаю в том же тоне.

Ника мурлычет довольной кошечкой.

Пожалуй она этим выгодно отличается от тех, кого я привык видеть рядом с собой. Ника реагирует. Иногда весьма бурно. Но всегда так радуется каким-то простым и приятным вещам, что хочется давать ей больше. Тем более, что объективно просчитался в прошлый раз, за городом. И вряд ли быстрый секс в кабинете – пусть даже лучший быстрый секс – достаточная компенсация.

Этой ночью все будет медленно и тягуче. Ну а прежде... она так хороша в этом коротком платье, как статуэточка, что захотелось не только трахать, но и любоваться. И всем показывать – смотрите, кто у меня есть.

Да, может по-идиотски... Да и я не замечал за собой желания хвастаться...

Но захотелось вдруг.

И очень удачно, что были контакты из тех, что быстро помогут организовать ужин даже в таком популярном месте.

«Krasota» – иммерсивный гастропроjekt. По отзывам вкусный ужин под аккомпанемент звуков и картин известных художников, которые буквально проходят сквозь тебя. Блюда сменяют друг друга, картины меняются – на огромном круглом столе и стенах.

«Хлеб и зрелища», доведенные до совершенства.

Мы полностью погружаемся в атмосферу, мне нравится. Но еще больше нравится смотреть на Веронику. Как она разглядывает все. Улыбается и мечтательно прикрывает глаза. Обсасывает маленькую ложечку с закуской – отчего у меня закономерно встает. Хорошо, что полумрак. Делает с огромным удовольствием глоток. Восторженно изучает каждую «выплывающую» картину.

Даже не знаю, от чего кайфую больше.

Или какая часть меня больше кайфует.

Мужчина, гурман или эстет, который всегда видит больше за линиями?

Ника, еда, звуки... Пожалуй, блондиночка права. Именно с ней.

Каждая часть представления затрагивает через картины темы из жизни человека: выбор

у Репина, отношений у Шагала, светлой и темной сторон личности у Врубеля. Рерих, «Девятый вал» Айвазовского, Малевич и блестящие губы Вероники...

Ах да. Это моя личная картина.

– Это было невероятно! – Ника вжимается по дороге на парковку. Жмурится, будто хочет сохранить все, что увидела у себя под веками.

– Самое вкусное еще впереди, – обещаю. Это и правда было круто, но все мои мысли сейчас о другом. И не только сейчас.

– Да, мы подготовились, – хмыкает.

– Мы? – не понимаю.

Ника вдруг дергается и останавливается. И почему-то краснеет.

Вообще не понимаю ее реакции, потому вопросительно поднимаю брови.

– Я... у меня... Обещай, что не будешь смеяться!

– Обещаю.

– Я разговариваю иногда сама с собой! – выпаливает.

– Ну... всем это свойственно, – удивляюсь столь бурной реакции.

– Ты не понимаешь. Внутри меня как бы живут разные части, которые обсуждают ту или иную ситуацию.

– Типа внутреннего критика, внутреннего ребенка и все такое? – блещу знаниями по психологии.

– Нет, – прикусывает губу.

– Эзотерика про внутреннего мужчину и женщину? – открываю ей дверь автомобиля.

– Это не эзотерика, – бурчит и плюхается на сидение. И выдыхает, будто смирившись, – У меня все проще. Сердце, мозг, вагина и разное еще по ходу дела поднимается... Вроде внутренней гордости. Черт. Звучит еще хуже, чем я думала. Зря сказала. Вообще-то я никогда про это не рассказывала. Никому.

Я выезжаю со стоянки, пытаюсь переварить получившуюся информацию. А потом уточняю осторожно:

– То есть иногда... твои сердце, мозг и... вагина и всякие другие органы, они как бы общаются внутри тебя, может даже спорят, принимают решения?

– Да, – звучит уже совсем зло. И отворачивается, маленькая бука.

Я стараюсь не ржать. На самом деле вряд ли найдутся причины, которые способны отвратить меня от Ники. И уж точно не эта особенность, которую я нахожу милейшей.

– И... это «они» готовились к нашей сегодняшней встрече? – спрашиваю максимально мягким тоном.

Блондиночка быстро смотрит на меня неверяще, будто проверяет, не издеваюсь ли, и как-то обмякает. Смущенно потупляется и голос ее значительно веселеет.

– Вроде того.

– Расскажешь... кто именно и как готовился?

– Белье выбирали, – хихикает.

– На чьей идее остановились? – тоже не могу сдержать смешка.

– Кажется, победили либидо и грудь.

– Кажется?

А Ника... Ника вдруг застывает. И одним гибким движением стягивает... трусы.

Я чуть педаль газа с тормозом не путаю.

– Потому что, по итогу, похоже, вагине придется отдать первое место, – заявляет

нахально, – Она сразу предлагала идти без трусов.

Я сглатываю, перевожу взгляд на дорогу и прикидываю, где мы находимся и можно ли куда свернуть.

Включаю поворотник.

– Знаешь, мой член, определенно, только что сказал «вау».

Небо в алмазах, в штанах миллион, моя зараза пьёт СОВИНЬОН

«Шлюха», – клеймит мозг, но каким-то подозрительно довольным тоном.

«Ой-й, не вмешивайся», – постанывает от восторга вагина.

«Нам только с ним так играть интересно, а не с другими», – томно дополняет либидо.

«Потому что на-аш», – тихо-тихо, чтобы никто не услышал, шепчет сердце.

Я в восторге от этого вечера, в восторге и ужасе от собственной обезбашенности и просто в ужасе от той скорости, которую развил Демид. Попискиваю на каждом повороте, а сама оторваться не могу от побелевших костяшек пальцев – так руль сжал. И линией челюсти можно камни колоть сейчас...

Ух.

Ерзаю, то свожу, то развожу коленки, размышляя, не придется ли тащить машину в химчистку, потому что подо мной явно уже совсем мокро...

Еще несколько поворотов и мы влетаем в крошечную тьму. И тормозим резко. Мотор глушит. Стена дома, стена другого и...

Ах.

В этот момент меня дергают вверх и усаживают на себя.

Несмотря на отодвинутое сидение, руль впивается в поясницу, коленка – в дверь, и это все неудобно, стыдно, неправильно и... Офигенно.

Про поясницу и коленку я первыми забываю.

Демид заглатывает мой рот, а его руки в это время юбку задирают и звонко, с оттяжкой, шлепают по обнаженным ягодицам. Он вдавликает меня в свой стояк. От прикосновения, да такого плотного, мы оба глухо стонем. И я забываю про стыд и неправильность...

– Совратила меня посреди улицы, коза такая, – шепчет, прикусывая шею и жестко жамкая все, до чего дотягиваются руки. Я в это время пытаюсь разодрать его футболку, чтобы тоже что-нибудь прикусить. До меня быстро доходит бесполезность мероприятия, ныряю под нее, ремень джинсов дергаю.

Черт.

Тесно слишком.

Трусь о внушительную выпуклость, чтобы ускорился уже, сам все расстегнул и шепчу прерывающимся голосом:

– Ты такой сегодня... тебя хочется соблазнить.

Он целует, гладит, покусывает, подставляет свой кадык, в который я немедленно вцепляюсь зубами, чертыхаясь, пытается стянуть платье, но в итоге просто стягивает лямки, опускает бретели – и для кого мы наряжались, а? – хватается за соски и снова шлепает...

Я хнычу уже.

Все так быстро, остро... пора бы привыкнуть в нашем с ним случае. Но я все не могу. Мне кажется к этому невозможно привыкнуть. Только радоваться происходящему.

Момент нашего соединения я воспринимаю как дикое облегчение. Будто карабкалась, карабкалась куда-то и вот, достигла, наконец, нужного места... самого лучшего на земле.

«Лучшее место на Земле – на члене Демида? Деточка, ты уверена?» – обидно изумляется мозг.

«Отстань от нее, она уже тебя не слышит».

Черт его знает, кто это сказал. Я и правда ничего не слышу. Кроме нашего хриплого дыхания, скрипа сидения, грязного шепота на счет того, как ему нравится меня драть – кажется, я в Демиде открыла новую черту, которая еще больше заводит – собственных стонов и бессвязных бормотаний, потому что мне тоже безумно нравится, как он меня дерет...

В таких условиях сложно развить скорость, но у моего врача по вызову получается. Пика мы достигаем на отметке двести, не иначе. На очень ухабистой дороге, причем, потому что Демид так двигает бедрами, что я почти подлетаю до потолка и неоднократно прикладываюсь о него головой. И в принципе улетаю.

Только его руки, крепко вцепившиеся в меня на уровне талии, могут вернуть на Землю.

Падаю. Растекаюсь. Мне все еще очень неудобно – точнее просто вернулось это ощущение. Но ни пошевелиться, ничего. Только лежать на горячем, как печка, Демиде, и ощущать его ладони, которыми он гладит мои плечи, спину, голову.

Мы оба подрагиваем и все еще пытаемся отдышаться.

И внутри все пульсирует.

И еще одно непривычное ощущение... точнее...

Кажется, до меня доходит вместе с Демидом.

– Безответственность становится моим вторым именем рядом с тобой, – сообщает удивленно, – Я даже выйти не успел. Не смог. А ведь на этот раз с собой резинки. Гадство какое.

Я не могу разобрать в этом бормотании отдельных эмоций, но вот у меня какие-то двойственные. С одной стороны – и правда гадство. С другой – я тоже забылась. С третьей, ведь если бы мы...

Так. Хватит. Пора показать ему, что иногда у меня мозг побеждает.

– Я снова на таблетках, – сообщаю ему спокойно. И хмыкаю, – С тобой по другому и правда нельзя. И вряд ли за то время, что не виделись, оба успели обзавестись чем-то неприятным.

– Точно, – кивает и снова прижимает к себе.

Между нами повисает довольно неловкое молчание.

Или мне кажется?

Я же хочу перестать катастрофизировать все и вся. Надо проще быть. А то если каждый миллиметр выверять, каждую реакцию, а потом еще и всей внутренней толпой органов обсуждать, так это точно с ума можно сойти.

– Можно я наконец сойду... с этого транспорта? – спрашиваю шутливо.

– погоди, я помогу, здесь подножка – вдруг споткнешься, – поддерживает он мой тон.

Осторожно приподнимает – но все равно чуть морщусь, немаленький орган у Демиды все-таки. И помогает вернуться на сидение.

– Обалденно выглядишь, – внимательно меня осматривает.

– Куда-то надо вывезти такую красоту? – хихикаю.

– Такую – только к себе домой. И чтобы никто не увидел. Мое.

От этой фразы становится теплей. И вся неловкость улетучивается.

Ноги должны быть и талия. Ну и так и далее

Демид

– Хочу тебя на столе.

– На столе ты меня уже трахал.

– Хм... душ? А, душ точно был. Ванна?

– Ну...

Именно из-за этого диалога мы с блондиночкой сейчас лежим, точнее сидим, в не совсем предназначенной для двоих ванне. В теплой воде, в полумраке. Она удобно устраивается спиной ко мне, между разведенных ног. Откидывает голову на плечо. А я глажу мокрую грудь, клубничные ореолы сосков, время от времени перебираюсь на живот, отчего мышцы там сокращаются. Опускаю руку ниже и трогаю нежные складочки.

Хриплое дыхание сбивается до стона.

– Как ты хочешь? Расскажи мне.

Ага, я веду счет. Она этому смеется, но не препятствует. Я пока опережаю на один оргазм – не сдержался, когда добрались до дома. Тот раунд в машине ничуть меня не успокоил, только завел еще больше. Потому стоило нам зайти в дом, я просто развернул ее к комоду и задрал слишком короткую юбку снова...

В прихожей мы, получается, два раза уже.

Потом было в спальне. Третий, кажется, за время нашего знакомства.

Черт, я и это считаю?

Похоже не только у Ники есть странности.

– Очень нежно хочу, – сообщает тоненьким голосом приличной девочки. – Едва-едва, невесомо. Мне кажется у меня стерлось там все.

– Я был груб? – эта мысль меня так поражает, что едва не отдергиваю руку. А вдруг Нике не так уж приятны мои вспышки желания?

– Нет, – перехватывает меня за запястье и возвращает руку на место. Хихикает, – Но размер имеет значение.

– Покажи мне, – требую, и уже сам накрываю тонкие пальчики. – Как ты любишь?

Щеки моей русалки мгновенно покрываются румянцем. И смесь, и восхищаюсь этой ее способности.

– Я сегодня драл тебя в разных позах и вылизывал во всех местах. А ты смущаешься с такой невинности?

– Это наоборот интимное, – шепчет, – Когда сам... фантазирую...

– Покажи, – голос падает до хрипа. Черт. Кажется счет не удастся сравнять. Стояк уже конкретный. Я не жаловался и прежде на либидо, но с Вероникой чувствую себя секс-гигантом каким-то.

Смотрю.

Она прикрывает глаза и мягко начинает гладить себя пальчиками. Снизу вверх. Осторожно раскрывает верхние губки, проводит круговым движением по клитору, второй раз, изгибается, не сдерживая протяжный стон, быстрыми движениями порхает вокруг центра удовольствия...

Я не могу остаться совсем безучастным.

Присоединяюсь.

Глажу ее пальцами, ниже, проникаю внутрь на одну фалангу, стараясь попасть в ритм, перехватываю время от времени управление, верно поняв, с какой силой и скоростью нажимать, а другой рукой обхватываю круглую грудь, тереблю сосок, ушко покусываю, покачиваю ее в воде, растягивая кайф, нежа и лелея...

Ника кончает с нежными вскриками, пульсируя под моей рукой, изгибаясь на моих бедрах. Я даю ей впитать удовольствие до конца, и только потом разворачиваю, так чтобы высвободить каменный член, перехватываю его рукой, кулаком быстро работаю, потому что тоже хочу, хочу прям сейчас...

В кровать мы попадаем далеко за полночь. Сонные и уставшие.

– Ты сможешь завтра позже на работу пойти? – спрашиваю засыпающую Нику.

– Смогу, – зевает. – Тем более что мне надо будет домой, переодеться. Или одеться. Ты же не порвал мне платье?

– Не помню, – тоже зеваю. И думаю, что надо бы как-то ей обзавестись вещами в моей квартире. На такие случаи. А то не наездишься. Мы и так не часто встречаемся, чтобы тратить драгоценное время.

Или я тороплюсь?

В женщине есть какой-то секрет. Если кто «против», то я лично «нет»

– А ты не торопишься?

Маринка задает вопрос, но смотрит не на меня, а куда-то вдаль. И вообще, явно не в мой рассказ погружена, что Демид предложил какой-то набор вещей к нему перевезти. Мы это уже в чатике обмусолили до косточек, а Ольга даже прислала пару контактов свадебных стилистов – ну это просто поржать.

Я не собиралась пока замуж. Если вообще соберусь... в этом замуже оказалось много нюансов.

В общем вопрос Мариши был как бы запоздавшим. На женсовете решено давно – раз сам предложил, то все в порядке. И, кстати, в женсовете она особо участия не принимала.

– Марин, колись, что у тебя, – глажу по руке. Явно что-то, раз она предложила встретиться посреди недели.

– Мудак у меня, Ника. Мудак. Не такой, как твой Петя – а может просто не поймала. Но с каждым днем все хуже у нас. Он как-будто задался целью сделать все, чтобы я взбесилась и сама ушла.

– А «все» – это что? – спрашиваю осторожно.

– Я же из-за него на это ЗОЖ и всякие соки подседа, – сообщает с нескрываемым отвращением, – Нет, спасибо ему, конечно, реально стало лучше. И чувствую себя, и выгляжу. Но недавно он вдруг заявил, что в доме не бывает нормальной еды, не то что у его друзей, где забит холодильник всякими вкусняхами типа жареных котлет, картошки... И якобы у меня от сельдерея сиськи пропали уже...

– Так и сказал? – падает челюсть.

– Примерно, – наоборот сцепляет зубы Маринка, – Он начал придирается к моей внешности, к работе, к тому, как я себя веду. И это все не один день, просто по нарастающей. Я терплю, терплю, а он будто от моего молчания и попыток не дать раздуться ссоре еще больше распаляется. А позавчера...

Голос ее пресекается, и она вдруг зовет официанта. И требует у него мрачно:

– Бокал вина мне.

– Марин, мы же на обед встретились, – напоминаю ей тихонько, когда тот отходит.

– Не пойду на работу, – бурчит, – Отпросилась. Домой поеду. И... в общем не знаю, что «и». Скандальить? В морду ему бить? Молча собрать вещи и уйти?

– Так что сказал-то?

– Что и в постели я морковка, а когда-то была сочным стейком, – сообщает уныло. И как только ей приносят вино, выпивает едва ли не треть. Я бы тоже выпила. После такого, – Нормально ведь все было. В постели, я имею в виду. Ну может не страсть как в кино или у тебя с Демидом...

– Ты ж не знаешь, как у нас, – отбрыкиваюсь.

– Да и так понятно по твоим отдельным репликам, – фыркает. – Но нормально все было, понимаешь? Оргазмы, удовольствие, не чуралась всяких игр. Я абсолютно в этом смысле половозрелый человек, который любит эту взрослую часть жизни. Может пара моментов и возникала, что требовала разговоров. Проговаривали. Но вот гадости про мои умения точно не было повода говорить.

– Даже если бы были – все равно не повод, – отрезаю.

– Ник... это что... всё? – она смотрит на меня самыми разнесчастными глазами и будто действительно верит, что я знаю правильный ответ.

Вообще-то я думаю, что всё. И не из-за ее рассказа, но я ведь и не видела никогда, что эти ее отношения делают подругу особенно счастливой. А тогда зачем это все?

– Тебе лучше спросить у него, – говорю мягко, – Ты может не высказываешься, не говоришь о своих чувствах, вот он и не знает, насколько тебе это все неприятно. Выясни, что происходит – не когда ты в афиге, а в спокойной обстановке. Объясни, насколько задевает тебя. Спроси, как он видит дальше вашу жизнь. Раз все так ему не нравится. Поговорите заново, что ли, не стоит ли вернуть на кухню блины, жареную картошку и котлеты. Ну и про секс поговорите.

– Вдруг я накрутила себя, а на самом деле все нормально, да? – радостно уточняет.

Вот нифига не поняла.

– Если честно, Марин, я считаю что он ведет себя именно так, как ты в начале сказала. Мудак. И то, что тебе говорит... это оскорбительно. Надо, конечно, всем шанс давать, но что-то здесь перебор. Как жить с человеком, который такое о тебе думает?

– Но я ведь так старалась... столько усилий в наши отношения вбухала... столько средств. В переносном смысле. Ну и чуть в прямом тоже. А не получается, что хотелось.

– Мужик как котлован, – хмыкаю невесело, вспомнив одну шутку, – Берешь на этом этапе, планируешь сделать из него классное жилье, в котором тебе будет комфортно всю жизнь. Дальше по классике – тут не досчитала, там не тот материал завезли, здесь сроки все пропустила. В итоге что есть.

– Смешно, – подруга не смеется. – И с Петей у тебя так было?

– Не совсем. Петра я воспринимала дорогушим готовым новостроем с модным ремонтом. И даже побаивалась поначалу ходить по идеально натертым полам. А потом оказалось, что приличное когда-то жилье превратилось в отель на час для всех, кому не лень.

– А Демид? – вдруг заинтересовывается.

– Демид... – сердце екает от осознания. Я ведь не думала об этом, – Демид ощущается домом. Ну тем самым, который мы имеем в виду, когда говорим слово «дом».

Кивает.

Доедает нехотя свой салат и уезжает, заявив, что ей и правда пора многое прояснить.

А я нехотя иду на работу.

Мне и за Маринку обидно. И снова воспоминания не самые приятные поднимаются. Я хоть и осознала, что бывший меня больше не волнует, горечи больше не ощущаю, но то, что на меня его измены конкретно так повлияли – появился страх, что со мной могут так поступить – это факт.

Это очень сложно, поверить, что подобного больше не случится. Когда ты своими глазами видела, как мужчина, который клялся в верности, спал в твоей кровати – и не только спал, воспитывал вместе с тобой ребенка. С которым ты собиралась, вообще-то, всю жизнь провести. Что этот кто-то будет трахать свою ассистентку в кабинете за незакрытой дверью. Причем не только ее, как выяснилось впоследствии. И не в первый раз.

Мерзость.

Самое интересное, даже не эта картинка для меня поставила окончательную точку. Жирную точку поставил небольшой диалог, который состоялся, как я отдышалась от первой боли:

– Петя...какого хрена ты не развелся тогда, если тебе все это надо? Другие.

– А зачем? – искренне удивился, – Ты моя жена, я люблю именно тебя. А любовь, как известно, не выбирают.

Вот это удивление и показало мне, что нам не по пути с ним. У него по-другому все внутри устроено. Любовь может и не выбирают, может и любил он меня когда-то, может даже изменяя. Не знаю. Но верность – это выбор.

И если мой муж не делает этот выбор, значит он не мой муж.

Петя, кажется, этого так и не понял тогда.

Сейчас... уже не важно.

Я вяло бью двумя пальцами по клавиатуре, чувствуя, что настроение портится все больше. А потом беру телефон и выхожу в холл. У меня нет привычки звонить Демиду без повода, я вообще ему не звоню... Но если я не могу позвонить парню, с которым у нас отношения, просто так, то, пожалуй, это не отношения.

– Привет.

– Привет... Ой, я не подумала, у тебя может быть операция, – вдруг спохватываюсь.

– На операции у меня в руках скальпель, а не телефон, – смеется.

– Я просто так звоню, – заявляю с вызовом. – Потому что мне грустно.

– Молодец, – реагирует снова со смешком, и меня от этого «молодец» как теплом окутывает, – Это правильно, что позвонила именно мне.

Порой им будет тяжело. Но ведь добро сильнее, чем зло

Июнь начинается и заканчивается неожиданно.

Вроде только-только у Полинки выпускной из первого класса, а дальше все несется со все большим ускорением: работа, городской лагерь, какие-то выездные семинары, прогулки по паркам с дочкой, девичник по поводу Маринкиного "развода", долгие выходные, солнце... личная жизнь.

Много личной жизнь. Прямо в любое свободное время.

Кто-то погружается в море, а я – во все возможные порочные, возбуждающие, горячие моменты.

И с удивлением обнаруживаю, что могу быть очень и очень раскрепощенной. Что многие "фу" и табу и право вето вдруг перестали иметь значение. Что я могу и при свете дня, и не в квартире, и "по-быстрому". И получаю от этого фантастическое удовольствие. Чем дальше – тем будто больше. Есть ли предел?

Впрочем, а смысл этот предел искать? Надо просто наслаждаться процессом.

Нет, в наших отношениях с Демидом не только секс.

Там много чего еще... ресторанов и поездок, с Полиной. Встреч на чашку кофе. Переписки. То, что у нас схожее чувство юмора, сближает не меньше, чем наикрутейший секс. Мне есть кому отправить смешной мем. И есть кому позвонить просто так.

И я... все больше влюбляюсь, конечно.

Этого не избежать.

Игры в "это просто классный секс" заканчиваются – для меня, во всяком случае – довольно быстро. А может и вовсе сразу закончились, еще в момент, когда Демид вернулся ко мне в номер. И я его пустила.

Разве ради "просто секса" пустила, а не потому, что меня сразу к нему потянуло по многим причинам?

И вместе с влюбленностью, а может и с еще более глубоким, осторожным чувством внутри меня снова поселяется страх.

Я очень боюсь, что мне снова сделают больно. Больно ведь делает только человек, к которому ты равнодушен. И чем более равнодушен, тем сильнее будут переживания, когда что-то пойдет не так.

Я отгоняю этот страх. Но он никак не уходит окончательно. Еще и подпитывает другие мои переживания.

– Во-первых, не знакома с его друзьями. Разве что с Федей, но и того видела всего несколько раз и случайно, – загибаю пальцы, сидя с девчонками на любимой открытой террасе, – Он никогда не говорит мне о своих чувствах. Конечно шепчет всякие горячие непристойности, прикрываясь тем, что это просто его орган так орет громко, вот я и слышу...

– Ч-чего? – поперхивается Мариша.

– Не обращайтесь внимания, – чуть краснею я.

"Ты еще про нас всех расскажи", – фыркает мозг.

– В общем ни о том, что он в меня влюблен не говорит, ни планов совместных мы не строим. Хотя бы на ближайшее будущее. А вот с моей семьей – я имею в виду Полину – он

познакомился...

– И с бывшим мужем, – коротко хохочет Натали.

– С вами я тоже его познакомила...

– Красавчик, – улыбается Ольга.

– Но ответных действий никаких. И я поневоле начинаю задумываться, не осталась ли для него... все той же случайной блондинкой, с которой классно кувыркаться в постели.

– Ну он же предложил тебе вещи некоторые перевезти.

– Для своего удобства.

– Не стесняется заходить к тебе на работу.

– Ему вообще не знакомо чувство стеснения.

– С удовольствием проводит время и с Полиной.

– Потому что она у меня настоящее чудо!

– Ника, что тебя на самом деле беспокоит? – прозорливо уточняет Оля.

И я вздыхаю и жалуясь:

– Вокруг него столько красивых баб. Я переживаю, что не удержится. Мы же друг другу вроде ничего не обещали, клятв не давали...

– А то это в прошлый раз помогло, – фыркает Наташа.

Мы все выглядим приунывшими.

– Ника... а может тебе поговорить об этом? Ну не все конечно вываливать, просто рассказать о своих переживаниях. Как ты мне советовала, – предлагает Марина.

– Вообще-то после этого разговора вы расстались, – кривится Натали.

– А я и не жалею, – пожимает плечами, – Мне паршиво было, конечно, но сейчас я как задышала.

– Может и поговорю, – задумчиво прикусываю губу. – Я в состоянии озвучить свои опасения и надежды без предъяв и требований.

И так я думаю ровно до момента, как застаю в кабинете Демида и прильнувшую к нему голую женщину.

И баба робот и мужик, нашли свой рай, свой Геленджик

Демид

– Я вас засужу! – истерически визжит пациентка, которую я имел несчастье когда-то оперировать. Не только я. После меня она прошлась, похоже, по всем клиникам. А сейчас собралась зайти на второй круг.

В чем ей было отказано.

Я точно не собираюсь браться за эту работу.

– Я вам уже объяснил, – сообщаю максимально спокойным тоном. – Еще одну подтяжку мы не сможем сделать. Там нечего уже тянуть.

Порой забавно, насколько по-разному к моей работе относятся люди. Кто-то считает, что хирург – это Бог. Только со скальпелем. И смотрят соответственно.

Кто-то низводит нас до уровня услуги.

Кому-то доктор – святое.

Другим – злыдень, не желающий выполнять свои обязанности.

Самое интересное, что каждый при этом ждет от меня чудес.

А чудес не бывает.

– У меня морщины! – голос поднимается до верхнего регистра и чуть не просверливает мне дырку в черепе. – Вот здесь и здесь. И вот здесь обвисло!

Ох, некоторым хочется предложить не просто к психологу сходить, а прям заставить. И сразу к психиатру.

– У вас замечательный овал, – еще бы, с учетом имплантата в подбородке, – И идеальная кожа. Любое дополнительное вмешательство только навредит и испортит все, что было сделано прежде.

– Вы просто не хотите выполнять свою работу! А должны!

– Я прежде всего должен сохранять здоровье и жизнь пациенту, остальное вторично...

– Ну уж нет, я это так не оставлю!

Вылетает из кабинета, оставив дверь нараспашку.

– Как ты это выдерживаешь? – ко мне немедленно заходит Федя. Караулил что ли? – Ее вопли были слышны даже в моем кабинете.

– У любого врача бывают проблемные пациенты, – пожимаю плечами.

– Почему-то мне кажется, что у тебя особенно.

– Может и так, – хмыкаю. – Но до скандалов редко доходит. Удастся пресечь. Терпеть не могу скандальных баб.

– А то.

– Как, кстати, твоя скандальная? Выживаешь пока?

Последние недели мы с приятелем практически не общались. Я не задерживался после работы в этой клинике, впрочем, как и в другой. И раньше свободного времени было не так много, а сейчас, с учетом постоянства моей личной жизни – практически ноль. Да и Федька больше не бегал по утрам пить мой кофе. Мы оба залетали в кабинеты чуть ли не за пять

минут до пациентов...

– Ох... – он вздыхает и куда-то в сторону смотрит. А потом снова ко мне поворачивается, сияя, как лампа в операционной, – Она больше не скандалит! Точнее, скандалит – но мне пофигу!

– В смысле вы разошлись и ты этого уже не слышишь? – не понимаю.

– В смысле она беременна! Мы ждем ребенка!

– Ого, – я подхожу и хлопаю его по плечу. И слегка обалдеваю, когда он лезет обниматься. Как-то не привык к такому яркому проявлению эмоций, – Поздравляю.

– Все эти вопли были из-за гормонов, представляешь? И если до того, как мы узнали о причине, они бесили, то теперь, бывает, орет – а я смотрю и думаю, ну какая милота! Мордаха красная, в глазах бешенство и слезы, ножками топ-топ...

– Хм, – представляю себе эту картину и радующегося ей Федю и делается слегка не по себе. Мне кажется это ни черта не милым, – Ну я рад.

– По кофейку может? – лыбится и потирает руки.

Федя уходит через пять минут, а у меня снова пациенты на консультации. Я стараюсь распределить нагрузку, чтобы не торчать в операционной каждый день, но и такой прием зачастую выматывает не меньше.

Взять хоть предыдущий скандал – я так понимаю, мне еще придется разговаривать на эту тему с главным. Только я принципиален в подобных случаях, и он прекрасно об этом знает.

Более того, это отражено в нашем трудовом договоре.

И Ника прекрасно об этом знает...

Улыбаюсь, неожиданно перескочив мыслями на мою блондиночку, и тут же стираю улыбку, потому что в кабинет заходит последняя на сегодня пациентка.

Которая явно будет проблемной, но в другом смысле.

Я уже различаю.

Короткая юбка, глубокое декольте, супер-яркий макияж и томный взгляд из-под опущенных ресниц. И это томное:

– Ох... доктор... Не удивительно, что вы стали пластическим хирургом, с такой-то внешностью... вам хочется всех сделать под себя.

Примерно такой текст с небольшими вариациями я слышал уже много раз.

– Добрый день, – приветствую чуть более сухо, чем обычно. Во избежание. А то подобные девицы любой взгляд на них воспринимают как приглашение. А если она еще и грудь пришла переделывать...

Ну да.

Уже сняла верх.

Без приглашения.

Значит, грудь.

Запираю замок, надеваю перчатки и подхожу с серьезным лицом, попутно засыпая градом вопросов.

А она еще и дышать начинает томно, едва не постанывать.

Бля-я... реально? Ну что за день!

– Вы знаете, я не думаю, что вам стоит увеличивать еще, – сообщаю сухо, заполнив все необходимые данные.

– Вы такой строгий, доктор... – с придыханием.

– В любом случае вы можете сдать все необходимые анализы, пройти врачей, список вам выдадут администраторы, но предупреждаю сразу, свободных дат у меня на ближайшее время нет, поэтому когда у вас все будет готово, можете прийти еще раз, но не обещаю...

– Но вдруг найдется небольшое окошечко и... – подается вперед.

– У меня скоро следующий пациент, – сообщаю доброжелательно. – Давайте поговорим про окошечки все-таки после того, как вы принесете справки и результаты.

С явным неудовольствием она натягивает кофту и с таким же неудовольствием вышагивает на каблучищах к выходу. Я уже дверь отпер, стою там вежливым стражем. Выпроваживаю. Прикрываю дверь.

Но не успеваю даже до стола дойти, как она снова залетает в кабинет, одновременно расстегивая эту самую кофту:

– Мне кажется вы меня не совсем поняли, – улыбается и облизывает губы, при этом не стесняясь прижиматься ко мне голыми сиськами.

– Что бы я ни понял, это неважно, – удерживаю ее за плечи, – Давайте соблюдать правила клиники, оденьтесь, пожалуйста, и я провожу вас...

– Так все дело в правилах, – снова прижимается и пытается стащить юбку.

Определенно, сегодня паршивый день.

А. Нет. Не паршивый. Полный пиздец.

Потому что в этот момент в незапертый кабинет заходит Вероника. И тут же белеет, моментально охватив взглядом всю картину.

И вот я играю, и вот я играю, иду прямо в лоб или по краю

Говорят, что наши души приходят на Землю, чтобы выучить какой-то урок.

И какой я еще не выучила, а?

После Пети-то...

Смотрю на раскрашенную инстаграмную куклу с грудью пятого размера, которая выглядит немного странновато расплющенной о белый халат, на мини – юбку ее, болтающуюся уже в области бедер, и первые мгновения даже сказать ничего не могу.

И не дышу, кажется.

– Дверь была полуоткрыта... – вырывается потом сиплое, – Я и не думала... Я помешала... Я пойду.

– Нет, – хлестко возражает Демид, – Не помешала. И не пойдешь. Прием закончен давно. Снежана Валерьевна, до свидания. И не забудьте застегнуться.

Снежана эта будто ничуть не смущена. Встряхивает волосами, окидывает меня насмешливым взглядом и начинает застегивать кофту так, будто расстегивает ее. Не наоборот. Юбку. Медленно покидает кабинет.

Ни слова мы пока не произносим.

Демид подходит к двери и запирает ее.

Я знаю, что при этом загорается табличка, что идет прием. И никто не зайдет. Мы даже как-то вероломно пользовались этим... дважды... Чего же сейчас не заперся?

– Ника. Эй... на тебе лица нет. Садись.

Он усаживает меня на диван.

И воды дает в стакане. Смотрит настороженно.

Но я отодвигаю его руку.

– Ты это... зачем? Ты вообще... тебе надо, да? Тоже не хватает меня одной?

– Вероника...

– Вот чего вам всем не хватает одной бабы, а? – завожусь с пол-оборота. – Ну неужели у других все по другому устроено? Ну неужели обязательно...

– Ника! – голос резче, – Стоп. Ты опять вспоминаешь прошлое, а не видишь настоящего.

– Я как раз вижу настоящее! – вскакиваю с дивана. – Или ты хочешь сказать, что полуголая девка с огромными сиськами, с которой вы обжимались у тебя в кабинете – это иллюзия?! Глюк?!

– Я хочу сказать, что полуголая пациентка, которая не совсем адекватно восприняла ситуацию и прижималась ко мне – это не то, что ты себе вообразила, – сообщает примирительно, – Сама подумай, стал бы я что делать при незапертой двери...

– Да вы это можете делать даже в супружеской постели, что говорить о других вариантах! – ору почти.

А у Демида аж лицо вытягивается.

Мы не особо обсуждали мой развод, как это все было. Так что я его реально удивляю.

– Ты что... он... То есть этот мудака привел в ваш дом любовницу и ты их застукала?

– И похоже не раз приводил.

– И ты меня... считаешь на него похожим?

– А что, ты отличаешься? – задираю подбородок.

– Так, стоп.

Он встает. Отходит к столу. Делает несколько глубоких вдохов, повернувшись ко мне спиной и оперевшись о столешницу, и только потом разворачивается. И говорит очень спокойно и очень серьезно. Только сжатые челюсти и кулаки, они не про спокойствие.

Переживает?

Но что?

– Так не пойдет, Вероника. Так меня не устраивает, – качает головой Демид. У тебя очень болезненный анамнез, мне правда жаль, что такое происходило в твоей жизни. И я еще больше хочу разбить лицо этому Петру. Но я не должен быть постоянно наказан за блудство твоего бывшего. Ты уже не первый раз устраиваешь скандал из-за действий, который я не совершал. Ты мне или доверяешь – или нет. А если не доверяешь, если не понимаешь, чем я занимаюсь на работе, то зачем это все? Я выбрал тебя. И это эксклюзивные отношения, мы обговаривали. Если бы меня что не устраивало, если бы захотелось развлечься, я бы сначала с тобой расстался. Но раз мы решили быть вместе... Я не хочу, чтобы ты дергалась каждый раз, когда ко мне подходит женщина. Вздрагивала от телефонных звонков. Требовала отчитываться о каждом действии и доказывать каждый взгляд. Я пластический хирург. И каждый день вижу голые тела – и больше половины из этих тел принадлежит женщинам. Некоторых я трогаю. Некоторых даже не под наркозом. Некоторые пытаются меня соблазнить, телефон оставляют. Бывает и так, как сегодня. Упиваются своей безнаказанностью, потому что я ни в морду не дам, ни взащей не выкину. Лезут, может начитавшись где-то, что мужикам нужна инициатива. Или просто хотят скидку. Удивлена? Это вполне возможно для некоторых. Но у меня тоже принципы есть. Я не трахаю своих пациенток. Я даже с коллегами уже давно не имел дел – потому что все это слишком мешает потом. И поверь, у меня не встает на каждые голые сиськи. Последнее время так только на твои стоит.

Он замолкает. Переводит дух. А потом добавляет:

– Я предлагаю поверить мне в этом здесь и сейчас, а если нет... Блять, я не знаю. Будет сложно. Если вообще возможно. Понимаешь?

Последнее он произносит уже стоя передо мной.

Я шарю глазами по его лицу, пытаюсь найти признаки вранья... Но потом понимаю, что это бессмысленно. Я или доверяю – или нет. Он прав. И в том, что его профессия добавляет нюансы, тоже прав.

Я или принимаю – или нет.

Всхлипываю и утыкаюсь лицом в его грудь.

– Надеюсь ее сиськи ничем не болят? – бормочу, – А то вдруг это на мое лицо перепрыгнет.

– И у тебя вырастет еще одна на лбу? – спрашивает серьезно.

Прыскаю.

И чуть расслабляюсь в его руках. Демид еще и покачивать начинает, отчего меня вообще развозит.

Спрашивает:

– Ты как здесь оказалась? Вроде бы я знаю все твои свободные вечера и сегодня с подругами встречаться должна.

– Встретилась. Поболтала.

– Понятно, – вдруг тоже смеется, – И чего вы наболтали друг другу такого, что тебе

срочно понадобилось выяснить?

– Все-то ты понимаешь, все-то ты умеешь, бе-бе-бе, – и признаюсь как на духу, – Да в общем-то про это и говорили. Что вокруг тебя куча красивых баб, и я боюсь. Вдруг не удержишься. А у меня вроде как и причин нет претензии предъявлять. Мы вроде в отношениях... но я не всегда понимаю, насколько это серьезно...

Чувствую, что напрягается.

Неужели как каждый мужик слово «серьезно» воспринимает хуже, чем охрана в аэропорту слово «бомба»?

– Демид, – я отстраняюсь и смотрю на него так же серьезно, как он смотрел, – Я девочка. Я переживаю немного. Что я не знаю твой круг общения. Ты не знакомишь меня. Что я мало что знаю о твоей семье – мы не виделись ни разу. Я не то что тороплю... И понимаю, что в отношениях не может быть гарантий. Но наверное для меня есть признаки этих самых отношений. И это не только отличный секс, совместные выезды и доверие. Знакомства с ближним кругом... Совместные планы на будущее. Слова о чувствах...

Последнее я проговариваю совсем тихо.

– Мой ближайший отпуск в августе, – приподнимает мое лицо за подбородок после паузы, – Я еще не знаю точных чисел и не бронировал ничего, но если хочешь, займемся этим вместе. С приятелями не знакоблю, потому что сам с ними не встречаюсь. Все время свободное с тобой – и не собираюсь им жертвовать. Не сейчас. Что касается моей семьи... В общем-то твое желание исполнится быстрее, чем тебе кажется. На следующей неделе у моей сестры день рождения. Пойдешь со мной?

– Конечно, – реагирую быстро и подставляю губы для поцелуя.

Только потом осознавая, что он прокомментировал все, кроме реплики про чувства.

Люди не любят чужих неудач, дали мяч – хуячь!

"Просто не паникуй"

"Просто не паниковать?!!!"

"Просто не паникуй"

"Просто не паниковать.... А-аааа!"

Это не первое мое "знакомство с родителями". И не второе. Но сердце все равно трепещет в панике, и, как ни уговаривает мозг, успокаиваться не желает.

Понятное дело, что я девушка взрослая и много чего повидавшая. Но толку-то? Трясусь как юный неоперившийся птенчик, который решил предстать под внимательные взоры всей стаи.

Еще и одежду неверно выбрала...

Это я сразу понимаю, как захожу в ресторан. Легкое желтое платье с широкой юбкой и накинутый поверх светло-голубой клубный пиджак довольно сильно контрастируют с темным, тяжелым интерьером и черными нарядами собравшихся. Потрясающе выглядящая для своего возраста мама Демида – интересно, он ее оперировал? Черт, нет, не интересно, не думай об этом, Ника, – и две очень красивые молодые женщины явно решили, что "черное маленькое платье" – самый подходящий вариант.

Мужчины тоже в темных костюмах.

– У вас был дресс-код, а ты забыл мне сказать? – спрашиваю сквозь зубы Демида, чувствуя себя Бриджет Джонс в костюме плейбой зайки на вечеринке степфордских жен (героиню фильма не предупредили, что дресс код отменяется, прим. автора). Пусть все и не столь критично.

– Нет, – удивляется, – Даже речи об этом не шло. Наверное им так красиво. А мне твой вариант больше нравится.

Оглядывает меня с удовольствием, и я чуть выдыхаю. Тем более что и Демида в темно-синих, но джинсах, без пиджака.

– Ангелина, – представляет он мне сестру, с которой неуловимо похож. Вручает ей букет, тогда как я протягиваю пакетик с украшением из дизайнерского магазина, – Гелин муж... мои родители... подруга... друг...

Я старательно улыбаюсь, повторяю про себя имена, хотя от волнения у меня память делается, как у рыбки дори, что-то рассказываю о себе, когда спрашивают, присаживаюсь, расправляю салфетку, чуть нервно отпиваю глоток вина... и спотыкаюсь о внимательный взгляд подруги Ангелины.

Не сразу понимаю, чего так неудобно. Только когда мы уже заказали и съели салаты под весьма оживленные разговоры на разные темы – я очень переживала, что все будут общаться на понятные только им – осознаю, что Софья эта вовсе не в паре с "другом Андреем". Тот уж совсем откровенной нетрадиционной ориентации. Подруга же Ангелины явно неровно дышит к Демиду. Насколько давно – это мне неизвестно.

Но сейчас она бросает на него довольно заинтересованные взгляды, а вот на меня – насмешливые. И пару раз проскальзывает у нее фраза, что уж они-то все вместе пуд соли съели, а я здесь мимокрокодила.

"Она, кстати, тоже блондинка", – замечает ревниво либида.

"Не факт, что натуральная, – фыркает вагина.

"Но такая краси-ивая", – хнычет женская неуверенность.

"А если у Демида с ней что-то было?" – екает сердце

"Все равно он здесь с нами", – высокомерно задирает нос мозг.

Внутреннее напряжение растет. И когда предоставляется пауза, я утаскиваю Демида "подышать".

– Эта Софья на меня как-то странно реагирует, – говорю осторожно, – Может предполагалось, что вы здесь будете развлекать друг друга, а ты внезапно меня притащил?

– Ты к чему клонишь? – довольно резко отвечает Демид.

– Ну... – слегка отодвигаюсь, – Я к тому, что может она хотела бы чего с тобой... или вы уже... или.

– Тебе не надоело? – голос его падает до нуля.

– Ч-что?

– А мне надоело. Ну реально, мы же разговаривали и не раз на эту тему. Я не сплю с каждой женщиной в своем окружении и не спал. Но ты постоянно об этом говоришь, поневоле задумываешься, может стоит действительно сделать чего, чтобы хотя бы не голословно обвиняла?

– Но я не обвиняю...– мелко качаю головой, – Я говорю про свои ощущения... мне дискомфортно...

– Твои чувства, твои ощущения, тебе дискомфортно... Ника, научись-ка сосредотачиваться на действиях которые я делаю, а? Ну там не знаю, радость что ли начини испытывать, что я иду тебе навстречу, когда ты переживаешь за наши отношения. Ты будто ищешь повода меня попрекнуть или поссориться. Чтобы что? Доказать самой себе, что ты не ошиблась – все мужики одинаковые? Тебе вообще хочется быть правой или счастливой, а?

И уходит с веранды, чеканя шаг.

А я только и могу что стоять и глупо хлопать глазами.

Это что было вообще?

Айседора кричите шоферу, чтоб жал тормоза

Демид

Когда тебя не слышат – это конечно то еще бесиво. Распинаешься, а у людей в ушах «бла-бла-бла». Или не знаю что еще.

Бесконечные придирки утомляют. Хотя я просил. И даже если не бесконечные... Тоже утомительно. На работе жаркая во всех смыслах пора: лето – время переделок. Удобно клиентам, уехал в отпуск – вернулся обновленным. И плевать что реабилитация не слишком комфортабельна.

С травмами много народу в больнице.

И ты работаешь, режешь, шьешь, объясняешь, что можно делать, а что не стоит, рассказываешь – а тебе в ответ стеклянные глаза и «доктор, а что вы только что сказали?»

Нике будто тоже повторять надо.

Повторять и повторять, что я не ее бывший. Только не понимаю, от этих повторов и заверений что-то изменится? Я стану честней? Верней? Она будет мне больше доверять? Родители меня учили доказывать делом, а не словом, а она будто не замечает дел. Так и ждет – вот, он оступится и можно будет снова обрушиться с упреками.

Бесит.

Я в своей жизни спал с дофига количеством женщин, хотя далеко не со всеми, с кем мне приписывают, и с меня будто требуют оправдаться за каждую. За то, что я ей девственником не достался.

Как – будто я у нее первый.

Возвращаюсь за стол, постаравшись состряпать спокойное лицо. И до меня доходит, что все-таки перегнул палку. Мама бросает короткий недоуменный взгляд – мол где спутницу потерял? Они с отцом не избалованы этими спутницами, между прочим несколько раз пытались со мной «серьезно поговорить», когда я семьей собираюсь обзавестись. Пресекал всегда. Мое личное дело, я точно не собираюсь жениться в угоду родственникам и пресловутым «часикам».

А вот на лице Софьи – хитрое и понимающее выражение.

Тоже бесит.

И, похоже, я сам себя начинаю бесить. Не прав же в некотором роде...

Софка – лучшая подружка Ангелинки с детства. Обе меня чуть старше, в компании мы одной не тусовались почти, но я хорошо помню, как две девчонки превратились в нескладным подростков, потом в хорошеньких девиц. Во всех видах этих двух помню, кстати. Был момент, когда мы еще жили все вместе и я как-то вдруг из младшего брата превратился в серьезного студента меда, который и подвезет, и сопли вытрет после расставания с мужиком, выслушает. И в морду даст, если кто и правда обидел.

По пьянке мы с Софьей как-то даже переспали. Потом шарахались друг от друга, логично решив, что нафиг такое счастье. Но тот случай будто дал ей право подкалывать меня немного больше, чем других, и делать вид, что мы значим друг для друга чуть больше, чем просто приятели детства.

Это Вероника почувствовала?

Ну так она может еще не раз встретить моих бывших. Если у нас продолжится. Я вон ее Петра уже неоднократно видел, когда Полину забирали от него. Каждый раз в морду хотел дать – не потому что ревновал, уж больно морда противная. Но ни разу Нике не высказался на эту тему.

Только понимаю задним числом, надо было помягче. А то гаркнул, как не в себе, да еще и оставил ее на чужой территории.

Я уже собираюсь снова встать, вернуться на веранду, как Ника возвращается. Не комментирует свою задержку, садится за стол и, легко улыбаясь, отпивает вино. Поддерживает беседу, довольно живо комментирует рассуждения отца относительно нового закона.

Никакой демонстрации «ты меня обидел и я сейчас тебе и всем это покажу».

Но осадочек явно остался.

В какой-то момент уже я утаскиваю ее «прогуляться» на веранду. Там много народа, кто-то пьет коктейли и кофе за маленькими столиками, кальяны. Разговоры.

Отвожу чуть в сторону, за пышные растения.

– Я был груб, – говорю как есть, – Еще и ушел. Не так надо было. Ты высказала свои чувства – я свои. Наверное после этого у людей происходят какие-то договоренности или еще чего... А у нас не случилось. Просто достало, что ты... Так, стоп. Это я опять по новой. А как правильно?

– Меня спрашиваешь? У меня не стоит. Я же не живу в счастливом браке как «любимая жена и мать пятерых детей, приходите на мой марафон семейного счастья», – последнее выдает на одном дыхании. И хмыкает со вздохом. И добавляет серьезно, – Демид, ну если я буду вот замалчивать все, вот прям ни слова о том, что переживаю или что мне не нравится... Так хорошо будет? Держать в себе?

– Я же держу, – пожимаю плечами. – По мне так нормально.

Доходит, когда вижу у нее на лице веселое изумление.

– Я тормоз иногда, ок, – закатываю глаза, – Ну да, не всегда держу в себе. С придирками мне сложно. И с тем, что я не раз оправдался – а у тебя вроде как снова находятся обвинения. Но... мы стараемся?

– Еще как стараемся, – кивает, – Я так вообще постаралась – сильно хотелось тоже развернуться и свалить куда подальше. Я уже почти это сделала. Только подумала, что после этого «свалить» вряд ли мы бы с тобой отправимся вместе в отпуск. А на море за чужой счет очень хочется.

Я какое-то время смотрю на нее, открыв рот... Она же пошутила? Чего серьезная такая?! Но потом Ника начинает смеяться и меня тоже отпускает. Утягиваю ее за колонну.

И целую.

– Хорошо, что ты не ушла, – шепчу.

Целую, тискаю, глажу места, которые наверное не стоит гладить в ресторане. Слова словами, но мне руками и губами важно почувствовать, что все у нас хорошо.

Завожусь, конечно.

Не надо было и начинать...

Наш секс с каждым разом становится будто глубже. И новизна никуда не пропадает. Раньше это было как исследование новых земель. Сейчас у нашего государства появились границы, но сколько здесь всего интересного и уже почти своего...

– Соскучился, – кусаю и тут же зализываю нижнюю губу, – С этой работой я почти

неделю тебя не видел. И неоднократно думал – было бы круто, вернувшись из больницы ночью, застать тебя в кровати голую... горячую...

– Спящую, – говорит таким же тоном. Ржет.

– Полина же уезжает к твоим родителям, может ты переберешься? – в голову приходит отличная мысль.

Замирает. Отодвигается и смотрит на меня:

– Ты предлагаешь... переехать к тебе?

– Ненадолго, – улыбаюсь, – Так будет удобно очень. Замечательно просто.

Мне кажется какая-то тень пробегает по Никиному лицу, но потом она снова расслабляется и приникает ко мне.

– Хорошо. Давай.

Любовь накрыла с головой, если уснул – проснись и пой

Наверное первый признак, что твоя история свернет не туда, это когда ты все больше напоминаешь себе героиню фильма, а антураж все больше похож на тот, на который облизывалась на глянцевых картинках или мини-роликах.

Его и ее щетка на стильной каменной раковине.

Она – только в простой футболке чуть ниже бедер и фартуке, готовит что-то. Он – смотрит на нее внимательно, а потом тянется к завязке фартука.

Смятые простыни и сброшенные на пол подушки.

Отпечатки двух ладоней на запотевшем стекле.

Мужская и женская рука, одновременно ныряющие в миску домашнего поп-корна.

Запах сигарет на лестничной площадке от впечатленных вашей встречей соседей.

В общем любовь как в романах, секс как в порно...

И вроде бы уже не важно, как долго это продлится. Пусть просто будет.

Потому что, во-первых... Это красиво.

В одну летнюю субботу я с визгами счастья сажусь в настоящий кабриолет. Демид у нас в паре отвечает за креатив. И он решает, что в эти выходные мы будем жить свою роскошную жизнь. Берет в прокат машину с открытым верхом, бронирует на ночь загородный отель. И мы несемся навстречу приключениям в стиле «old money»: виски в клубной атмосфере, рубашки поло, большой теннис и спа.

Шелковый платок на волосах обязателен...

– Твой ж... – сипло матерюсь и откашливаюсь, разрушая весь продуманный образ. Потому что в какой-то момент платок слетает, резинка набекрень, а в рот мне, кажется, что-то попало. Что-то живое.

Пытаюсь выкашлять.

Демид ржет.

– Ты справлялась с вещами и покрупнее.

Теперь не могу удержаться от смеха я.

Не знаю почему его грязные словечки и фразы всегда меня так веселят?

«Потому что с ним мы пошлая сучка», – предвкушающе тянет вагина.

«Потому что ты деградировала и теперь пошлая сучка», – хмыкает мозг, но не сказать что разочарованно.

«Потому что это Демид», – с нежностью смотрит в сторону мужчины сердце.

«Потому что он сумел найти к нам подход», – довольно кивает либидо.

«Потому что ты – та самая баба, которая смогла и другим теперь может советовать», – расправляет грудь женское самодовольство.

Мы мчим по загородным трассам и в голове становится все звонче и легче, а рот все шире раздвигается в улыбке.

Хочется вопить от радости.

Определенно, я люблю этот день!

И весь этот мир!

И Демида!

Аж вздрагиваю, когда эта простая, уверенная мысль наполняет меня полностью: от

развевающимися волос до кончиков напедикюренных пальцев на ногах.

Люблю?!

«А ты реально думала, что нет?» – изумляется даже мозг.

Сглатываю.

Не то что бы я думала... скорее старалась не думать. Но тут вот какое дело. Оно когда так просто, однозначно и без всяких «вроде бы чувствую что-то глубокое, но надо ведь подождать, все так переменчиво в этом мире» ты даже не думаешь.

Ты просто знаешь.

И в один момент как-то раз... и знаешь всем собой. И волосами, которые уже спутались и встали дыбом, и головой, и умиленным сердцем, и каждой клеточкой.

И страшно делается, что ой-ой-ой...

И я прыгаю с крыши в твоё небо и тону

Я нашёл тебя одну, и мы идём с тобой ко дну

И мне нужен поцелуй нет времени ждать

Я не могу без тебя дышать

Я не могу без тебя дышать

Танец в темноте, навстречу шаг

Мне тебя любить не мешай

Я не могу без тебя дышать

Но об этом ты не должен знать

Танец в темноте, любовь и страх...

Я даже не сразу понимаю, что это не в моей голове, а песня по радио, которую включил Демид.

Смотрю на него... и отворачиваюсь.

– Эй... ты чего притихла? – спрашивает, сжимая мое бедро. А потом с удовольствием проводит ладонью выше, чтобы задрать и без того короткую юбку, – Тот жук действительно застрял у тебя в горле?

– Просто наслаждаюсь моментом! – говорю наверное излишне весело, но ветер скрадывает все нюансы.

Прекрати, Вероника.

Ты с чего так занервничала?

А то прежде не понимала, к чему все идет.

Демид охрененный. Но даже это не главное. Так бывает, что встречаешь человека... и каждый его шаг, каждый проведенный вместе день погружает тебя все глубже в твои чувства. И уже нельзя отмотать назад и отказаться любить.

Потому что любить – страшно.

Особенно когда не уверена, что и тебя любят.

Потому что жить без заверений и обещаний – ужасно.

Особенно когда убеждаешь себя, что обещаниям ты больше не веришь, но сама же понимаешь – очень даже поверишь. Если они прозвучат от вот этого конкретного человека.

– Скоро доедем, – сверяется Демид с навигатором и нехотя убирает руку, которая уже успела добраться до кружева, – И тогда я покажу все моменты, которыми стоит насладиться.

Иногда я ходил в никуда, никогда не ходил по прямой

– Иди ко мне, – говорю срывающимся голосом и затаскиваю Демида в номер, тяну за одежду.

Он и так шел... Но мне надо чтобы шел по моему требованию.

Что странное, жесткое, темное разлилось во мне, разливалось и пузырилось, пока мы ехали по витым дорогам, ловили блики солнца в листве, слушали Басту и больше не пытались разговаривать. В кабриолете невозможно почти разговаривать на такой скорости. Только кричать.

Я боялась начать и не остановиться. Выплескивая все то, что разлилось.

И даже не разговаривала с администратором, которая нас заселяла. Мне важно было донести все это до того момента, когда мы останемся наедине.

Что изменилось с момента беспощадного осознания? Не понимаю. Разве не думала я прежде, что чувствую к нему? Думала. Мы сто раз это с моими органами даже обсудили. Но все мысленные рассуждения, подпитываемые периодическим общением с подругами, они были похожи на незамысловатые истории из подросткового журнала.

Сейчас меня будто в нефть окунули.

Мне горько, роскошно. Смертельно.

Демид ногой захлопывает дверь и бросает наши сумки на пороге. Я мельком смотрю комнату: самый что ни на есть люкс, с набивным диваном, окном в пол, кровать со столбиками и под балдахин... Он же не отрывает от меня взгляда.

И я тяну за отворот спортивной рубашки с коротким рукавом, за пояс. В сторону той самой кровати. Между ног уже горячо, можно и самой обжечься...

– Мне нравится, когда в тебе просыпается... – пытается подобрать слова. – Ведьма... Властительница.

Цепляет. Ох как цепляет этот его тон, жар его рук, влажная от летнего солнца и наверняка чуть соленая шея... Его запах, его слова, его готовность поддержать любую мою игру.

Любую же?

Проверим. Потому что мне очень надо. Почувствовать снова, что я хоть как-то контролирую ситуацию.

– Нравится? – приподнимаю уголки губ. И добавляю хрипло и резко, – Тогда на колени.

На мгновение его глаза расширяются от удивления, но потом он опускает веки в знак согласия. И опускается на колени, тогда как я присаживаюсь на край высокой кровати. Тяну вверх его футболку. И ставлю ногу в босоножке на голую грудь.

– Ты знаешь, что делать.

У меня даже голос меняется. Становится ниже.

Демид обжигает своим дыханием подъем стопы и аккуратно, будто боясь ненароком поранить, расстегивает ремешок, сопровождая каждое движение поцелуем. Действительно знает? Опытен и в этом?

Целует там, где остался чуть влажный отпечаток. Где край ремешка надавил на кожу. И каждый пальчик... тоже заслуживает его самого пристального внимания. Как и вторая нога.

Я даже не думала, что могу кончить, просто глядя на мужчину, ласкающего мои ступни.

Могу.

Но хочу кончить от другого.

– Выше, – резко и хрипло.

По бугру в области его паха и по тому, как он бросается выполнять мой приказ, понимаю, что Демид не меньше возбужден. Впрочем, он и не скрывает. Хрипло дышит, прикусывает внутреннюю часть бедер, поднимается все выше, и рычит, соприкасаясь с кружевом трусиков. Резко, почти неосторожно сдергивает с меня белье, задирает юбку...

– Убери руки, – демонстрирую максимальное владение ситуацией. Хотя ни хрена ей не владею... Мне хочется орать и стонать от возбуждения и удовольствия, извиваться под ним. Но еще больше хочется...

Чтобы было вот так.

Тягуче, надменно, остро.

– Без рук! – рявкаю, потому что не слышит. Трогает, тянет на себя, вдавливая свои пальцы в бедра... Снова рычит. Бросает на меня короткий возмущенный взгляд, но потом убирает таки руки. И с готовностью приникает к моему лобку.

Послушный. Готовый на все. Мой.

И тогда я широко расставляю ноги и за затылок притягиваю к себе максимально близко, вдавливаю в бедра, требуя сразу всего. Его умелого языка, дыхания, даже зубов... Он понимает меня верно и всасывает клитор так резко, что я взвизгиваю, а потом начинает трахать языком, погружаясь очень глубоко, выныривая и, довольно урча, облизывая свое лакомство...

Стоню я сдержать не могу больше. Выгибаюсь, стискиваю бедра, хрипло вскрикиваю, царапаю его голову, вдавливаю еще сильнее – плевать, дышит или нет – тянусь и выгибаюсь, чувствуя, как натягивается, натягивается моя темнота, звенит струной...

А потом лопается под аккомпанемент моего крика и долгого, глухого стоны Демида.

Я мелко дрожу, оставаясь все в том же положении. Только из меня будто воздух выпустили: если подтолкнуть, то лягу тряпочкой.

Мой любимый доктор по вызову явно мужик, а не тряпка. Находит в себе силы подняться. Опирается о резной столбик где-то справа от меня и дышит рвано. Он-то от чего?

– Офигеть, – слышу от него очевидное. Потому что то, что произошло, оно и правда офигеть, – Я даже подростком не кончал себе в штаны...

А вот такого эффекта я не ожидала.

Дороги мои, дороги. Выносили ноги, помогали боги

– А он чо?

Закатываю глаза. Я могу много рассказать про инсайты с последнего обучения, фильм, на который мы вчера ходили, про достопримечательности, которые я хочу посетить в поездке, но кого это, блин, волнует, надо рассказать: «а он чо?», «а ты ему чо?»...

– А он на эти мои вопли – будем честными, ПМС во всей красе, и Демид здесь ни при чем – только покачал головой и обнял.

– А ты чо?

– А я поплакала немножко и извинилась. И конфликт на этом оказался исчерпан. Оказывается, мне не надо было, чтобы меня научили жить. Доказывать чего-то тоже не надо было. Просто чтобы обняли и прижали к себе.

– Как и в большей части случаев, – соглашается Ольга.

– Даже пугает, что так хорошо понимает тебя, – вздыхает Маринка.

– Идеальный, – подытоживает Наташа.

Я только морщусь и бездумно кручу в руках трубочку от коктейля. Из которого не сделала ни глотка, хоть и понимаю – скоро совсем растает и станет невкусным.

– Колись, – первой реагирует на это все Оля.

– Он... самый идеальный из возможных, хоть некоторые моменты и бесят, – киваю. – И... я поняла, что дико его люблю. Да, представляете... не просто хочу, не просто влюблена. Люблю. Кажется Петю я так не любила. И мои чувства делают все происходящее... сложным наверное. И страшным. Я боюсь проиграть.

– Проиграть? – не понимают подруги.

– Ну что если жизнь – игра? И мы играем роли, и устанавливаем правила, и переходим с места на место, кидая кубики... Что если я проиграю? Я честно стараюсь не думать об этом. Только думаю постоянно. Думаю о том, что хочу остаться у него дольше, чем до приезда Полинка. И с Полиной тоже хочу – но кто ж мне предлагает? Думаю о том, что надо или чинить, приводить в порядок машину или покупать новую, готовить дочку к школе. И это все расходы, которые следует учитывать, а значит ехать на море без денег или брать в долг, потому что я не могу не заморачиваться и постоянно просить у Демида. Или рассказать ему про ситуацию. Но он не муж же мне, чтобы оплачивать все... О ребенке, черт возьми, думаю. Втором. От Демида. Думаю, что если начну говорить о своей любви, то не смогу остановиться и поставлю нас обоих в неловкое положение, как с этим быть потом, ведь он может не так глубоко еще вляпался... И о том, что у меня ни черта терпения просто жить, просто наслаждаться тем, что происходит, а хочется сразу как можно больше и...

– И может ты слишком много думаешь? Я знаю пару коучинговых приемов, которые помогают избавиться от этой мысленной жвачки, – Наташа как всегда в своем репертуаре.

– Это любой женщине знакомо, – вздыхает Оля. – Но ты только в депрессию себя загонишь, если будешь сосредоточена на том, чего у тебя нет. А не на том, что есть.

– Вот именно, – кивает мрачно Маринка, – Взрослая жизнь – это депрессия, долги и секс. И секс не всегда включен. Так что радуйся и фокусируйся на нем.

– А у меня не получается радоваться, – хнычу, – То есть получается... но иногда ка-ак накатит.

«Была бы еще от этого польза», – кривится мозг.

«И накатывает последнее время все чаще, – нудит либидо, – Так мы дойдем и до варианта «ой я сегодня не могу, у меня голова болит»

«Ты же не наделаешь глупостей?» – беспокоится вагина.

«Угу, не откроешь же свой рот не по делу?» – поддакивает либидо.

«Ах, меня разрывает, мне так все странно, непонятно, ах и ох...» – бормочет сердце.

«Все это прекратилось бы, если бы у нас был штамп в паспорте», – поднимает голову

Социальная Установка.

«Ну был он у нас, и что? Помогло?», – сплевывает Опыт.

«Все равно хочу платье, колечка и признаний. Иначе он не Принц», – дует губы Принцесса.

«Есть статистика – если спустя полгода мужчина не сделал предложения и не признался в чувствах, то и не сделает. Потому что у него не чувства или желание жениться, ему просто удобно», – поправляет очки Бескомпромиссность.

Я залпом допиваю коктейль, надеясь унять диалоги в моей голове. Впрочем, вокруг меня в реале они не менее активные.

У каждой из нас есть, что припомнить мужикам... то есть вспомнить о них.

Представление, что хорошо – а что плохо.

Как должно быть и как не должно.

В общем определенные ожидания от жизни.

И вот мои как-то все дальше уходят от реальности, за чем неизбежно разочарование. И как бы я ни пыталась остановить это все, уговаривая себя, что только испорчу своими потребностями, которые подозрительно начинают смахивать на требования, но я уже спрыгнула, похоже, с самолета.

А вот как достигну земли – плашмя или все-таки раскрыв парашют – пока не понятно.

Иду по улице с довольной рожей, мне удивляется каждый прохожий

– Надо же... А я надеялся, что не придется толкаться где-то кроме очереди на посадку, – Демид смотрит сообщение в телефоне и хмурится.

– Что-то не так? – вскидываюсь и тут же заставляю себя замедлиться. Вот честное слово, я стала как заполошна курица последнее время. Балансирую на грани истерики. Из-за моего внутреннего раздрая вообще потеряла опору. По-хорошему мне бы выговориться... то есть произнести все важные слова, просто чтобы они не разрывали меня изнутри. И сдаться на милость победителя – веря в то, что не может просто так у нас все быть. И даже если не прямо сейчас, но в будущем и Демид почувствует что-то особенное...

У нас же с ним по-особенному? Я же не могу ошибаться?

Только я все чего-то медлю. Трусиха.

– Все так, – тянет задумчиво, – Только меня пригласили на свадьбу.

А потом улыбается:

– Ну уже нас.

– И ты... не рад? – Вероника, успокойся. Слово "свадьба" как-то неадекватно на тебя подействовало. Ты аж вздрогнула.

– Не в этом дело. Это мой двоюродный брат, я вроде как не хочу отказываться. Но он уже несколько раз сдвигал дату, однажды и вообще все отменилось. Потому внезапное прям приглашение. Накануне нашего отлета.

– Можно не напиваться, – тоже демонстрирую улыбку. И подмигиваю.

– Можно и не есть, заодно, – хмыкает, – Мало ли. Еще и на теплоходе – а меня бывает укачивает.

– О, ну хоть что-то нашлось, к чему можно придраться, – прыскаю.

– Ты о чем? – не понимает.

– В остальном ты идеален, – подмигиваю снова, демонстрируя, что это шутка. Но она Демиду, определенно, нравится. В отличие от меня он не страдает от неуверенности в себе. И четко знает себе цену: и профессионализму, и внешности, манерам...

Подбешивает это иногда. Потому что я бы не отказалась от такой же уверенности.

Учусь.

– Тогда будь готова не только в отпуск, но и на свадьбу. Что там вам девочкам надо готовить?

Снова киваю с улыбкой идиотки.

На самом деле я бы не сказала, что прям счастлива этому событию. С одной стороны мы не так часто выходим с Демидом на публику, чтобы не радоваться этой возможности. С другой... до меня доходит, что раз это двоюродный брат, то там будет уже знакомая мне компания. А я еще не совсем от прошлой встречи отошла.

"И главное не разрыдаться от зависти, когда кому-то другому будут надевать на палец кольцо", – мрачно заявляет мозг.

"Или кто-то другой поймает букет невесты", – вздыхает сердце.

"А если мы поймаем?" – заинтересовывается происходящим Тревожность.

"Ай! Лучше не надо! Что потом говорить? Как вести себя?" – суется Неуверенность.

"В любом случае, надо выглядеть, как королева", – сообщает либидо.

"Оденься так, чтобы мы тоже всех видели!", – хором поддакивают вагина и грудь.

"Ненормальные? Вы мем что ли не помните про тех, кому за тридцать и очень надо замуж? – фыркает Приличная Женщина, – Это вообще не обсуждается, надо одеться дорого, стильно и элегантно. И при этом не выглядеть лучше невесты".

Я в задумчивости перебираю гардероб и снова прошу помощи зала. Не органов, конечно, а подруг.

– Надо выглядеть так, чтобы Демиду хотелось тебя демонстрировать – но не ревновать, – предлагает Ольга.

– Надо выглядеть так, чтобы он пожалел, что не ты сегодня замуж выходишь. За него, – цепляет за большое Наташа.

– Надо выглядеть так, чтобы не слиться с толпой и не повторить однотипные рюши и тонкие бретели, – категорично заявляет Марина.

Кажется, у меня есть то, что подходит под все эти требования. И органов тоже.

Музыку включи мне музыку

– Ух ты! – Демид забирает меня из салона и явно в восторге, как я выгляжу. Вздыхает совсем не наигранно, осторожно дотрагиваясь кончиком пальцев до ярко накрашенных губ, – У меня встал. И восхищение, и не оно. Но я же понимаю – ничего из этого мне не дадут даже потрогать.

– Не дадут, – смеюсь и обвожу себя рукой, – Здесь столько времени и усилий...

– Да понял я, понял, – ворчит. И открывает заднюю дверь такси бизнес-класса.

Я выбрала смокинг цвета фуксии. Широкие штаны общую строгость очень круто скомпенсировало отсутствие нижнего белья. Или даже рубашки. И воздушный пион-брошь того же цвета на плече. Грудь не видна... но глубокий вырез и полоска кожи дают четкое ощущение чего-то восхитительно-порочного. Расстегнуть всего две пуговицы – и останешься голой.

Еще и профессиональный макияж, уложенные на манер старого Голливуда волосы...

Пожалуй я никогда не чувствовала себя настолько привлекательной.

– У тебя даже лак в цвет, – хмыкает мой блондинчик и целует кончики пальцев.

Я ловлю в переднем зеркале недоумевающий взгляд водителя и подавляю желание показать тому язык.

Да, мой мужик замечает не только одежду или ее отсутствие, но и разные нюансы.

Должна же быть польза от его профессии?

Настроение восхитительное.

Я потрясающе выгляжу, возле выхода из квартиры стоит новенький чемодан с вещами для отпуска, там же кое-какие сюрпризы для Демиды... и наших с ним ночей. Никто не болеет, ничто внезапно не накрылось, и даже критические дни закончились – а ведь нет ничего хуже, чем ехать в долгожданный отпуск с офигенным мужиком и чемоданом, полным прокладок.

В общем, в крови пузырится предвкушение.

Даже несмотря на внутренний раздрай.

А может потому, что он чуть улегся.

Я приняла твердое решение, что в отпуске поговорю с Демидом. У нас будет время, у нас будет возможность сосредоточиться друг на друге, у нас будем мы... И мне хочется углубить это искренностью, даже если мое признание не приведет к осуществлению мечты.

«Угу, чтобы теперь не ты мучалась со всей этой ношей, а он», – кривится мозг.

«Как ты можешь так говорить?! Это все от самого чистого... меня!» – восклицает сердце.

Цыц.

Не мешайте наслаждаться реальностью!

Мое здесь и сейчас восхитительно.

Солнце и легкий ветерок, украшенный цветами теплоход, который отчаливает вовремя. Будущие молодожены – красивые, улыбающиеся, явно влюбленные. Почему-то после слов Демиды про переносы свадьбы я представляла себе жесткую деваху и недовольного мужика, но его двоюродный брат – похожий на него, кстати, – и невеста выглядят счастливыми и умиротворенными.

Церемония начинается почти сразу, и слова клятв, живая музыка, лето вокруг, гости в

светлых и ярких нарядах – вот удивительно, ни одного темного платья, даже мама и сестра Демида, которые мне запомнились совсем иным стилем, сегодня в синем и голубом – все это наполняет радостью.

«Я бы хотела, чтобы моя свадьба выглядела также», – произнести бы вслух, но только думаю. Неловко как-то говорить. И судя по лицам женщин, думаю так не только я.

Хочется немного плакать, потому что это не у тебя, и смеяться, потому что это очень круто.

– Ну хотя бы еда не вся вкусная, а то бы я возненавидела твоих родственников за умение создавать идеальные свадьбы, – бормочу тихо, чтобы только Демид и услышал. Салаты кажутся пресными, а канапе – резиновыми. Так что налегаю на морепродукты и горячие закуски.

Смеется.

Мочку мне прикусывает и чуть касается горячим языком:

– А мне только ты как еда и интересна. Так бы и вылизал всю... как тогда.

Екает внутри.

«Как тогда» – это как в отеле.

Мы еще долго приходили в себя после смены ролей и хотя не договаривались... Оба знали, что повторим снова по настроению.

Я, кстати, в чемодан кое-что и на этот случай бросила.

– Тебе еще придется заслужить это право, – говорю надменно, вступая в игру.

– Р-рр...

Наш интимный диалог прерывается громкой музыкой и первым танцем новоиспеченных мужа и жены.

Потом они танцуют с родителями.

И вот уже Демида утаскивают.

Я улыбаюсь и машу ему рукой. Иди мол. И так мы весь праздник чуть ли не за ручку и не успеваем общаться ни с кем.

Демид уходит, я отпиваю шампанское.

А потом взгляд падает на пришедшее ему на телефон сообщение...

Я не хочу его читать. Случайно выходит.

Случайно, но очень-очень неприятно.

Злая пуля! Дай мне волю. Прямо в сердце, чтоб без боли

«Почему не подошел? Из-за этой твоей? Ну так мы можем как и раньше, какая разница, с кем пришли...»

Абонент "Алина".

Это – осознанная жестокость.

Я понимаю сразу, как только кровь отливает от лица, а потом – назад приливает, опалая щеки, шею, все сразу. Пальцы трясутся, когда я снова берусь за бокал. Отвожу взгляд от всплывшего окна, которое уже исчезло... но все слова – у меня на подкорке.

Сообщение приходит точно тогда, когда Демид отправился танцевать. И та, кто находится здесь и наблюдает за нами, не может это не заметить.

Или она тоже пришла с кем-то, а теперь спряталась и строчит т моему мужику?

У меня нет недоверия к Демиду, вот что я понимаю. Но осознаю также, что рвет меня сейчас изнутри. Давно рвет. Вот эта «какая разница, с кем пришли».

Потому что ходит со всеми подряд.

Могла бы она так написать при законной жене? Если бы я была частью этой семьи, на чью свадьбу ее пригласили?

Может и могла. Но я бы сама по-другому себя чувствовала. Например, что мне можно пойти, найти эту Алину и окунуть ее дурной башкой в реку.

Иносказательно.

«Мне можно» – это не про творить всякую дичь, конечно. Это я протяну руки – и мне протянут в ответ. Это про обсудить, стоит ли переводить ребенка в другую школу. Или понять, что денег ни на что не хватает... А, нет, еще проще. Взять в общей «тумбочке».

Мне можно – в реанимацию, например. Тьфу-тьфу. Или подойти к его маме и сделать комплимент. Обнять может даже, поздравляя с замечательным событием. А чрезмерно смешливую Софью, которая пришла со своим мужиком, но все-таки флиртует с моим, окинуть снисходительным взглядом. Типа «раньше надо было флиртовать и добиваться, а теперь это уже мое».

Я встаю, потому что не могу сидеть.

Оба телефона в сумочку свою закидываю.

Пройтись... найти Демида. Снова уговорить себя, что все нормально. Не пороть горячку. И у него есть прошлое, да... А я – его будущее.

Только как в это поверить, если все, что мне дают – это настоящее?

«Ну он же позвал в отпуск», – с некоторым сомнением бормочет мозг.

И дальше?

«Но мы же любим его», – заламывает лапки бешено бьющееся сердце.

А он?

«Слушай, у нас охрененный секс. Какого ни с кем не было, даже с твоим гадким Петром, из-за которого я за не смела ступить за порог несколько лет. И по признанию Демида с тобой ему тоже лучше всех. Ты же помнишь, он рассказывал о своем прошлом – там столько несерьезных историй, наверняка Алина – одна из них», – раздражается внезапной тирадой Либида.

А я – это «серьезно»?

«Так. Мне не нравится твое настроение. Эй, сердце, ты там не пори горячку!», – начинает нервничать вагина.

«Это не я!» – отнекивается сердце.

«Это мы,» – натягиваются струной нервы.

Я нигде не могу найти Демида.

Его уже нет на танцполе. Нет и за нашим столом. И в обозримом пространстве. А если он с Алиной?

«Я ему доверяю», – безапелляционно заявляет сердце.

«Я тоже», – в кои то веки соглашается мозг.

«Мы как бы отойдем пока, понаблюдаем», – мрачно складывают руки на груди вагина с либидо.

«Дзинь-дзинь», – трепещут на ветру нервы.

– Демид! – выдыхаю одновременно истерично и с облегчением.

Он стоит с отцом и двоюродным братом и явно весело болтает. Но видит мое лицо и хмурится. Говорит что-то родственникам и идет ко мне.

– Что случилось? Ты выглядишь странно.

«Дзинь-дзынь».

– Тебе сообщение пришло на телефон... Я читать не хотела, но эти всплывающие окна...

– И?

– От какой-то Алины. «Почему не подошел? Ну и что, что не один, какая разница, мы и раньше это делали», – передразниваю неведомую нахалку.

– От кого? – недоумевает еще сильнее. А потом на лице проступает понимание.

– Вспомнил? – хмыкаю зло.

– Даже не думал, что она может быть на свадьбе, – пожимает плечами, – Старая история.

– Которые постоянно всплывают.

– Мне кажется мы уже говорили об этом, – Демид явно начинает напрягаться. Утягивает меня в сторону кают, там где нет никого. Боится скандала? Ха! Я могу!

Стоп, Вероника, стоп...

– Говорили. Только количество баб вокруг тебя не уменьшается.

– И не уменьшится, – рывкает почти, – Да, мы можем встречать кого-то из моего прошлого. Или клиенток. Или будущих клиенток... Это будет, и ты с этим согласилась! Вероника, тебе подсыпали в шампанское что-то? Ты чего такая бешеная? Мне жаль, что тебя расстроило это сообщение, но ты же сама говоришь, что доверяешь. Да и видишь... я целиком в тебе и в работе! О других и речи не идет. Времени на это точно нет, сама понимаешь.

– Не в этом дело!

– А в чем?

– Если бы у меня был статус, этого бы не происходило!

– Какой статус? – не понимает.

– Жены! – выпаливаю, наконец, что меня так терзает, – Я всего лишь какая-то очередная твоя баба! Именно так меня воспринимает и семья твоя, друзья, все эти бывшие...

– И ты сама тоже так воспринимаешь, я верно тебя понимаю? – тянет, разглядывая так, будто первый раз увидел.

– А что, это не так? Или ты вставал на одно колено с признаниями и кольцом? Может делал это, пока я спала? Ты даже пожить мне предложил «пока Полины не будет», сразу четко обозначив все сроки!

– Погоди, а ты бы предпочла что-то другое? – он искренне изумляется, – Ты бы первая занервничала и стала раздумывать, как это возможно – жить вместе с дочкой, как ей это преподнести при существующем отце. Сама бы сбежала, сверкая пятками, потому что «ребенок не поймет». Я ведь как только заступал на эту территорию, как тигрица... «Ничего ты Демид не понимаешь в маленьких девочках», «я сама решу – это моя дочь». Я даже не рисковал что сказать, если Полинка вела себя не слишком воспитанно.

– Мог бы и сообщить, что тебе что-то некомфортно!

– Я не хочу вываливать на тебя то, что к чему ты сама не готова! А может и я. Всему свое время.

– А может оно никогда не наступит, а, Демид? Ты же не зря не был еще женат к своему возрасту.

Понимаю, вроде, что херню несу. Но... Все. Не могу остановиться. Я должна добиться правды, какой бы она болезненной ни была здесь и сейчас.

Демид же пока пытается остановить:

– Давай мы закончим этот разговор. Свадьба на тебя подействовала или что еще – но он точно неправильный. Ты начинаешь грезить о штампе в паспорте как о наивысшей точке развития отношений...

– А разве это не так?

– А разве это так?! Бля, ты себя слышишь? Ты говоришь о статусе, который даст тебе якобы больше прав в общении с какими-то потенциальными бабами. Это реально то, что тебе хочется? Самая главная причина, по которой мы вместе? Что за установки в твоей белокурой бестолковке? Ты сама их придумала или тебе подсказал какой-то из твоих органов?

Последнее звучит почти оскорбительно.

Да и все предыдущие слова... во что-то мягонькое внутри бьют.

– А тебе что подсказывают органы? Мозг предлагает уваливать всеми способами от женитьбы, а член – трахать все, пока молодой?!

– Ника остановись...

– Нет уж, не остановлюсь, – кричу почти, Вот здесь и сейчас скажи мне – ты собираешься на мне жениться?!

– Нет.

Наотмашь.

Я аж отшатываюсь от холодно глядящего на меня Демида.

Вот так просто? «Нет»?

А как же...

– Супер, – вырывается сиплое, – Вот и прояснили. Вот и славненько. Так... я сейчас пойду, продышусь и...

Разворачиваюсь и ухожу вдоль борта, чуть пошатываясь. А нет, это волны. Или меня все таки шатает?

И он за мной не идет. И внутри даже нервы не звенят. Все вымерло.

Тишина.

Это было бы даже приятно... но меня эта тишина пугает.

Я стою, вцепившись в перила, будто упасть боюсь. Вывалиться. Бездумно смотрю на проплывающие мимо темные берега, а потом до меня доходит, что не плывут они мимо. Теплоход не движется.

И к борту лодка моторная подплывает – забрать несколько смеющихся пар.

Если вам, блин, так весело, чего валите, а?

– Можно я с вами?

У меня такой вид, наверное, что мне можно все. Прямо как заказывала.

Телефон звонит уже когда мы к пристани подплываем. Я беру по привычке и долго смотрю на незнакомые цифры.

– Да?

– Ника, у меня телефон пропал. И ты куда делась? – голос Демида слегка обеспокоенный, но такой, будто... Будто ничего не случилось.

Он правда не понимает?

– Я на берегу. Твой телефон у меня. Случайно получилось. Оставлю его у консьержа, – отхожу в сторону от людей и говорю короткими фразами. Чтобы успевать сделать вдох и не захлебнуться тем, что поднимается изнутри, – Ключи тоже оставлю. Чемодан заберу.

– Какие ключи, чемодан? Мы же завтра улетаем...

– Никуда я с тобой не полечу, – получается очень ровно и даже со скукой.

– Вот так просто возьмешь и не полетишь? И заберешь все вещи? И бросишь по смс-ке?

Издевается?

«Брошу»?

«Просто»?

– Иди ты, Демид, – выдаю сипло и отключаюсь.

И вызываю себе такси.

Но не дамся им живым, лучше сдохну молодым

Три недели спустя

– Шок, отрицание, гнев, торг, депрессия и принятие... – Марина увлеченно смотрит в телефон и перечисляет этапы проживания потери. А я потеряла. Теперь уже точно... С момента, как я вышла из дома Демида, волоча за собой чемодан, не произошло ничего, что имело бы к нам отношение. – Так, шок точно не может быть. Он от пары часов до пары дней... Ты на какой стадии?

– Не знаю, – отвечаю уныло.

– Понятно, – вздыхает подруга. – Депрессия. А это может быть надолго.

Депрессия – не депрессия, но мне откровенно хреново.

Пустота внутри после свадьбы сменилась непониманием, потом, спустя несколько дней, дикой злостью – потому что Деמיד и не пытался меня искать. Не обрывал мне телефон, не заваливал цветами. Разве это не говорит о его равнодушии и не подтверждает факта, что он не испытывает ко мне чувств?

Потом я много раз порывалась ему сама позвонить, высказать все, что думаю... Не стала. Позвонить и извиниться, что такая психованая. Не стала.

Что бы это изменило? Хотя может и изменило...

Ведь его могли похитить инопланетяне или он вот головой может ударился, пока сходил с корабля. И теперь с амнезией в больнице, никого не узнает – и позвонить не может...

Ладно. Это уже совсем бред. Он просто не хочет. Из-за того, что это стало последней каплей или может у него на самом деле нет особых чувств... Но теперь я точно перестала быть его проблемой. А он – моей.

Я теперь одна-одинешенька-ааа...

– Слушай, я так и не поняла до сих пор, чего ты вообще на него накинулась и стала вопить про эту свадьбу? – Наташка участливо тычет в меня пальцем, проверяя, не подохла ли – уж слишком неподвижно сижу, уставившись в одну точку.

– Сама не знаю, – отвечаю еще более уныло.

– Ты же была уже там, замужем, – продолжает гнобить "добрая" подруга, – Тебе там не слишком сладко оказалось, и вдруг захотела туда вернуться? Тебе так оказалось это важно?

– Нет, девочки, – вздыхаю, – Важно не то, что я вдруг захотела «взамужем». Важно рассматривает ли он вообще меня как потенциальную жену, а наши отношения – как серьезные.

– Ну знаешь ли, проверять что-то в таком месте, да еще таким способом... Я бы не только «нет» тебе сказала, но и послала куда подальше. Деמיד еще вежлив был, – встает на сторону блондинчика подруга.

– Да знаю я! – рявкаю. Как всегда ощущение вины перерабатывается в агрессию.

– О, снова стадия гнева вернулась, – с умным видом кивает Маринка, – И вообще, я считаю, что очень даже правильно проверила и все выяснила. Прямо хорошо, что расставила на места. Пока не зашло далеко.

– Это что у нее далеко не зашло? – фыркает Наташа, – Там дальше некуда.

– И что хорошего произошло? – поддерживает Ольга Натали, – Хорошо, что в отпуск в классное место не поехала? Что рассталась с классным – реально классным – мужиком? Что сидит сейчас и страдает?

– Хорошо, что перестала жить в иллюзии! – бьет ладонью по столу Марина, – Значит она права, что выяснила это.

– А она хотела быть правой или счастливой? – на удивление упорствует Оля.

– И что, значит надо подстраиваться и прогибаться? И плевать, что не любит?

– А он это говорил? По мне так он просто сказал что не собирается предлагать ей замужество в тот момент. Так и прав же. Ультиматумы ни одному человеку не нравятся.

– Хватит может говорить обо мне так, будто меня нет, – ворчу.

– А ты есть? – откликается Наталья. – По-моему, тебя вообще последние недели нет.

Вздрагиваю.

Смотрю на них.

Тру лицо...

Задница, конечно, какая-то вышла.

Моя эмоциональность до добра ни разу не доводила, но то, что я устроила в тот вечер – совсем перебор. С другой стороны, и правда ведь без иллюзий теперь.

С третьей...

А я и правда где? Потерялась, похудела и внутри будто усохла... На место пустоты пришла пустыня. Там тоже люди живут, конечно. Но вот я бы не хотела.

– Что делать, девочки? – едва не всхлипываю.

– Тебе решать, – пожимает плечами Наташа, – Что бы ни решила – будет правильно. Если осознанно придумашь и будешь готова за последствия решения отвечать.

– Ищи того, кто с тебя пылинки сдувать будет, – отвечает уверенно Марина, – Чтобы на плечо – и в пещеру. А не многолетняя тягомотина.

– Выбери тот вариант, где ты будешь счастлива в моменте, – участливо смотрит Ольга, – Хреново совсем не думать о будущем, но блин... у нас так все быстро меняется. Жизнь я имею в виду. Вообще не понять, что завтра будет. Конечно, если ты не можешь жить с фактом, что после твоего ультиматума никто не встал перед тобой на одно колено – что ж, принимай решение, что ждать ты не можешь и не хочешь. И пойдешь своим путем. А если нет...

– Вы же понимаете, что каждая сказала исходя из своей личной ситуации? – хмыкаю.

– Но ты же именно нас спросила, как бы мы могли еще сказать? – удивляются.

И то верно.

– Бутылка просекко от мужчин вон с того стола, – появляется внезапно официант, – Сказали, что вы так похожи на четверку из «Секса в большом городе», что они не могли не угостить.

– М-мм, надеюсь они поняли, кто здесь Саманта, – томно оборачивается через плечо Натали, мгновенно входя в роль.

– Спасибо, – кивает Ольга официанту и соглашается за всех на его предложение открыть бутылку и разлить.

– Меня пугают мужики, которые знают про этот сериал, – презрительно фыркает Мариша.

А я, несмотря на стадию "депрессия", начинаю широко улыбаться.

Даже еслии дальше мне будет так хреново, как сейчас, у останутся Полинка, мои такие

разные и любимые подруги, деньги, чтобы сидеть в конце августа в кафе и вот такие ненавязчивые знаки внимания.

А это уже очень даже немало.

Мой адрес не дом и не улица. Мой адрес сегодня такой

Демид

В конце сентября в Петербурге сыро и холодно. Дожди. Мне так вполне попадает в настроение.

Капли как кислотные – одежду насквозь и до чувствительной кожи.

Зато нет необходимости заниматься ерундой. Вроде прогулок, встреч с многочисленными коллегами, знакомствами... Да и времени нет. Я приехал по работе и попадаю в номер только поздними вечерами. Максимум – поужинать. И заснуть под бормотание телевизора.

Вот только селюсь почему-то опять на Мойке, а не в гостинице возле клиники...

Я говорю себе, что мне просто нравится этот отель и завтраки здесь лучшие. И что я не люблю всяких неожиданностей – а здесь все понятно и на уровне.

И сам себе не верю.

Будто ищу хоть какой-то мостик к тому, что у меня было с Вероникой... И, пожалуй, стоит честно признаться себе, что ищу по определенной причине. Вот делать с этой причиной что-то или нет- я так и не решил. Или решил?

После ее выходки на теплоходе мне казалось, что все. Последняя капля. На эмоциональных качелях Вероника постоянно делала солнышко, и уж насколько я готов к компромиссам, но ультиматумы, очередные претензии, а по итогу еще и бегство – и со свадьбы, и, по сути, с поездки, которую мы вроде как вдвоем с такой тщательностью планировали, а я еще и оплатил... Это слишком.

Мозг заявил, что такая нам не нужна. Целее будем. Лучше вернуться к проходным вариантам.

Член уныло поник на этом утверждении, но со скрипом согласился не выпендриваться, ведь ему пообещали много красивых баб.

Внутри что-то екнуло на этом обещании... но мы заставили это что-то заткнуться.

Вот только прошло полтора месяца. И у меня так и не случилось ни попроще, ни красивых баб. Будто не только Ника помахала мне ручкой, но и потенция, и вообще интерес к этой части моей жизни.

И, опять же, мозг из этого сделал довольно конкретные выводы...

Усмехаюсь. А вот и еще один мостик. Каким-то образом Ника научила и мои органы разговаривать...

Я переодеваюсь, накидываю пальто и решаю выбраться в одного поужинать.

Открываю дверь...

И рот.

Потому что в проеме с занесенным кулачком стоит предмет моих размышлений. В странном черном наряде и явно готовится постучать.

– Я не вовремя? – первое, что она говорит, быстро меня осмотрев.

– Заходи, – первое, что говорю я.

И та, и другая фраза звучит достаточно сдавленно, но... Блять, внутри аж сводит все от внезапного напряжения, как еще звучать?

«Обнять и трахать», – бьется всеобъемлющая мысль. Хотя вряд ли мысль. Не мозг же ее придумал.

«Что она здесь делает?» – а вот это скорее всего мозг.

– Привет, – все таки выдыхаю. А то до того и не дышал.

Пальто снимаю. И делаю приглашающий жест... ну там пусть присядет.

«А лучше приляжет».

Так.

Стоп.

Надо по-нормальному. Начать разговор через рот. Спросить, например. Чтобы было время осознать, что блондиночка здесь. В принципе, в самом верном месте, с учетом того, что я решил. Но...

Как меня нашла? Что здесь делает? Что вообще делала это время... без меня?

– Ты сменила имидж? – хрен знает почему спрашиваю именно это. Но по ощущениям из всех этот вопрос почти что подушка безопасности, – Платье у тебя... интересное.

«Блядское».

– Как у горничной, – почему-то краснеет Вероника.

– У горничной? – туплю. Горничные в таком здесь точно не ходят. У них строгие форменные рубашки, брюки. А у блондиночки... глубокий вырез, кружевной фартушек, юбка, едва прикрывающая трусы...

Блядское. Прав тот, кто у меня внутри сказал это.

– Ну... у той. Что по вызову, – краснеет еще сильнее и отводит взгляд. А потом падает таки в кресло и хлопает себя ладонью по лбу. – Черт. Как все по-идиотски. Я думала будет легче и веселей... И сексуальней.

До меня, наконец, доходит.

Как-то сразу все. И немедленно отпускает напряжение. И хочется улыбаться. И Питер этот... ну и плевать, что дождь. Она же пришла. Вот здесь, передо мной. Сама сделала первый шаг. И явно хочет мириться. И костюм этот... повторяет знакомую сцену – только в обратную сторону.

Тогда я появился в номере «доктором по вызову». А сейчас она.

«А у меня сейчас будет секс!», – радостно пускает слюни член.

М-да, Вероника будет сильно смеяться, когда я расскажу, что теперь и у меня органы разговаривают. А я не верил ей, что это настолько реально.

Делаю шаг в ее сторону, не могу не сделать.

– Стоп! – выставляет она вперед ладошку, – Мне надо кое о чем с тобой поговорить.

«Или не будет, – грустно вздыхает обиженный орган.

Напишу припев попроще, чтобы пели даже тёщи

Демид

"А она еще не все сказала?" – мрачно уточняет мозг.

"О, я придумал, чем заткнуть ей рот!" – оживляется вдруг член.

– Бл... как ты с этим живешь? – вырывается у меня.

– С чем? – широко распахивает глаза блондиночка, – С желанием поговорить?

– Нет, – вздыхаю, – с этими всеми органами в твоей голове... Как ты с ума не сошла еще?

– Я может немного и сошла... – вздыхает. – Но не суть. Ответь мне на один вопрос. Вот тогда, когда ты мне позвонил... когда я сбежала. С теплохода. На мой телефон позвонил... Ты же с чужого, верно?

– Мой же у тебя был, – киваю недоуменно.

– Вот и я про то же... И как ты смог набрать мой номер?

– Ну... у меня хорошая память на цифры, – недоумеваю еще больше.

– Вот, – снова вздыхает. А потом смотрит на меня такими разнесчастными глазами, что так и хочется обнять и пригреть, как голодного котенка. – Понимаешь, я много думала все это время. О нас. О том, как я себя вела... О том, что я вообще хочу во всей этой ситуации – и что ты мне готов дать. А потом увидела в одном ролике – там обсуждали отношения – диалог, что если твой номер помнят наизусть, так это говорит о том, что ты очень важен. Ведь невозможно помнить, если относишься к этому человеку... никак.

– То есть ни одни мои действия тебя не убедили, а этот эпизод убедил? – вскидываю брови.

– Звучит идиотски, согласна. Как и многое из того, что я тебе наговорила. Как мое бегство. Эмоции не лучшие советчики. И вряд ли оправданием могут послужить мои чувства.

"Вот об этом поподробнее", – екает внутри.

Цыц.

Я сам разберусь.

– Твоя эмоциональность имеет и положительные моменты, – чуть придвигаюсь. Осторожно, чтобы не спугнуть. А то с нее станется опять свалить куда...

И как я без этого жил?

– Это какие? – задирает мордашку в надежде.

– То есть мне еще и уговорить тебя надо? – хмыкаю, – Ты умеешь быть беззащитной и слабой. И откровенно веселой и злой. Ты идешь за своими желаниями и всю наслаждаешься жизнью. Ты живая, Ника, это безумно привлекает...

– И бесит, да?

– И бесит иногда, да, – соглашаюсь. Встаю совсем близко. Дотрагиваюсь до щеки, волос... Хорошая такая. Прямо то, что надо, – Если бы ты не сбежала еще по поводу и без, было бы совсем терпимо.

– Мне казалось это справедливым в тот момент, – жалуется на себя же, – Только потом я поняла, что как идиотка себя повела. Про статус орала, хотя едва от брака отошла. И Полинку тебе особо не доверяла. И много чего еще... Свадьба и то сообщение

подействовали. Но опять же, не оправдывает. Я просто хочу прояснить – я тебя понимаю. Поняла. И я бы тоже, если бы мне вот так ультиматумы предъявляли, только "нет" и сказала. А на тебя обиделась, ага. И без мужика осталась, и без отпуска, и без кайфа. Хорошо хоть там было?

– Где?

– На море. Мы ведь так тщательно побережье выбирали...

– Я не поехал, – пожимаю плечами.

– То есть?!

– Мы эту поездку с тобой планировали. Она для нас двоих была. А так... не то. И незачем, – пытаюсь неловко объяснить свои чувства.

Снова прячет лицо в ладонях. И бормочет:

– Скажи, я совсем все испортила или еще хоть есть что исправить?

– А сама как думаешь? Я же тебя пустил, – пытаюсь сдержать смехок.

– Да что там думаю, – всплескивает руками, – Мозг рядом с тобой редко появляется. Я шла сюда в намерении соблазнить для начала – а там разобраться... Горничная, все такое – это же ваша мужская фантазия?

– Конечно, – киваю может излишне быстро и смотрю излишне честно... Прокатывает. Фух.

– Ну вот, – Ника довольна, – Думала соблазню. Потом извинюсь. Потом как-нибудь снова окажусь в твоей жизни. Уже сделав выводы, что надо меньше предъявлять – больше доверять. И заметь, я ни слова не сказала по поводу того, что ты не звонил и даже не пытался меня вернуть.

– Уже сказала, – смехок на этот раз не удастся скрыть.

– Но не обиделась!

– Это достижение, – улыбаюсь еще шире и обнимаю, наконец. Не знаю, у кого довольный вздох звучит громче. Я зарываюсь лицом в ее волосы и бормочу, – На самом деле ты опередила меня всего на несколько дней. Я тоже кое-что для себя решил. Потому что с тобой, конечно, беспокойно... Но без тебя было хреново.

– А я думала придется отбивать тебя с боем.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну ты же классный. Ты бы в любом случае не остался один.

– Вопрос в том, с кем хочу остаться я.

– То есть... – она выворачивается из моих рук и встает напротив, прикусив губу, – Ты готов снова попробовать?

Готов ли я?

Это же Ника. Пятьдесят килограмм дерзости и радости и около кило – слез. Девочка, которая потащит тебя туда, куда и заходить не стоит. И пока ты будешь страховать ее и орать, чтобы осторожней и не свалилась, она будет ржать и требовать продолжения банкета.

А ты будешь беситься.

И пару раз даже подумаешь, что без нее – проще.

А потом вспомнишь, что без нее – проще, но унылей. И пусть она и бесит, но это тоже чувство, которое без нее и не возникло бы никогда... как и многие другие чувства.

Хм. Что там на этот счет?

– Я тебя люблю, – сообщаю очевидное и притягиваю раскрывшую от удивления рот блондиночку к себе.

Финальная песня

– Полина!

Я с интересом наблюдаю, как лицо Демида, прежде расслабленное, начинает напрягаться, а губы поджиматься в типичную родительскую куриную жопку.

– Полина! Вообще-то я тебя зову!

– Вообще-то я здесь, – сообщает с самым невинным видом моя дочь и умилительно шаркает ножкой по кухонной плитке. В каких таких исторических фильмах она подсмотрела это? Ни дать ни взять, юная графиня, вызванная к престарелым родственникам.

– Мы... – пытается выдохнуть и досчитать до десяти Деמיד, как я его учила, – Мы о чем с тобой договаривались?

– О многом? – на лице у дочери проступает сомнение. Она косится на холодильник, где лист с собственноручно и коряво написанными правилами поведения – все как полагается, скрепленными тремя подписями и красной печатью Hello-Kitty. Но, понятное дело, ничего с такого расстояния прочитать не может.

Холодильник, прежде идеально хромированный, наглый и гладкий, а теперь покрытый магнетиками и такими вот листами, может и рад помочь, но стоит как стоял.

Я тоже.

Два осторожных взгляда – со стороны Полины и Демида – встречаю нейтральным лицом и поднятыми руками. Типа я не при делах. Вы договаривались – вам разбираться.

Мне этому пришлось учиться. Не лезть в их взаимоотношения, в которых за прошедшие полгода было немало. Чтобы они научились эти самые взаимоотношения строить.

Как мы с Деמידом.

И надо сказать, у всех получалось.

Вот только сегодня...

– Мы договаривались, что ты не будешь разбрасывать свои игрушки и вещи где попало, – начинает бубнить Деמיד, перечисляя обнаруженные после возвращения с дня рождения друга косяки.

– ... Они не разбросаны! – вскидывается Полина, – Они просто живут в разных местах!

– Что мой кабинет, мои книги, все, что там находится – под запретом и трогать это нельзя...

– Мы ничего не трогали! Хотя очень хотелось... Просто тот стол был очень удобный, чтобы сделать там штаб! На полу же можно было? – объясняет малышка, чем она занималась с соседской подружкой, пока мы ходили в ресторан.

– Что вы не включаете никакие приборы в отсутствие взрослых...

– А мы и не включали, – совсем удивляется дочь.

– А это что? – кивает Деמיד на кастрюлю с кучей ингредиентов в ней и вокруг.

– Ну так мы зелье варили. Но не включали...

– Варили, но не включали? – подтупливает гениальный хирург, который вряд ли видел в жизни много чаепитий из пустых пластмассовых крохотных чашечек и полноценного обеда из трех блюд – то есть трех видов трав и грязи – поданного на кукольных тарелочках.

– Ну да, – Полина тоже не понимает, в чем проблема.

Деמיד снова смотрит долгим взглядом на плиту, на кастрюлю, что так его взбудоражила, на дочку и кивает, наконец.

– Ладно.

А когда та убегает – поворачивается ко мне.

– Я совсем тупой, да?

Смеюсь.

Настроение классное.

Мы отлично провели время с Федей, его женой и их крохотным сыном, которого те спокойно притащили в шикарный ресторан, Полинка отлично провела время с новой подружкой из этого же подъезда – а с учетом того, что в квартире Демида последнее время мы чаще, чем в своей, это прям ценно. И я красивая, и блондинчик довольный и веселый. И февральская стужа за окном не мешает теплу, что разливается внутри...

Чего бы настроению не быть классным?

– Ты прекрасный, – качаю головой и обвиваю руками его талию. Задираю голову вверх. Любуюсь, – Но родительство – это как врачебная практика. Постоянно надо учиться и не все операции проходят удачно.

– Думаешь из меня будет хороший родитель?

– А он уже, – снова смеюсь, – Или чем вы сейчас занимались с Полиной?

Демид смотрит внимательно. Так внимательно, долго и молчаливо, что я настораживаюсь.

– Что?

– Мы тут с органами посоветались...

У меня едва челюсть не падает. Мы не часто вспоминали эту историю. Хотя, определенно, она из тех моментов, что составляют пару. Мелочей, шуток, понятных только им, взглядов со значениями. Но вот такое высказывание я слышу первый раз.

– И... чего насовещали?

– Да разного, – он будто смущается чуть и отводит взгляд. А потом склоняется к уху, – Член заявил, что никого лучше, чем твоя подружка-вагина мы не найдем. Мозг самодовольно отметил, что ты благодаря ему стала уверенней в себе, значит он верно подбирает слова. "Классический мужик" так и вовсе захлебывался восторгом от твоего внешнего вида, смеха, взгляда сегодня и как все ему в ресторане завидовали. И что-то внутри всегда помнит слова, которые ты мне шепчешь ночью и твои признания...

– Ну а ты? – внутри все аж сжимается сначала, а потом начинает расширяться, грозясь заполнить весь мир.

– А я... А я смотрел на тебя с мелким Севкой на руках и думал, что не против был бы, если бы это был наш ребенок.

Из глаз непроизвольно брызжут слезы и я утыкаюсь Демиду в плечо. И шепчу оттуда приглушенно:

– Я бы тоже была не против.

– Тогда сделаем все по порядку, – сообщает мой любимый доктор по вызову после долгого выдоха, – Для начала мне стоит наведаться в ювелирный магазин. Как думаешь, это будет сильно странно, если я возьму с собой Полину?

Реву, уже, похоже. И потому могу ответить только кивком. Но на всякий случай еще отрицательно мотаю головой – мол нет, не странно.

И меня понимают.